

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Материалы Международной научной конференции

(Омск, 27 марта 2020 г.)

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2020

ISBN 978-5-7779-2496-4

УДК 340
ББК 67я43
П685

Рецензенты:

канд. юрид. наук, доцент *Р.В. Кирсанов*
канд. юрид. наук, доцент *М.А. Драчук*

П685   **Правоприменение в публичном и частном праве** [Электронный ресурс] : материалы Международной научной конференции (Омск, 27 марта 2020 г.) / [отв. ред. Г.Н. Обухова]. – Электрон. текстовые дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2496-4

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции, организованной юридическим факультетом Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адресуется широкому кругу специалистов в области различных отраслей права, профессорско-преподавательскому составу, аспирантам и адъюнктам, студентам и курсантам образовательных учреждений юридического профиля.

УДК 340
ББК 67я43

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:
процессор с частотой 1,3 ГГц или выше ; ОЗУ 512 Мб ;
Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше ; CD-ROM; мышь

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2020

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным организационным комитетом конференции.

Дата выпуска: 15.07.2020.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 7 копий. Объем 2,3 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

СОДЕРЖАНИЕ

Аксенова Г.Н. Правовой нигилизм: причины возникновения и пути преодоления.....	7
Аминева А.Ю. К вопросу о сторонах соседского правоотношения	13
Ануфриева А.В. Некоторые вопросы порядка предоставления ежемесячной денежной выплаты	16
Баканов К.И. Представитель в судебном процессе на пути разрешения задач гражданского и административного судопроизводства	21
Верина Г.В. Научная оценка правоприменительных коллизий квалификации насильственных хищений.....	24
Герасименко Н.И. Особенности осмотра интернет-ресурса при расследовании мошенничеств	30
Гилева Н.В. Применение трудового законодательства Республики Казахстан в период коронавируса	34
Головачук О.С. Современные проблемы производства по делам частного обвинения.....	43
Данчевская А.В. К вопросу о состоянии преступности в Акмолинской области в конце XIX – начале XX в.....	47
Демин А.А. Нормы в механизме гражданско-правового регулирования.....	53
Дмитриева Е.А. Правовое регулирование высшего образования в 1917–1925 гг. в России	58
Драчук М.А. Цифровизация российского рынка труда.....	63
М. Zbucka – Gargas Защита информаторов на рабочем месте в ЕС – новые обязательства и вызовы	67
Иванов Р.Л. Эволюция источников российского права в постсоветский период.....	74
Ковальчук Н.И. Самовольная постройка как основание прекращения прав на земельный участок	81
Кожевников В.В. Государственно-правовая действительность как предмет отражения правосознания	86
Козлова В.В. Российское законодательство о банкротстве: криминологический взгляд	90
Козловская М.Г. Общеуголовные преступные сообщества в историческом контексте	95
Константинова В.А. Решение о назначении судебного разбирательства в особом порядке	99
Кошечкина Г.В. К вопросу о механизме предоставления социальных выплат.....	106
Кошель Д.Е. Финансовый рынок, компетенция Банка России и предмет финансового права.....	110
Кузнецов А.А. Следственные действия как основа преодоления противодействия расследованию преступлений	116

Кузьмина В.А. Процессуальный статус контролирующих должника лиц в обособленных спорах по делам о несостоятельности (банкротстве)	122
Маслов К.В. Важность оценки налоговой безопасности государства в механизме государственного управления налогообложением	127
Медведева Е.В. Новеллы в упрощенном производстве и приказном производстве в гражданском и арбитражном процессе.....	134
Михайленко Ю.А. Основные тенденции развития трудового законодательства в условиях цифровизации общественных отношений	140
Обухова Г.Н. Международная трудовая миграция: проблемы реализации трудовых прав мигрантов.....	145
Пономарева К.А. Налогообложение цифровой экономики в контексте налоговой безопасности государства.....	150
Рагозина И.Г., Пестерева Ю.С. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил: сравнительно-правовой анализ.....	156
Сайфутдинова В.М. Понятие и условия наступления материальной ответственности	162
Серова А.В. Документы стратегического планирования Российской Федерации и повестка дня, ориентированная на человека: грани соприкосновения в сфере труда	168
Симонов В.А. Перспективы конституционализма в полиэтнической Российской Федерации.....	175
Степашин В.М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении	185
Сторожук Д.А. Карантин застрахованного лица как основание обеспечения пособием по временной нетрудоспособности.....	192
Султанова Т.А. Соблюдение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	200
Сысенко А.Р. Место лингвистической экспертизы в системе судебных экспертиз.....	205
Тарасенко В.В. Конституционное регулирование конституционной правосубъектности коллективных субъектов права в Российской Федерации: реальность и перспективы	209
Тишкович К.С. Нетипичные трудовые отношения: проблемы правоприменения	215
Урусов А.А. Анализ практики применения досрочных видов освобождения от наказания в виде лишения свободы.....	222
Фаст И.А. О порядке защиты личной неприкосновенности в гражданском праве.....	227
Федорова М.Ю. Дисциплинарные правоприменительные процедуры в случае нарушения медицинским работником норм профессиональной этики	232

Хисамов В.Н. Понятие и правовая природа специальных знаний в уголовном судопроизводстве РФ	238
Чуча С.Ю. Применение искусственного интеллекта при рассмотрении трудовых споров в суде: проблемы и перспективы	243
Юдина Т.Ф. Эволюция института объективного вменения в истории отечественного права.....	249
Якимова Е.М. Значение правоприменительной практики в разрешении проблемы бинарности конституционных принципов свободы предпринимательской деятельности и социального государства	250
Сведения об авторах	258

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Г.Н. Аксенова

LEGAL NIHILISM: CAUSES AND WAYS TO OVERCOME

G.N. Aksenova

Проблема правового нигилизма как инварианта современного российского правосознания является одной из актуальнейших. Корни правового нигилизма в России уходят в её историческое прошлое. В статье рассмотрены причины появления данного феномена, формы их проявления и пути преодоления.

Ключевые слова: *правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, отрицание ценности права, правовое воспитание, правовое поведение*

The problem of legal nihilism as invariant of the modern Russian legal consciousness is one of the most urgent. The roots of legal nihilism in Russia go back to its historical past. This article will discuss the causes of these phenomena, their forms of manifestation and ways to overcome them.

Keywords: *legal nihilism, legal awareness, legal culture, denial of the value of law, legal education, legal behavior*

Для анализа правового нигилизма следует сначала дать определение «правовая культура» в целом. Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека [1].

Правовая культура зависит прежде всего от уровня развития правового сознания населения, уровня развития правовой деятельности и уровня развития всей системы юридических актов. Анализ правовой культуры необходим для того, чтобы сначала выделить и описать правовые ценности, идеалы и образцы, к которым следует стремиться законодателю, правоприменителю, гражданину и обществу в целом, а затем, оценив с этой точки зрения реальное состояние дел, искать пути и средства достижения намеченных идеалов построения правового государства и общества, в котором обеспечиваются соответствующие его социально-экономическому и духовному строю права и свободы человека.

Понимание права преломляется через призму личных качеств и взглядов индивида, иными словами, через сознание. Сознание является формой психического отражения действительности, в том числе и права. В результате взаимодействия права и сознания формируется особая форма

общественного сознания, именуемая в юридической науке правосознанием. А.К. Уледов под правосознанием понимает «совокупность взглядов, в которых выражается отношение людей о своих правах и обязанностях, о правомерности или неправомерности того или иного поведения» [2].

И.А. Ильин рассматривал правосознание в качестве более значительного феномена, чем само право. Это понятие в работах ученого обозначает некий рационально-волевой акт, соединяющий как психологически-аффективный аспект, так и онтологически-правовой. Правосознание понимается Ильиным как «естественное чувство права и правоты», как «особая духовная настроенность инстинкта», как «особого рода инстинктивное правочувствие» – как некая универсалия, имеющая и формально-юридическое, и естественно-правовое измерение. Правосознание не тождественно «законосознанию» и не сводится к правильному усвоению гражданами норм позитивного права [3]. Он подчеркивал, что человек без правосознания будет жить собственным произволом и терпеть произвол от других.

От уровня, качества, характера, содержания правосознания в значительной степени зависит то, каким будет поведение человека в обществе – правомерным, социально полезным или неправомерным, социально вредным и опасным.

Одной из разновидностей искаженного правосознания является правовой нигилизм. Нигилизм вообще (в переводе с лат. – «отрицание») выражает негативное отношение субъекта (группы, класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, отдельным, а подчас и всем сторонам человеческого бытия. Это – одна из форм мироощущения и социального поведения. Нигилизм как течение общественной мысли зародился давно, но наибольшее распространение получил в прошлом столетии, главным образом в Западной Европе и в России. Он был связан с такими философами леворадикального направления, как Якоби, Прудон, Ницше, Штирнер, Хайдеггер, Бакунин, Кропоткин и др.

Нигилизм многолик, он может быть нравственным, правовым, политическим, идеологическим, религиозным и т. д., в зависимости от того, какие ценности отрицаются. Правовой нигилизм – это элемент общественного сознания, проявляющийся в безразличном, недоверчивом, пренебрежительном отношении к праву, закону, законности, государству, его символам либо даже полном отрицании их социальной ценности [4].

В научной литературе есть мнения, что нигилизм следует отличать от критики права и правового негативизма.

Правовой нигилизм есть отрицание прогрессивных идей, норм, правовых идеалов и ценностей; критика же направлена на отрицание ложных норм, идей, консервативных правовых привычек, установок, несовершенных юридических институтов. Различие усматривается и в их результатах (последствиях). Если правовой нигилизм подрывает правовые устои общества, является тормозом прогрессивного правового развития, то

конструктивная критика есть условие совершенствования правовой системы, фактор социально-правового прогресса» [5]. Чтобы критика, и прежде всего исходящая от юристов, не превратилась в свою противоположность – голое отрицание, она должна быть компетентной, конструктивной и конкретной.

Правовой нигилизм связан с отрицанием социальной ценности права как таковой, а при правовом негативизме правонарушитель осознает ценность правового регулирования для общества, но его личные интересы в данный момент расходятся с общественными [6].

Одним из ключевых моментов в правовом нигилизме выступает надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, что, в свою очередь, характеризует меру цивилизованности общества, состояние его духа, умонастроений, социальных чувств, привычек. Отношение к праву может быть просто индифферентным (безразличным), что тоже свидетельствует о неразвитом правовом сознании людей. Сказывается отсутствие должного правового опыта, навыков, грамотности.

Играет свою негативную роль и простое незнание права. Актуально звучат слова И.А. Ильина о том, что «народ, не знающий своей страны, ведет внеправовую жизнь или довольствуется ...неустойчивыми зачатками права... Народу необходимо и достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Поэтому нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно знание права... Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права» [7].

В научной литературе существует интересная позиция на тему сущности правового нигилизма. В частности, В.Г. Сафонов в своей статье пишет, «правовой нигилизм – показатель, отражение, своего рода лакмусовая бумажка реального качества нормотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности. Это своего рода обратная связь, оценка населением работы властных органов, их реальных действий» [8]. Таким образом, автор приходит к выводу, что нигилизм вскрывает слабости права и тем самым стимулирует его развитие, приближает закон к общественным потребностям.

Использование поуровневого подхода к рассматриваемой проблеме позволяет выявить определенные уровни правового нигилизма: общесоциальный; отдельных социальных структур – государственных и негосударственных, формальных и неформальных; отдельной личности. Распространение нигилизма на общесоциальном уровне означает, что государство, как управляющая система в обществе, пренебрегает правом либо пользуется его исключительно как средство подавления индивидуальной воли. При такой ситуации население вслед отвергает право как социально ценностный институт. Будучи взаимосвязанными между собою, каждый из уровней вместе с тем имеет относительно автономное значение.

В.А. Туманов разделяет правовой нигилизм: 1) на высоком этаже общественного сознания (в виде идеологических течений и теоретических доктрин, например: анархизм, левый радикализм и др.; 2) на уровне обыденного, массового сознания. Проявляется в форме отрицательных установок, стойких предубеждений и стереотипов. Сфера обитания – массовое сознание, социальная психология. Обыденный правовой нигилизм далеко не всегда обусловлен низким общекультурным и образовательным уровнем. К сожалению, он достаточно широко распространен в среде технической, научной, творческой интеллигенции; 3) ведомственный. Проявляется в том, что нередко подзаконные акты становятся «надзаконными», юридические нормы не стыкуются, возникают острейшие коллизии. Сфера обитания – административно-командная управленческая система [9].

Правовой нигилизм – полиструктурное образование, его проявления можно рассматривать на различных участках правовой действительности: в правовой идеологии он находит отражение в доктринах, течениях, идеях и представлениях; в правовой психологии выступает в форме своеобразных позиций, установок, стереотипов [10].

Н.И. Матузов выделяет следующие формы выражения правового нигилизма:

1. Прежде всего, это прямые нарушения действующих законов и иных правовых актов (умышленные либо непреднамеренные).

2. Повсеместное и массовое неисполнение (несоблюдение) юридических предписаний, когда субъекты (граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации) попросту не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, а стремятся жить и действовать по «своим правилам».

3. Издание противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих актов, которые как бы нейтрализуют друг друга, растрачивая понапрасну свою силу.

4. Подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью, выходы на не правовое поле деятельности, стремление различных общественных сил реализовать свои интересы вне конституционных рамок.

5. Нарушение или несоблюдение прав человека, особенно таких, как право на жизнь, честь, достоинство, имущество, безопасность [11].

Причины возникновения правового нигилизма. Причинами возникновения нигилизма могут являться неудовлетворенность субъекта своим социально-правовым статусом, неадекватным, по его мнению, собственным возможностям; изъяны в следственно-прокурорской и судебной практике. Ещё классики утверждали: есть два способа разложить нацию – наказывать невиновных и не наказывать виновных. У нас допускается и то, и другое. Устранение этих уклонов – один из путей формирования высокой правовой культуры общества, чувства законности и справедливости.

Правовой нигилизм возникает как следствие несовершенства права, его инструментария, дисгармонии социальных предпочтений, государственной реализации права, существующего правопорядка в обществе [12].

Иным основанием возникновения правового нигилизма является пассивная альтернативность права – существуют целые блоки юридических норм и институтов, которые фактически мертвы, частота обращения к ним граждан мала. Существует модель «хочешь воспользоваться своим правом – воспользуйся, не хочешь – не пользуйся». Представляется необходимым создать такие условия, чтобы человек хотел пользоваться своими правами. Основной блок причин правового нигилизма находится в правовой политике. Главной причиной проявления и существования правового нигилизма является дисбаланс между тем, какие сферы право действительно должно охватывать.

Ю.В. Баранов приходит к мысли, что правовой нигилизм заложен в самом процессе правовой социализации в результате противоречия между процессом индивидуализации личности и необходимостью подчиниться социализирующим факторам, и в первую очередь праву [13].

Также причиной правового нигилизма является знание человеком того, что законы могут не исполняться. Если за правонарушение не последовало наказания, то вера человека в действенность закона значительно снижается, доходя порой до крайности – правового нигилизма [14].

Пути преодоления правового нигилизма. Основными путями преодоления правового нигилизма являются:

- реформы социально-экономического характера;
- повышение общей и правовой культуры граждан, их правового и морального сознания;
- массовое просвещение и правовое воспитание населения; подготовка высококвалифицированных кадров юристов;
- совершенствование законодательства;
- подъем авторитета правосудия как за счет изменения характера судебной деятельности, так и путем воспитания уважения к суду;
- изменение содержания правового регулирования, максимальное приближение юридических норм к интересам различных слоев населения;
- улучшение правоприменительной практики;
- профилактика правонарушений, прежде всего преступлений;
- упрочение законности и правопорядка, государственной дисциплины;
- уважение и защита прав человека;
- теоретическая работа в этом направлении и др.

Однако ясно, что правовой нигилизм невозможно ликвидировать немедленно. Это трудный, длительный процесс, зачатки которому мы должны положить уже сегодня.

---

1. Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. – М.: Норма, 2004. – С. 213.

2. Чуйков Д. Понятие правосознания / Д. Чуйков // История государства и права. – 2007. – № 19. – 40 с.
3. Сорокин В.В. Правосознание в переходный период общественного развития / В.В. Сорокин // Журнал российского права.– 2001. – № 10. – 59 с.
4. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: ЭКСМО, 2005. – С. 531.
5. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Сов.юстиция. – 1990. – №9. – С. 3–4.
6. Сорокин В.В. Указ.соч. – С. 67.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М., 1993. –С. 23–24.
8. Сафонов В.Г. Понятие правового нигилизма / В.Г. Сафонов // Государство и право.– 2004. – № 12. –С. 65.
9. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20–27.
10. Гойман В.И. Указ.соч.– С. 4.
11. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н.И.Матузов. // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 8–10.
12. Сафонов В.Г. Указ.соч. –С. 67.
13. Монаков В.В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе / В.В.Монаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 1 (21). –С. 61.
14. Утарбеков Ш.Г. Проблемы этимологического толкования понятия правового нигилизма в российском законодательстве / Ш.Г.Утарбеков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 21 (159). – С. 40.

К ВОПРОСУ О СТОРОНАХ СОСЕДСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

А.Ю. Аминева

TO THE QUESTION OF THE PARTIES TO THE NEIGHBORLY RELATIONSHIP

A.Yu. Amineva

Субъектами соседского права могут быть как физические, так и юридические лица и публично-правовые образования, являющиеся собственниками недвижимого имущества, так и иными титульными владельцами.

Ключевые слова: *соседское право, соседи, соседние объекты недвижимого имущества.*

The subjects of neighborly law can be both individuals and legal entities and public law entities that are owners of real estate, and other title owners.

Keywords: *neighborly law, neighbors, neighboring real estate objects.*

С момента возникновения частной собственности на землю, а затем права собственности и на другие объекты недвижимости возникла необходимость урегулировать отношения между соседями.

В настоящее время мы можем говорить об отсутствии в российском законодательстве понятия «соседское право», однако в проекте Гражданского кодекса РФ под соседским правом понимается ограничения права собственности на земельный участок в пользу соседей. Так, в п. 1 ст. 293 Проекта ГК РФ сказано, что собственник земельного участка должен осуществлять правомочия владения и пользования земельным участком с соблюдением прав и охраняемых законом интересов собственников (владельцев) соседних земельных участков (соседских прав).

Исходя из того, что субъективные права на недвижимость могут иметь любые субъекты гражданского права, участниками соседских отношений также могут выступать как физические, так и юридические лица и публично-правовые образования.

На сегодняшний день в гражданском законодательстве отсутствует понятие термина «соседи», в цивилистической литературе же по-разному подходят к его определению.

Так, А.Г. Остапенко под термином «соседи» предлагает понимать граждан, юридических лиц, публично-правовые образования, недвижимое имущество которых имеет общие границы [1].

Ю.В. Виниченко отмечает, что соседями следует считать лиц, имеющие определенные права на соседствующие, т.е. граничащие или близко расположенные, недвижимые вещи [2]. Это могут быть владельцы смежных (соседних) земельных участков или граждане, проживающие на

легальных основаниях в соседних квартирах многоквартирного дома, в соседних жилых домах, в соседней коммунальной комнате и т. д.

Более обоснованной здесь, по нашему мнению, является точка зрения Ю.В. Виниченко, поскольку соседские правоотношения возникают не только между субъектами, недвижимость которых имеет общие границы. Здесь речь идет не только о смежно расположенных объектах недвижимости. Таким образом, можно сказать, что соседи – лица (граждане, юридические лица, публично-правовые образования), которые являются владельцами недвижимости, расположенной в определенном пространстве в рамках объекта недвижимости, находящегося под охраной субъективного права другого лица.

Исходя из анализа действующего законодательства и научной литературы, можно прийти к выводу о том, что в качестве участника отношений соседского права можно рассматривать не только собственника имущества, но и иных титульных владельцев, которым принадлежит право пользования недвижимым имуществом. В качестве иных титульных владельцев можно рассматривать арендаторов в договоре аренды, нанимателей в договорах социального и коммерческого найма, поднанимателей в договоре поднайма, доверительных управляющих в договоре доверительного управления, давностных владельцев, которые также могут защищать свои интересы, опираясь на нормы соседского права, залогодержателей, если им предоставлено право пользоваться предметом залога и т. д. Возможность участия в соседских отношениях всех титульных владельцев составляет правило, из которого могут быть предусмотрены определенные исключения, когда только собственники недвижимого имущества могут требовать защиты своих прав и интересов.

Под соседями следует понимать владельцев объектов недвижимости, каждая из которых принадлежит различным лицам. Здесь возникает вопрос, регулируется ли соседским правом отношения, возникающие из общей собственности. Так, одни авторы указывают на то, что наиболее часто встречаемые в судебной практике дела, связанные с взаимоотношениями между соседями, это споры об использовании помещений многоквартирных домов, а также иных объектов общей собственности всех жильцов дома, т. е. в данном случае в качестве соседей рассматриваются сосособственники общей долевой собственности на имущество [3]. Другие пишут, что «нельзя смешивать институт соседского права и общую собственность, где также возможны споры между участниками по поводу эксплуатации объекта общей собственности» [4].

По нашему мнению, не следует смешивать институт соседского права и с институтом общей собственности, когда между сосособственниками возникают споры по поводу эксплуатации объекта собственности, находящейся в общей долевой или совместной собственности. Здесь мы можем говорить об отсутствии столкновения прав, так как, во-первых, существует одно право собственности, но принадлежит оно сообща двум и

более лицам, во-вторых, нет соприкасающихся объектов недвижимости, так как право общей собственности возникает лишь на единый объект один; в-третьих, споры между сособственниками разрешаются всецело по нормам об общей собственности без обращения, как правило, в компетентные органы власти, тогда как нарушение собственником нормы, устанавливающей ограничение в интересах всего общества, не дает соседу права на иск против нарушителя. В этом случае вмешательство возможно только со стороны компетентных органов власти.

---

1. Правовое регулирование отношений между соседями, имеющими общие границы, посредством сервитутов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – 22 с.

2. *Виниченко Ю.В.* К вопросу о понятии соседского права // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 49–55.

3. *Поротикова О.А.* Гражданско-правовое регулирование соседских отношений // Законодательство. – 2004. – № 4. – С. 79–85.

4. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. – М.: Статут, 2008. – С. 230–231.

5. *Андреев Ю.Н.* Ограничения в гражданском праве России [Электронный ресурс]. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. 400 с. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ДЕНЕЖНОЙ ВЫПЛАТЫ

А.В. Ануфриева

SOME QUESTIONS ABOUT THE PROCEDURE FOR PROVIDING A MONTHLY CASH PAYMENT

A.V. Anufrieva

Анализируется порядок получения набора социальных услуг и ежемесячной денежной выплаты. На основе практики реализации действующего порядка формулируется вывод о необходимости смены беззаявительного порядка на заявительный.

Ключевые слова: *ежемесячная денежная выплата, государственная социальная помощь, набор социальных услуг, санаторно-курортное лечение, лекарственное обеспечение, заявление об отказе.*

The article analyzes the procedure for receiving a set of social services and monthly cash payments. Based on the practice of implementing the current order, the conclusion about the need to change the non-declarative order to the declarative one is drawn.

Keywords: *monthly cash payment, state social assistance, a set of social services, health treatment, medication, application for refusal.*

После так называемой «монетизации льгот» в 2005 г. [1] отдельные категории граждан (инвалиды, ветераны, «чернобыльцы» и пр.) получили право на выбор государственной социальной помощи [2] в натуральной форме – набор социальных услуг (далее – НСУ) или в денежной форме – ежемесячная денежная выплата (далее – ЕДВ) в полном размере (без вычета стоимости НСУ). НСУ может включать в себя одно или несколько составляющих по выбору гражданина: продукция медицинского назначения (включает обеспечение лекарствами, медицинскими изделиями, лечебным питанием для детей-инвалидов); санаторно-курортное лечение и проезд к месту лечения и обратно [3]. В случае, если гражданин выбрал одну или несколько социальных услуг из набора, ЕДВ пропорционально уменьшается. Например: ЕДВ инвалидов I группы с 1 февраля 2020 г. составляет 3896,43 руб. Допустим, гражданин выбрал полный НСУ, тогда из размера ЕДВ вычитаем 1155,06 руб. – именно такая стоимость НСУ установлена по состоянию на 1 февраля 2020 г. Если гражданин выберет только санаторно-курортное лечение, тогда размер его ЕДВ уменьшится на 137,63 руб. [4].

Выбор НСУ носит беззаявительный характер, т. е. основанием для их предоставления является присвоение гражданину определенного статуса – инвалида, ветерана и пр. без подачи заявления [5]. Волеизъявление лица требуется для отказа от получения НСУ полностью или в части посредством подачи в Пенсионный фонд Российской Федерации соответствующего заявления до 1 октября текущего года. Действует такое заявление с 1 января

года, следующего за годом подачи заявления, и по 31 декабря года, в котором гражданин подал заявление о возобновлении предоставления ему социальных услуг полностью или в части.

Недостаточная информированность граждан о своих правах, в частности о праве выбора НСУ или части ЕДВ и связанных с этим процедурных вопросах, часто влечет за собой пропуск срока для подачи заявления об отказе от НСУ полностью или в части. Если гражданин пропустит срок подачи заявления, то он автоматически получает право на НСУ и лишается части ЕДВ. Проблематика такого подхода связана в первую очередь с тем, что многим получателям НСУ не нужны те услуги, которые предоставляются в рамках набора или они не могут ими пользоваться, например в силу состояния здоровья (для санаторно-курортного лечения – это наличие противопоказаний к санаторно-курортному лечению, полный паралич тела и пр.) или же гражданин имеет право на такие же социальные гарантии на основании других нормативных правовых актов (например, ветераны боевых действий из числа военнослужащих и пенсионеров Министерства обороны имеют право на льготное санаторно-курортное лечение в санаториях Министерства обороны [6]). Ещё одним распространенным препятствием, связанным с очередностью и дефицитом бюджетных средств, выделяемыми на эти цели, нередко является невозможность реализации права на лекарственное обеспечение и санаторно-курортное лечение теми лицами, которые имеют право на их получение в рамках НСУ [7].

Особая несправедливость видится нам в ситуации, когда гражданин получил статус, дающий право на НСУ и ЕДВ после 1 октября текущего года. В этом случае он не сможет реализовать свое право на ЕДВ в полном размере в текущем году и начнет получать его только с 1 января через год. Допустим гражданин признан инвалидом 1 октября 2019 г., заявление об отказе от НСУ он сможет подать до 1 октября 2020 г., значит ЕДВ в полном размере будет назначена только с 1 января 2021 г. То есть в худшем случае гражданин 15 месяцев будет иметь право на социальное обеспечение, которое ему не требуется или которым он в силу объективных обстоятельств не сможет воспользоваться.

Решить такую проблему в судебном порядке, подав иск о восстановлении срока подачи заявления об отказе от НСУ и отказе от предоставления НСУ не представляется эффективной мерой защиты, за исключением случаев, когда пропуск срока возник по уважительной причине, например форс-мажорные обстоятельства. Незнание закона не признаётся уважительной причиной для удовлетворения исковых требований. Судебная практика знает случаи подобных обращений граждан. Стоит согласиться с мнением, высказанным Конституционным Судом Российской Федерации, который считает, что приведенные выше «нормы лишь закрепляют правовой механизм реализации права на социальное обеспечение в порядке, установленном законом, направлены на обеспечение

адресности предоставления государственной социальной помощи и потому не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права граждан» [8], даже если право на НСУ возникло после 1 октября текущего года [9]. Суды общей юрисдикции выносят соответствующие решения, отказывая в удовлетворении требований граждан [10]. Судебной практики, удовлетворяющей подобные требования граждан, нами обнаружено не было.

Изменить ситуацию позволит установление заявительного порядка получения НСУ (или его части). Несмотря на поддерживаемую нами тенденцию развития беззаявительного порядка получения мер социального обеспечения как наиболее удобного для граждан, например в пенсионном обеспечении, это не тот случай, где подобный механизм работает эффективно, поскольку, как показывает практика, он не отвечает интересам граждан.

Заместитель Председателя Правления Пенсионного Фонда Российской Федерации С.А. Чирков в своей статье о целесообразности развития беззаявительных процедур в пенсионном праве указывает, что установление презумпции согласия гражданина на увеличение размера пенсии исходит из того, что это выгодно гражданину, в результате он получает нужную ему услугу. Автор выделяет несколько критериев, по которым оценивает эффективность установления беззаявительного характера в сфере пенсионного обеспечения. Одним из таких критериев является недопустимость нарушения свободы воли гражданина. И если при установлении пенсии или увеличения её размера свобода воли гражданина не нарушается, поскольку презумпция согласия гражданина на получение пенсии основывается на наиболее распространенном выборе человека в этой ситуации, а также на интересе самого гражданина, которому назначается пенсия [11], то в случае с НСУ и ЕДВ свобода воли очевидно нарушается, так как имеет место быть выбор из двух альтернативных социальных благ. Помимо этого, в статье делается акцент на то, что потребителю предоставляется заведомо нужная ему услуга, а в случае с НСУ, как мы указывали выше, это не всегда так.

Кроме того, на наш взгляд, было бы правильно установить более короткий срок замены НСУ на ЕДВ в полном размере и обратно. В целом предлагаемый нами гибкий порядок выбора соотношения ЕДВ и НСУ также будет в полной мере отвечать дифференциации правового регулирования социального обеспечения как особенности метода и принципа отрасли [12], поскольку возможны ситуации, когда состояние здоровья гражданина ухудшилось и ему в течение года понадобилось дополнительное лекарственное обеспечение, однако суды отказывают на том же основании – пропуск срока для подачи заявления [13]. Получается, что существующая процедура получения и отказа от НСУ (его части) не позволяет учесть объективное изменение обстоятельств, таких как состояние здоровья, т. е. по факту не является адресной мерой социального обеспечения.

Проблемы реализации права на НСУ и ЕДВ в полном размере, поднятые в данной статье, а также предложенные меры по их преодолению, требуют дальнейшего изучения (в частности в связи необходимостью планирования бюджетного финансирования, что, однако, не должно быть причиной отказа от предлагаемых изменений) и апробирования на практике.

---

1. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. В данной статье мы не останавливаемся на том, что НСУ по своей правовой природе не является государственной социальной помощью – об этом подробно см. напр.: *Захаров М.Л., Тучкова Э.Г.* Право социального обеспечения России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. – С. 472; *Право социального обеспечения: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.Ш. Шайхатдинова.* – М.: Юрайт, 2014. – С. 452.

3. О государственной социальной помощи: федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2020 году: постановление Правительства РФ от 29 января 2020 г. № 61 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. За исключением граждан, пострадавших от радиационного воздействия. См.: Об утверждении Правил обращения лиц, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, и приравненных к ним категорий граждан за предоставлением социальных услуг: постановление Правительства РФ от 28 декабря 2004 г. № 862 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. О порядке санаторно-курортного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны РФ от 15 марта 2011 г. № 333 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. См. об этом подробнее: *Ануфриева А.В.* Правовое регулирование санаторно-курортного лечения в системе социального обеспечения Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2016. – С. 110–123.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 953-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Давыдовой Галины Захаровны и Шерстневой Клавдии Ивановны на нарушение их конституционных прав положениями пункта 2 части 4 и части 5 статьи 6.3 Федерального закона «О государственной социальной помощи» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 368-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубровского Анатолия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положением части 4 статьи 6.3 Федерального закона «О государственной социальной помощи» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. См., напр.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 17 июля 2014 г. по делу № 33-4077; Апелляционное определение Липецкого областного суда от 1 апреля 2015 г. по делу № 33-786/2015; Апелляционное определение Алтайского

краевого суда от 21 августа 2019 г. по делу № 33-7814/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. *Чирков С.А.* К постановке вопроса о целесообразности развития беззаявительных процедур в пенсионном праве // Социальное и пенсионное право. 2019. № 3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. См. об этом подробнее: *Антипова Н.В.* Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: монография. – М.: Проспект, 2016. – С. 101.

13. См.: Апелляционное определение Московского областного суда от 28 мая 2014 г. по делу № 33-11825/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Уточнение: поскольку суд первой инстанции обратил решение к немедленному исполнению и на момент рассмотрения в апелляции оно реально было исполнено, судебная коллегия не стала отменять решение суда первой инстанции, несмотря на формальный отказ в удовлетворении жалобы.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ГРАЖДАНСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

К.И. Баканов

REPRESENTATIVE IN THE JUDICIAL PROCESS ON THE WAY TO SOLVING THE PROBLEMS OF CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

K.I. Bakanov

Сопоставляются действующие положения законодательства, регламентирующие институт судебного представительства, задачам гражданского и административного судопроизводства на предмет их соответствия требованиям об эффективной защите и способствованию формированию уважительного отношения к закону и суду.

Ключевые слова: *институт судебного представительства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации, разрешение задач правосудия.*

This paper compares the current legal provisions regulating the institution of judicial representation to the tasks of civil and administrative proceedings in order to ensure their compliance with the requirements for effective protection and promote respect for the law and the court.

Keywords: *institute of judicial representation in civil and administrative proceedings of the Russian Federation, solving problems of justice.*

«Реализации права на судебную защиту наряду с другими правовыми средствами служит институт судебного представительства, обеспечивающий заинтересованному лицу получение квалифицированной юридической помощи, а в случае невозможности личного участия в судопроизводстве – и доступ к правосудию (ст. 48 и 52 Конституции РФ). Однако право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, не означает допуска любого гражданина к участию в деле в качестве представителя – соответствующие правила применительно к отдельным видам судопроизводства устанавливаются федеральными конституционными законами и федеральными законами. При этом федеральный законодатель обязан обеспечить такой порядок реализации права на судебную защиту посредством института судебного представительства, который гарантировал бы лицу, с учетом особенностей той или иной категории дел, доступ к правосудию и эффективную защиту его прав и свобод» [1].

Как отмечает Конституционный суд РФ, обеспечение доступа к правосудию, а также обеспечение гарантии лицу эффективной защиты его прав и свобод при реализации права на судебную защиту посредством

института судебного представительства является обязанностью федерального законодателя.

В настоящее время федеральный законодатель включил в институт представительства несколько типов представителей, возможность принятия участия в судебном процессе которых напрямую зависит от категории рассматриваемых дел и их подведомственности.

Так, для представления интересов доверителя в мировом или районном суде в рамках гражданского и административного судопроизводства в абсолютном большинстве рассматриваемых категорий дел в качестве представителя может выступать дееспособное лицо, не имеющее высшего юридического образования, полномочия которого на ведение дела надлежащим образом оформлены и подтверждены.

Совсем иные требования к представителю доверителя законодатель предусмотрел для дел, рассматриваемых иными судами, тем самым искусственно создав ещё одну некую вертикаль качества правосудия.

Вместе с тем деятельность представителя доверителя, как одного, так и другого типа, стоит на пути разрешения определенных задач гражданского и административного судопроизводства и, являясь его частью, как «элемент», непосредственно включенный в него, не может не только выходить за рамки целей и задач рассматриваемого судопроизводства, но и должна им точно соответствовать.

Таким образом, деятельность представителя доверителя должна способствовать правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских и административных дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Но, несмотря на то, что разные по «характеристикам» судебные представители стоят на одном пути разрешения задач судопроизводства, сам факт их законодательного разграничения в зависимости, в том числе от категорий рассматриваемых дел, несомненно, разделяет и качество правосудия.

Подобное разграничение создает впечатление, что разрешаемые мировыми или районными судами дела, за исключением некоторых категорий дел, не требуют столь такого же серьезного подхода, как при разрешении дел иными, нежели вышеперечисленными судами, что, в свою очередь, негативно сказывается на восприятии и доверии граждан к судебной власти.

Учитывая, что абсолютное большинство рассматриваемых дел подведомственны мировым и районным судам, где справедливые и качественные решения ждут ничуть не меньше, чем в иных судах, для участия представителя в которых законодатель предусмотрел несколько более ужесточенные требования, действия, направленные на подобные

разграничения, контрпродуктивны созданию и поддержанию доверительного отношения к судебной власти.

Обеспечивает ли институт судебного представительства в той форме, в которой он существует в настоящее время, гарантии лицу эффективной защиты посредством его реализации или его доработка станет вынужденной мерой балансирования между действующими требованиями к судебному представителю и доверием к судебной власти, станет известно в ближайшем обозримом будущем.

---

1. Пункт 2 Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 21.01.2020 № 3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.».

НАУЧНАЯ ОЦЕНКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ КОЛЛИЗИЙ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ХИЩЕНИЙ

Г.В. Верина

LEGISLATIVE AND ENFORCEMENT CONFLICTS QUALIFICATIONS OF VIOLENT PLUNDERS

G.V. Verina

Правильная квалификация преступлений – залог справедливой дифференциации уголовной ответственности, являющейся зеркальным отражением уровня демократичности российской уголовно-правовой политики. В статье показано, что правоприменительная оценка деяния как преступления (на примере насильственных хищений) не свободна от коллизий, научный анализ которых будет способствовать их устранению. Высказаны предложения по совершенствованию квалифицирующих признаков разбоя с учетом специфики его психологического содержания и законодательной конструкции, а также по технике построения всех квалифицирующих признаков с целью придания большей структурированности уголовно-правовым нормам, целостности их восприятия и в конечном итоге – повышения качества российского уголовного закона.

Ключевые слова: коллизии, квалификация преступлений, уголовно-правовая оценка деяния, насильственные хищения, разбой, грабеж, законодательство, правоприменение.

The correct characterization of crimes is a guarantee of fair differentiation of criminal responsibility, which is a mirror reflection of the level of democracy of Russian criminal law policy. The article shows that the law enforcement assessment of an act as a crime (on the example of violent plunders) is not free from conflicts, the scientific analysis of which will contribute to their elimination. Proposals were made to improve the qualifying signs of robbery taking into account the specifics of its psychological content and legislative design, as well as the technique of building all qualifying signs in order to make criminal law more structured, the integrity of their perception and, ultimately, to improve the quality of the Russian criminal law.

Keywords: conflicts, qualification of crimes, criminal assessment of acts, violent plunders, robbery, legislation, law enforcement.

Правильная квалификация преступлений – важнейшая предпосылка справедливой дифференциации уголовной ответственности, которая находит зеркальное отражение на уровне восприятия современным мировым сообществом степени демократичности российской уголовно-правовой политики.

Традиционно в российской уголовно-правовой доктрине квалификация преступления определяется как процесс установления тождества между совершённым конкретным лицом деянием и признаками состава преступления как законодательной модели преступления, в результате которого дается уголовно-правовая оценка этому деянию [1].

Таким образом, центральным звеном процесса квалификации преступлений выступает состав преступления; он то и является тем «лучом в темном царстве», тем маяком, который служит проводником при

установлении истины, – совершено преступление или нейтральное для Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) деяние. Иными словами, уголовно-правовая доктрина при решении вопросов квалификации преступлений исходит из признаков состава преступления, выступающего тем стержнем, на котором формируется суждение о факте совершения именно преступления. Представляется, что и правоприменитель в процессе уголовно-правовой оценки деяния опирается на данную научную концепцию. Эту гипотезу подтвердили сотрудники следственного аппарата.

В уголовно-правовой литературе высказано и нетрадиционное воззрение по данному вопросу. Так, В.В. Векленко и В.Н. Нешатаев полагают, что «в правоприменительной деятельности при осуществлении квалификации чаще всего используются именно признаки преступления» [2].

Однако следует заметить, что авторы тем самым не исключают использование правоприменителем состава преступления в мыслительном процессе квалификации преступления.

Внимание к научной оценке правоприменительной квалификации насильственных хищений обусловлено высокой степенью общественной опасности названной разновидности преступлений и их значительным уровнем в структуре всех преступлений, совершаемых на территории России. Так, по данным МВД, на территории Российской Федерации в январе–ноябре 2019 г. зарегистрировано 1868,8 тыс. преступлений, из них 42,3 тыс. составили грабежи и 6,1 тыс. – разбои [3].

В практике реализации уголовного закона достаточно широко распространены ошибочные суждения относительно квалификации насильственных хищений, о чем свидетельствует анализ документов правоприменения различных судебных инстанций, что, несомненно, представляет научный интерес.

Попытаемся разобраться в данных вопросах при помощи анализа материалов профессиональной деятельности судей и синтеза общих тенденций в указанном секторе на примере квалификации насильственных хищений.

В частности, судебная практика сталкивается с проблемой размежевания квалифицирующих признаков насильственных хищений и обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, допускает двойной учет названных обстоятельств. Так, по приговору суда Б. признан виновным в совершении разбоя с применением оружия (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ). Одновременно совершение преступления с использованием оружия суд признал в качестве отягчающего уголовного наказание обстоятельства [4].

Данное судебное решение противоречит российскому уголовному закону: в силу прямого указания в нем отягчающее обстоятельство, предусмотренное в качестве признака преступления, само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания (ч. 2 ст. 63 УК РФ), ибо оно уже принято во внимание законодателем при конструировании основного или квалифицированного состава преступления как фактор, определяющий

типовую общественную опасность определенной группы преступлений в рамках основного состава преступлений или повышенную степень общественной опасности преступлений с квалифицированным составом. Соответственно, диапазон санкции уголовно-правовой нормы ориентирован в том числе на конструктивные и квалифицирующие признаки, идентичные отягчающим обстоятельствам. Кроме того, повторный учет одного и того же обстоятельства противоречит принципу справедливости, согласно которому «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» [5] (ст. 6 УК РФ).

Стало быть, суд принял решение, несмотря на его прямой запрет в российском уголовном законе. Анализируемая судебная позиция привела к коллизии положений российского уголовного законодательства и правоприменительного акта в форме обвинительного приговора суда. Приходится лишь сожалеть о том, что при вынесении обвинительного приговора было проявлено элементарное незнание уголовного законодательства, что свидетельствует о весьма скромном уровне профессионализма.

Чтобы исправить ситуацию, потребовалось вмешательство Верховного Суда РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ устранила ошибку суда нижестоящей инстанции и указала, что «совершение разбоя с использованием оружия является квалифицирующим признаком ... и не может повторно учитываться при назначении наказания» [6].

Квалифицирующий признак разбоя «незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище» (ч. 3 ст. 162 УК РФ) до сих пор вызывает полемику правоприменителей. Вновь потребовалось вмешательство Верховного Суда РФ, например, для констатации правильности квалификации разбойного нападения, в ходе которого виновное лицо проникло на территорию охраняемой автостоянки с целью хищения автомашины, как совершённого с незаконным проникновением в иное хранилище [7].

Согласно аутентическому толкованию, данному законодателем в п. 3 примечания к ст. 158 УК РФ, хранилищем понимаются, наряду с помещениями, участки территории, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей. Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 своего Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. Постановления от 16 мая 2017 г. № 17) дает следующее разъяснение относительно понятия «незаконное проникновение в хранилище» как частного проявления квалифицирующего признака разбоя «незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище»: «Под незаконным проникновением в ... хранилище следует понимать противоправное тайное или открытое ... вторжение с целью совершения ... разбоя» [8]. И, несмотря на все эти положения и официальные разъяснения, правоприменители продолжают высказывать различные суждения по поднятому вопросу, для которых нет оснований ни на уровне

уголовного закона, ни на уровне актов толкования высшей судебной инстанции России.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что квалифицирующий признак разбоя «незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище» совмещен законодателем в одной ч. 3 ст. 162 УК РФ с квалифицирующим признаком «разбой, совершённый в крупном размере» без выделения в отдельные пункты. С позиции законодательной техники данный подход представляется неудачным. Наиболее приемлемым видится построение диспозиции уголовно-правовой нормы, содержащейся в ч. 4 ст. 162 УК РФ, которая носит структурированный характер, что как раз и обеспечивает обособление каждого квалифицирующего признака в отдельном пункте одной части статьи нормативного правового акта. Вряд ли оправдана разная методика построения диспозиций уголовно-правовой нормы в рамках одной статьи Особенной части УК РФ. Разнообразие в этой плоскости не способствует повышению качества уголовного закона, скорее, наоборот, обнажает его уязвимые места. Такой разноречивой нарушает целостность восприятия уголовно-правовой статьи, свидетельствует о нарушении законодательной логики в технике построения уголовно-правовых норм. Посему квалифицирующие признаки разбоя (равно как и других преступлений), если их два и более в одной части статьи, наиболее правильно закреплять в самостоятельных пунктах. Более того, представляется целесообразным в данном ключе пересмотреть все статьи Особенной части УК РФ, что поднимет уголовный закон на более высокий уровень систематизации и структурированности.

Важно обратить внимание на то, что квалифицирующий признак «совершённый в крупном размере», равно как и «в особо крупном размере», трансформирует усеченный состав разбоя (общепризнанная позиция в теории уголовного права) в материальный, что приводит к законодательной коллизии в пространстве одного *corpusdelicti*. Данная проблема давно волнует российских ученых. Мною также заострялось на ней внимание и ранее. В частности, в контексте разработанного авторского проекта гл. 21 УК РФ я предложила изложить сии квалифицирующие признаки в следующих редакциях: «в целях завладения имуществом в крупном размере» и «в целях завладения имуществом в особо крупном размере» [9]. Полагаю, изложенные редакции позволили бы устранить обозначенную выше коллизию конструкций *corpusdelicti* «разбой», ибо появятся основания позиционировать квалифицированные составы разбоя в зависимости от размера планируемого ущерба в качестве усеченных. Таким образом, проектируемые модификации квалифицирующих признаков разбоя приведут к согласованию конструкций основного и квалифицированных составов разбоя.

Реализация в законотворческой практике разработанного проекта снимет также проблему определения момента окончания разбоя при наличии указанных выше квалифицирующих признаков. На сегодня с точки зрения

устоявшихся научных и правоприменительных воззрений разбой признаётся оконченным в момент нападения. Официальная правоприменительная уголовно-правовая оценка момента окончания разбоя подтверждается позицией Пленума Верховного Суда РФ, в Постановлении (п. 6) Пленума которого от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16 мая 2017 г. № 17) подчеркивается: «Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершённого с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» [10].

Однако разбой, совершённый в крупном или особо крупном размере, сложно признать оконченным в момент нападения. На сегодня вменить названные квалифицирующие признаки представляется возможным только при фактическом причинении вреда собственнику в крупном или особо крупном размере. Психологическое содержание хищений имеет большое значение для правильной квалификации и, как следствие, – справедливой дифференциации уголовной ответственности. Особенность психологического содержания разбоя по сравнению с другими формами хищения заключается в субъективной направленности деяния. Поэтому и с точки зрения специфики психологического содержания целесообразно модифицировать вызывающие научный интерес квалифицирующие признаки разбоя в направлении учета цели завладения имуществом в крупном или особо крупном размере.

Правоприменителями допускаются ошибки в установлении психологического содержания насильственного грабежа. В частности, не всегда правильно выясняется или вообще не выясняется цель применения насилия при хищении. Так, Т. был признан виновным в насильственном грабеже и осужден по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 161 (грабеж, совершённый с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище и с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия) УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам изменила приговор, исключив квалификацию деяния по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ и переквалифицировав его на ч. 1 ст. 158 (кража) и ст. 116 (побои) УК РФ, указав при этом, что действия лица образуют состав преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, лишь в том случае, если во время открытого хищения чужого имущества применяется насилие, не опасное для жизни или здоровья, с целью завладения имуществом потерпевшего или его удержания. Однако Т. применил насилие в отношении потерпевшего Х. на почве личных неприязненных отношений, что не было принято во внимание и привело к неверной квалификации [11].

Таким образом, психологическая составляющая преступления может выступать решающим фактором, определяющим правильность квалификации преступления и в итоге – справедливость дифференциации уголовной ответственности.

Подводя итоги проведенному исследованию, следует констатировать наличие в правоприменительной деятельности коллизий в квалификации насильственных хищений. Вместе с тем важно подчеркнуть то, что

правоприменитель в процессе квалификации преступлений ориентируется именно на состав преступления, оперирует данной законодательной и научной категорией. Учитывая специфику психологического содержания и законодательной конструкции *corpusdelicti* «разбой», целесообразно внести коррективы в квалифицирующие признаки, базирующиеся на размере причиненного ущерба, изложив их через призму цели. Кроме того, квалифицирующие признаки разбоя (равно как и других преступлений), если их два и более в одной части статьи уголовного закона, наиболее приемлемо закреплять в самостоятельных пунктах, ибо это придает структурированность уголовно-правовым нормам, способствует целостности их восприятия и в конечном итоге – повышению качества российского уголовного закона – федерального нормативного правового акта.

---

1. Подробнее об этом см., напр.: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.; *Куринов Б.А.* Научные основы квалификации преступлений. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 184 с.; *Верина Г.В., Рыбак М.С.* Некоторые аспекты квалификации преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 2000. – № 3 (230). – С. 165–172.

2. *Векленко В.В., Нешатаев В.Н.* Содержательная сторона квалификации преступлений // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 102.

3. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/19333347/>; <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/19333347> (дата обращения: 19.01.2020).

4. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 6. – С. 40.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 18 февраля 2020 г. № 22-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2020. – № 8. – Ст. 916.

6. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 3.

7. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 4 (2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 10. – С. 45.

8. Верховный Суд РФ: сайт. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 12.03.2020).

9. См.: *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – С. 455.

10. Верховный Суд РФ: сайт. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8242/>.

11. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 26–27.

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ

Н.И. Герасименко

THE FEATURES OF THE INTERNET RESOURCE INSPECTION DURING THE FRAUD INVESTIGATIONS

N.I. Gerasimenko

В данной статье рассмотрены основные способы и механизм совершения мошенничества посредством интернет-ресурса. Любые обнаруженные в сети «Интернет» сведения должны быть в скорейшем времени процессуально закреплены, что достигается путем осмотра. Сделан вывод о целесообразности помимо протокольной формы использовать графические изображения, являющиеся приложением к протоколу осмотра.

Ключевые слова: компьютерные преступления, мошенничество в сфере компьютерной информации, осмотр, сеть Интернет, способы, мобильный телефон.

This article discusses the main ways and mechanism of fraud through an Internet resource. Any information found on the Internet should be documented as soon as possible, which is achieved by inspection. It is concluded that it is advisable to use graphic images that are an Appendix to the inspection Protocol in addition to the Protocol form.

Keywords: computer crimes, fraud in the field of computer information, inspection, Internet, methods, mobile phone.

В настоящее время мошенничества как преступление претерпевает качественные изменения. Выражены данные изменения как в самом механизме достижения преступного результата, так и в способе совершения отдельно взятого преступления. Виртуальный характер интернет-пространства создает комфортные условия преступникам для совершения обманных действий, что объясняет широкое распространение в этой среде мошенничества [1]. Рост связан с тем, что потенциальный потерпевший непосредственно не наблюдает злоумышленника, не знаком с ним, а также не располагает никакими сведениями о нем, за исключением тех, которые сам преступник о себе предоставит. В связи с ростом такого рода преступлений уголовное законодательство также подлежало изменениям в части добавления статей Особенной части по квалифицированным видам мошенничеств (ст. 159.1 – мошенничество в сфере кредитования, ст. 159.2 – мошенничество при получении выплат, ст. 159.3 – мошенничество с использованием платежных карт, ст. 159.5 – мошенничество в сфере страхования, ст. 159.6- мошенничество в сфере компьютерной информации). В период с января по декабрь 2019 г. зарегистрировано более 294 тыс. преступлений с использованием информационно телекоммуникационных технологий, что на 70 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [2].

Говоря о способах, следует сказать, что специфика способа мошенничества в сфере компьютерной информации заключается в том, что воздействие осуществляется не на компьютерную информацию, а на сознание потерпевшего [3]. К основным способам совершения через ресурсы сети «Интернет» можно отнести:

1. Хищение денежных средств через систему «Онлайн банк» или «Мобильный банк» помимо воли потерпевшего.

Механизм совершения преступления включает два действия: во-первых, действие вредоносной программы по получению платежных реквизитов; во-вторых, похищение денежных средств со счета потерпевшего. Как правило, вредоносная программа различными способами переводит на фишинговый ресурс (сайт конкретного банка), где получается платежная информация, или использует системы вывода денежных средств с банка и перевод на счет виновному.

Как правило, в интернете никаких следов не остается, по причине того, что злоумышленник никаким образом не контактирует с потерпевшим. За него это делает вредоносная программа. Единственное, что оставляет следы совершённого преступления, это банковский счет, на который происходил перевод денежных средств. Информацию о нём возможно узнать либо при непосредственном обращении в отделения банка, который обслуживает потерпевшего, либо при использовании сервисов «Онлайн банк».

2. Взлом аккаунта социальной сети и рассылка друзьям сообщений о переводе денежных средств.

Механизм совершения состоит в следующем: осуществляется взлом аккаунта социальной сети, почты, мессенджера, после чего осуществляется массовая рассылка сообщений от имени владельца с просьбой перевести определенную сумму денежных средств. Указанные сообщения побуждают потерпевшего перевести деньги на счет виновного, а также передать платежные реквизиты банковской карты. В данном случае злоумышленнику уже приходится контактировать с потенциальными потерпевшими, поэтому целесообразно говорить о наличии доказательственной информации в сети «Интернет». Во-первых, это непосредственно сообщения, отправляемые от имени владельца того или иного интернет-ресурса, во-вторых, это место нахождения злоумышленника в момент отправки данных сообщений, которое устанавливается с помощью оперативных подразделений органов внутренних дел. В-третьих, это опять же реквизиты банковского счета получателя.

3. Хищение денежных средств по платежным картам (платежным реквизитам), которые потерпевшие передают лицу, совершающему преступление.

Механизм совершения преступления состоит в следующем: лицо, совершающее преступление, контактирует с потенциальным потерпевшим посредством телефонного звонка, отправки СМС-сообщений или сообщений в мессенджере (социальной сети), где в дальнейшем выводит потерпевшего

на совершение действий по передачи денежных средств на указанный злоумышленником счет.

Как и в предыдущем случае, злоумышленник оставляет о себе информацию в сети «Интернет», касающуюся номера мобильного телефона, банковского счета, аккаунта социальной сети или мессенджера.

4. Получение оплаты без намерения отдавать товар или оказывать услугу.

Механизм преступления: злоумышленник размещает в сети «Интернет» информацию о продаже какого-либо товара, предоставлении услуги, соответственно без фактического намерения данный товар продавать, услугу предоставлять, после чего стимулирует потерпевшего на первоочередной перевод денежных средств (оплату). После совершения денежного перевода злоумышленник пропадает либо имитирует возникшие сложности с исполнением своих обязательств. Действия следователя опять же должны быть направлены на фиксацию информации, размещенной в сети «Интернет» о предложении со стороны злоумышленника, о факте соглашения между ним и потерпевшим, о факте передачи денежных средств и о наличии заведомо возникшего намерения не исполнять свои обязательства.

В литературе к вышеперечисленным способам добавляют мошенничества, которые направлены на получение персональных данных и комбинированные способы [4].

Рассмотрев наиболее распространенные способы совершения мошеннических действий с использованием сети «Интернет» и других средств коммуникации, можно прийти к выводу о том, что, совершая данные преступления, злоумышленник в любом случае оставит в сети «Интернет» какие-либо следы, которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве доказательственной информации, а вот их количество уже во многом зависит от профессиональных навыков как самого преступника, так и лица, производящего предварительное расследование.

Итак, любые обнаруженные в сети «Интернет» сведения должны быть в скорейшем времени процессуально закреплены. Необходимо это в связи с тем, что в любой момент они могут быть удалены самим преступником (например, созданный для совершения мошеннических действий интернет-сайт либо адрес электронной почты, электронные средства платежа), либо в связи с жалобами пользователей сети «Интернет», обращением в соответствующие органы граждан и должностных лиц они могут быть заблокированы. Наиболее рациональным в таких случаях проводить такое следственное действие, как осмотр места происшествия. Во-первых, потому что указанное следственное действия может быть проведено и до возбуждения уголовного дела, т. е. фактически с того момента, когда потерпевший только обратился в органы внутренних дел, а во-вторых, потому что указанное следственное действие не загоняет следователя в

жесткие процессуальные рамки, выдвигает минимальные требования к его производству в соответствии с УПК РФ.

Также целесообразным остается фиксация результатов осмотра интернет-ресурсов не только в протоколе следственного действия, но и в графических изображениях, которые могут служить приложениями к протоколу осмотра. Допустим, производя осмотр интернет-ресурса посредством использования персонального компьютера под операционной системой «Windows», не составляет особой сложности зафиксировать находящиеся на мониторе изображения клавишами клавиатуры «F11» (полноэкранный просмотр веб-страниц) и «PrintScreen» (копирование изображения монитора компьютера в буфер обмена) с последующей вставкой изображений, допустим, в текстовый редактор «Microsoft Word».

Помимо проведения такого следственного действия, как осмотр, следователем и иными способами может быть зафиксирована доказательственная информация, хранящаяся в сети «Интернет». Разберем основные из них:

1. При сообщении потерпевшим реквизитов интернет-счета, банковского счета, данных учетной записи социальной сети и т.п. рационально следователю направить в соответствующую организацию запрос о принадлежности вышеуказанных реквизитов конкретному лицу.

2. При установлении местонахождения технических устройств (персональных компьютеров, мобильных средств связи) обеспечить производство такого следственного действия, как выемка, с целью проведения последующего экспертного исследования данных технических устройств на предмет восстановления удаленной информации, обнаружения вредоносных программ, способствующих совершению преступления.

Таким образом, представленные примеры действий при совершении преступлений мошеннического характера дистанционно носят ориентировочный характер, так как в каждом конкретном случае зависят от механизма совершённого преступления и механизма следообразования. При производстве предварительного расследования по такой категории преступлений необходимо помнить и о грамотном взаимодействии следователя с оперативными подразделениями ОВД, так как, учитывая специфику их профессиональной деятельности, они могут получить хранящуюся в сети «Интернет» доказательственную информацию, скрытую от рядового пользователя, которым также является следователь.

---

1. *Милян А.В.* К проблеме криминалистической характеристики предмета и способа совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // *Право и государство: теория и практика.* – 2019. – № 1 (169). – С. 107.

2. URL: <http://www.mvd.ru/files/R1938kHvs6UmoMA.pdf> (дата обращения: 02.03.2020).

3. *Горовой С.А.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы квалификации хищения денежных средств с использованием сети «Интернет» // *Проблемы правовой и технической защиты информации.* – 2019. – № 7. – С. 78.

4. *Бекбулатов А.К.* Расследование мошенничеств, совершённых с использованием сети «Интернет» // *Актуальные проблемы современности.* – 2019. – № 1(23). – С. 60.

ПРИМЕНЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСА

Н.В. Гилева

THE APPLICATION OF THE LABOUR LEGISLATION OF KAZAKHSTAN DURING CORONAVIRUS

N.V. Gileva

В связи с объявлением Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) пандемии по коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – КВИ) в мире, в целях недопущения ввоза КВИ в страну, для защиты жизни и здоровья населения Республики Казахстан государственными органами введен ряд ограничительных мер, что, разумеется, отразилось на взаимоотношениях между работниками и работодателем, т.е. на возможности продолжать трудовые отношения в Казахстане.

Ключевые слова: трудовое законодательство, Республика Казахстан, пандемия, COVID-19.

In connection with the announcement by the World Health Organization (WHO) of a pandemic for coronavirus infection COVID-19 (hereinafter - CVI) in the world, in order to prevent the import of CVI into the country, a number of restrictive measures have been introduced by state bodies to protect the life and health of the population of the Republic of Kazakhstan, which, Of course, it affected the relationship between employees and the employer, i.e. on the possibility of continuing employment in Kazakhstan.

Keyword: labor legislation, Republic of Kazakhstan, pandemic, COVID-19.

В связи с объявлением Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) пандемии в целях защиты жизни и здоровья граждан в соответствии с законодательством Республики Казахстан в целях обеспечения безопасности населения Республики Казахстан в соответствии с подп. 16 ст. 44 Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. [1] и ст. 4, 5, 6 Закона Республики Казахстан от 8 февраля 2003 г. № 387 «О чрезвычайном положении» [2]. Указом Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 г. «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан» [3] на всей территории Республики Казахстан было введено чрезвычайное положение на период с 08:00 часов 16 марта 2020 г. на срок до 07:00 минут 15 апреля 2020 г.

При проведении мероприятий по недопущению распространения коронавирусной инфекции ограничена деятельность отдельных организаций. При таких условиях трудовым законодательством предусмотрены различные механизмы для осуществления трудовой деятельности работников, которые мы рассмотрим в этой статье.

По определению ВОЗ пандемия – это распространение нового заболевания в мировых масштабах. Пандемия гриппа происходит, когда появляется новый вирус гриппа и распространяется по всему миру, а

большинство людей не обладают к нему иммунитетом. Вирусы, вызывавшие прежние пандемии, обычно происходили от вирусов гриппа животных.

Пандемия – необычайно сильная эпидемия, охватывающая большое число людей на территории, обычно выходящей за границы одного государства.

Согласно подп. 118 п. 1 ст. 1 Кодекса Республики Казахстан от 18 сентября 2009 г. № 193-IV «О здоровье народа и системе здравоохранения» (далее – Кодекс о здоровье) [4] ограничительные мероприятия, в том числе карантин, – меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим предпринимательской и (или) иной деятельности.

В случае угрозы ввоза и распространения инфекционных и паразитарных заболеваний государственный орган в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Казахстан, совпадающую с таможенной границей Евразийского экономического союза, и на соответствующих территориях вводит ограничительные мероприятия, в том числе карантин, *с особыми условиями предпринимательской* и (или) иной деятельности и жизни населения (п. 1 ст. 150 Кодекса о здоровье).

В соответствии с п. 3 ст. 150 Кодекса о здоровье ограничительные мероприятия, в том числе карантин, на отдельных объектах вводятся (отменяются) решением Главного государственного санитарного врача соответствующей территории (на транспорте) или его заместителей, а также на ведомственных объектах – руководителем структурных подразделений иных государственных органов, осуществляющих деятельность в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

На основании подп. 1 п. 4 ст. 90 Кодекса о здоровье **индивидуальные предприниматели и юридические лица**, в соответствии с осуществляемой ими деятельностью, **обязаны** проводить санитарно-противоэпидемические и санитарно-профилактические мероприятия. В соответствии с подп. 93-1 и 95 п. 1 ст. 1 Кодекса о здоровье санитарно-профилактические мероприятия – меры, принимаемые в целях профилактики инфекционных, паразитарных, профессиональных и других заболеваний среди населения, а также предупреждения завоза (заноса) на территорию Республики Казахстан инфекционных, паразитарных заболеваний среди населения; санитарно-противоэпидемические мероприятия – меры, принимаемые в целях локализации и ликвидации возникших очагов инфекционных, паразитарных заболеваний, отравлений среди населения. Также следует обратить внимание, что **индивидуальные предприниматели и юридические лица** *обязаны выполнять требования нормативных правовых актов в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения* и гигиенических нормативов, а также актов и санитарно-эпидемиологических заключений должностных лиц, осуществляющих государственный санитарно-эпидемиологический контроль и надзор.

При этом не стоит забывать и об обязанностях работников, как физических лиц, в области здравоохранения. Так, на основании подп. 1, 4 и 5 п. 1 ст. 90 Кодекса о здоровьеграждане, в том числе и состоящие в трудовых отношениях, **обязаны:** заботиться о сохранении своего здоровья, нести *солидарную ответственность* за сохранение и укрепление индивидуального и общественного здоровья;выполнять относящиеся к индивидуальному и общественному здоровью предписания медицинских работников, органов и организаций здравоохранения;соблюдать меры предосторожности по охране собственного здоровья и здоровья окружающих, проходить обследование и лечение по требованию медицинских организаций, *информировать медицинский персонал о своем заболевании при инфекционных заболеваниях* и заболеваниях, представляющих опасность для окружающих.В случае уклонения от обследования и леченияграждане, больные заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, подвергаются освидетельствованию и лечению в принудительном порядке в соответствии с Кодексом о здоровье и иными законами Республики Казахстан.

Кроме того, согласно подп. 13 п. 4 ст. 90 Кодекса о здоровье, в обязанности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц входит необходимость приостанавливатьпредпринимательскую и (или) иную деятельность в случае создания ими угрозы жизни или здоровью населения.

Постановлением Главного государственного санитарного врача Республики Казахстан от 16 марта 2020 г. № 25-ПГВр «О мерах по обеспечению безопасности населения Республики Казахстан» [5] в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан «О введении чрезвычайного положения в РК» введен запрет на проведение массовых мероприятий (праздничных, спортивно-массовых, зрелищных культурно-массовых мероприятий, проведение конференций, семинаров, выставок и др.). Приостановлена деятельность кинотеатров, ночных клубов, тренажерных, фитнес-залов (центров), детских игровых площадок при торгово-развлекательных комплексах, организаций внешкольного дополнительного образования (центры развития, образования, кружки, факультативы и др.), компьютерных клубов, спортивных комплексов (кружков, секций и др.).

Ограничения по требованию Главного государственного санитарного врачаповлекли вопросы по оформлению трудовых отношений с работниками, которых коснулось введение данного запрета. Данную ситуацию в отношениях с работниками, которых затронуло временное приостановление предпринимательской деятельности, правильнее всего будет охарактеризовать как простой. Согласно подп. 10п. 1 ст. 1 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V (далее –ТК РК) [6] простой – это **временная приостановка** работы по причинам экономического, технологического, организационного, иного производственного или природного характера. **Чрезвычайная ситуация** – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате

аварии, *опасного природного явления*, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Эпидемия – это массовое и прогрессирующее распространение *инфекционного заболевания среди людей* в пределах определенной территории. Для развития эпидемии необходимы три условия: наличие источника инфекции; осуществление определенного механизма передачи; восприимчивость населения к данной инфекционной болезни.

Следовательно, в сложившейся ситуации простой произошел по причине природного характера и не связан с виной ни одной из сторон трудового договора. В период простоя независимо от причины работодателя обязаны руководствоваться ст. 112 ТК РК.

□ Порядок оформления простоя и условия оплаты времени простоя по причинам, не зависящим от работодателя и работника, определяются трудовым, коллективным договорами и устанавливаются в размере не ниже минимального размера заработной платы (42 500 тенге).

□ Оплата простоя может быть выше минимального размера заработной платы по соглашению сторон между работником и работодателем.

Таким образом, можно сделать вывод, что в отношении работников, которые не имеют возможности выполнять трудовые обязанности ввиду запрета Главного государственного санитарного врача Республики Казахстан, в таблице учета рабочего времени указывается время простоя и производится оплата в размере не ниже минимальной заработной платы. На основании п. 2 и 3 ст. 79 ТК РК учету подлежит отработанное и не отработанное работником время. Все компании во исполнение п. 3 ст. 79 ТК РК должны были предусмотреть условные обозначения, зафиксировав порядок ведения учета рабочего времени актом работодателя, в том числе в период простоя и во время отсутствия работника на рабочем месте по уважительной причине.

Несмотря на отсутствие у работника прежней работы, у работодателя может появиться необходимость для его привлечения к другой работе на период простоя. В соответствии со ст. 42 ТК РК работодатель в случае простоя имеет право переводить работника без его согласия на весь период простоя на другую, не противопоказанную по состоянию здоровья, работу. При временном переводе на другую работу в случае простоя оплата труда работнику производится по выполняемой работе. Временный перевод в случае простоя оформляется приказом, на весь период простоя и работник имеет право отказаться только в одном случае, если предоставит работодателю медицинское заключение о невозможности выполнять временную работу.

При этом следует отметить, что период простоя и временный перевод в связи с простоем оформляется приказом с указанием события, а не

фиксированной даты. На основании п. 1 ст. 13 ТК РК срок может определяться также указанием на событие, которое должно наступить, в данном случае – прекращение действия постановления главного государственного санитарного врача Республики Казахстан.

Согласно постановлению и.о. Главного государственного санитарного врача г. Алматы от 18 марта 2020 г. № 8 «О введении режима карантина на территории г. Алматы»[7] в связи с регистрацией случаев коронавирусной инфекции (COVID-19) у граждан г. Алматы и её распространением среди населения, в целях локализации и ликвидации очагов инфекции, в соответствии с Законом Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V «О гражданской защите» [8], Указом Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 г. № 285 «О введении в Республике чрезвычайного положения» и решением Государственной комиссии по обеспечению режима чрезвычайного положения в Республике Казахстан» на территории города Алматы вводится режим карантина с особыми условиями хозяйственной и иной деятельности и жизни населения. В двух городах Казахстана (г. Нур-Султан и г. Алматы) с 00:00 часов 19 марта 2020 г. был введен запрет на въезд – выезд людей из данных городов с целью пресечения распространения коронавирусной инфекции COVID-19 на территорию других регионов Республики Казахстан, в связи с чем многие работники, проживающие в городах Нур-Султан и Алматы, но осуществляющие трудовые обязанности за пределами города (в том числе работающие вахтовым методом), фактически не имеют возможности добраться до своих рабочих мест. В связи с этими обстоятельствами предлагаем работодателям в таблице учета рабочего отражать отсутствие работника как отсутствие по уважительной причине или оформить работникам на эти дни ежегодный оплачиваемый трудовой отпуск, особенно если есть задолженность по трудовым отпускам за прошедшие рабочие годы.

В качестве рекомендации можно предложить использовать дистанционную работу, если это возможно, учитывая специфику деятельности компаний, занимаемые работниками должности и виды работы. Дистанционная работа является особой формой осуществления трудового процесса вне места расположения работодателя с применением в процессе работы информационно-коммуникационных технологий (п. 1 ст. 138 ТК РК). Работодатель предоставляет работнику средства коммуникации (средства связи) и несет расходы по их установке и обслуживанию. В случае, когда работник использует собственные средства коммуникации на постоянной основе, работодателем выплачивается компенсация, размер и порядок выплаты которой устанавливаются по соглашению с работником. По соглашению сторон дистанционному работнику могут возмещаться и иные расходы, связанные с выполнением работы для работодателя (стоимость электроэнергии, воды и другие расходы). Для работников, занятых на дистанционной работе, устанавливается фиксированный учет рабочего

времени, особенности контроля за которым определяются в трудовом договоре.

Учитывая сложившуюся ситуацию в Казахстане и во исполнение работодателем требований по обеспечению санитарно-противоэпидемических мероприятий по осуществлению мер по предупреждению возможного заражения COVID-19 от потенциального источника заболевания и предотвращению распространения коронавируса на территории компании и сохранить здоровье работников, работодателем может вводиться дистанционная работа (если это возможно по виду работы). Введение работодателем дистанционной формы работы является превентивной мерой и относится к санитарно-противоэпидемическому мероприятию.

Исходя из вышеизложенного, во исполнение Кодекса о здоровье предлагаем компаниям на период пандемии по коронавирусной инфекции разработать Правила поведения работников на рабочем месте в период пандемии по коронавирусной инфекции. Особое внимание следует обратить на обязанность работников, закрепленную в подп. 6 п. 1 ст. 90 Кодекса о здоровье, соблюдать законодательство Республики Казахстан в области здравоохранения и на обязанность работников на основании подп. 1 п. 2 ст. 22 ТК РК соблюдать акты работодателя после ознакомления с ними, т.е. выполнять Правила поведения работников на рабочем месте в период пандемии по коронавирусной инфекции. В данных Правилах на период пандемии необходимо предусмотреть (с целью минимизации заражения работников на рабочем месте) введение дистанционной работы и определить Список должностей для дистанционного труда, исходя из должности, вида работы и их целесообразности нахождения в офисе компании, а также уточнить время начала и окончания периода для отдыха и приема пищи либо внедрить неполный режим работы с установлением графика нахождения в офисе.

Следует напомнить, что и работодатель, и работники обязаны соблюдать законодательство Республики Казахстан в области здравоохранения, в том числе в период карантина, следовательно, *предлагаемые работодателем превентивные меры не могут трактоваться как нарушение трудового законодательства Республики Казахстан*, если они будут оформлены актом работодателя и работники будут с ним ознакомлены. В случае отказа работника исполнять Правила поведения работников на рабочем месте в период пандемии по коронавирусной инфекции работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за неисполнение акта работодателя, особенно учитывая, что в Республике Казахстан введено чрезвычайное положение. Предлагаем при ознакомлении с Правилами поведения работников на рабочем месте в период пандемии по коронавирусной инфекции провести информационно-разъяснительную работу по профилактике распространения КВИ среди работников компаний и по поводу обязанности работников как граждан

Республики Казахстан заботиться о сохранении своего здоровья, нести солидарную ответственность за сохранение и укрепление индивидуального и общественного здоровья и соблюдать законодательство Республики Казахстан в области здравоохранения (подп.1 и 6 п. 1 ст. 90 Кодекса о здоровье).

Однако введение дистанционной формы работы требует надлежащего оформления в трудовом договоре с применением предусмотренного в п. 2 ст. 33 ТК РК порядка внесения изменений и дополнений в трудовой договор. Работник, получивший уведомление от работодателя о переходе на дистанционную работу, обязан в течение пяти рабочих дней сообщить работодателю о принятом решении. Несмотря на то, что работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за неисполнение Правил поведения работников на рабочем месте в период пандемии по коронавирусной инфекции, он имеет право отказаться от изменений в трудовой договор, что может создать угрозу его жизни и здоровью. На основании п. 3 ст. 10 ТК РК условия трудового договора не могут быть изменены в одностороннем порядке.

Учитывая сложившуюся ситуацию в Казахстане и во исполнение работодателем требований по обеспечению санитарно-противоэпидемических мероприятий, по осуществлению мер по предупреждению возможного заражения COVID-19 от потенциального источника заболевания и предотвращению распространения коронавируса на территории компаний и сохранению здоровья работников, компании могут ввиду сокращения объема работы ввести неполное рабочее время. Введение работодателем неполного рабочего дня является превентивной мерой и относится к санитарно-противоэпидемическому мероприятию с целью сократить нахождение в офисе большого количества работников и предусмотреть им график работы, например, одни работники приходят в первой половине дня, другие во второй или определить график работы по дням недели.

Неполным рабочим временем считается время, которое меньше нормальной продолжительности, установленной ТК РК, в том числе:

- 1) неполный рабочий день, т. е. уменьшение нормы продолжительности ежедневной работы (рабочей смены);
- 2) неполная рабочая неделя, т. е. сокращение числа рабочих дней в рабочей неделе;
- 3) одновременное уменьшение нормы продолжительности ежедневной работы (рабочей смены) и сокращение числа рабочих дней в рабочей неделе.

Неполный режим рабочего времени оформляется путем направления уведомления работнику, а тот в течение пяти рабочих дней подписывает дополнительное соглашение к трудовому договору, которое является его неотъемлемой частью.

Однако работники должны быть осведомлены, что неполный режим рабочего времени влечет уменьшение заработной платы, так как на

основании п. 1 ст. 79 ТК РК работодатель обязан вести учет рабочего времени, фактически отработанного работником, и оплата производится согласно табелю учета рабочего времени. При этом работа на условиях неполного рабочего времени не влечет для работника ограничений в продолжительности оплачиваемого ежегодного трудового отпуска, исчисления трудового стажа и других прав в сфере труда, установленных ТК РК, трудовым, коллективным договорами, соглашениями.

Отдельно заслуживает внимание подп. 15 п. 4 ст. 90 Кодекса о здоровье, где в обязанности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц входит проведение за счет своих средств по эпидемиологическим показаниям и предписаниям, постановлениям должностных лиц санитарно-эпидемиологической службы дезинфекционных, дезинсекционных и дератизационных мероприятий.

Согласно ст. 152 Кодекса о здоровье в целях предупреждения возникновения, распространения инфекционных и паразитарных заболеваний юридические лица обязаны за счет своих средств проводить по эпидемиологическим показаниям и предписаниям, постановлениям должностных лиц санитарно-эпидемиологической службы комплекс мер, направленных на уничтожение возбудителей инфекционных и паразитарных заболеваний (дезинфекция), насекомых, других членистоногих (дезинсекция) и истребление грызунов (дератизация).

Очаговая дезинфекция, дезинсекция, дератизация в очагах инфекционных и паразитарных заболеваний человека и природных очагах инфекционных и паразитарных заболеваний проводятся организациями санитарно-эпидемиологической службы и медицинскими организациями в целях профилактики и (или) ликвидации инфекционных и паразитарных заболеваний. Так, гражданам, состоящим в трудовых отношениях, необходимо:

- соблюдать усиленный санитарно-дезинфекционный режим в организации;
- обеспечить регулярную обработку с применением моющих и дезинфицирующих средств рабочих мест и помещений, в том числе антисептические вещества на спиртовой основе;
- обеспечить расстояние между столами на рабочих местах не менее 2 метров;
- соблюдать санитарно-дезинфекционный режим в организации;
- придерживаться усиленного санитарно-дезинфекционного режима (установка санитайзеров для обработки рук, обработка поверхностей не реже двух раз в день, влажная уборка с применением дезинфекционных средств, проветривание) на рабочих местах;
- активизировать информационно-разъяснительную работу по профилактике распространения КВИ среди работников, организовать размещения наглядной агитации по предупреждению распространения КВИ, а также информировать работников по вопросам профилактики КВИ.

Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 184 ТК РК работодатели обязаны в течение рабочего времени обеспечить температурный режим, освещение, а также вентиляцию в помещении, где располагаются рабочие места, которые должны соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям. Следовательно, работодатель обязан на период пандемии соблюдать условия санитарно-дезинфекционного режима на объектах массового пребывания работников и обеспечить их всем необходимым, например моющими и дезинфицирующими средствами, в том числе антисептическими веществами на спиртовой основе, обеспечить возможность проветривания рабочего кабинета и ежедневную уборку и дезинфицирование поверхностей, находящихся в кабинетах работников.

-
1. Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // Справочная правовая система «ЮРИСТ»-2007.
  2. Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2003 г. № 387 «О чрезвычайном положении» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2003. – № 3. – Ст. 18.
  3. Указ Президента Республики Казахстан «О введение чрезвычайного положения в Республике Казахстан» от 15 марта 2020 г. – URL:<http://online.zakon.kz>
  4. Кодекс Республики Казахстан от 18 сентября 2009 г. № 193-IV «О здоровье народа и системе здравоохранения». – URL:<http://online.zakon.kz>
  5. Постановление Главного государственного санитарного врача Республики Казахстан от 16 марта 2020 г. № 25-ПГВр «О мерах по обеспечению безопасности населения Республики Казахстан». – URL:<http://online.zakon.kz>
  6. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V // Казахстанская правда. – 2015. – 25 нояб.
  7. Постановление и.о. Главного государственного санитарного врача г. Алматы от 18 марта 2020 г. № 8 «О введении режима карантина на территории г. Алматы». – URL:<http://online.zakon.kz>
  8. Закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V «О гражданской защите». – URL:<http://online.zakon.kz>

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

О.С. Головачук

MODERN PROBLEMS DEALING WITH PROCEEDINGS ON CASES OF PRIVATE PROSECUTION

O.S. Golovachuk

Дан анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство у мирового судьи по делам частного обвинения; особое внимание уделено проблемам, возникающим на этапе возбуждения дел частного обвинения, связанных с защитой прав потерпевших; приведены положения, направленные на совершенствование исследуемого правового института.

Ключевые слова: мировой судья, частное обвинение, частный обвинитель, потерпевший, обвиняемый.

The paper studies modern criminal procedure legislation governing magistrates court process in private prosecution; special attention is given to the problem connected with the protection of victims of crime's rights and legal interests; the paper contains proposals to improve legislation.

Keywords: justice of the peace, private prosecution, private prosecutor, victim of crime, accused.

Статья 20 УПК РФ (ч. 1) закрепляет положение о том, что в зависимости от характера и тяжести совершённого преступления уголовное преследование может осуществляться в публичном, частно-публичном или частном порядке.

По большинству уголовных дел преследование осуществляется в публичном порядке, что предопределено самой природой преступления как виновно совершённого общественно опасного деяния (ст. 14 УК РФ), т. е. деяния, которое причиняет вред не только интересам конкретного лица, ставшего жертвой преступного посягательства, но и общества в целом. Поэтому уполномоченные государственные органы и должностные лица обязаны осуществлять уголовное преследование в каждом случае обнаружения признаков преступления. Возникновение этой обязанности не зависит от волеизъявления конкретного потерпевшего.

При этом законодатель предусматривает возможность отступления от принципа публичности при осуществлении преследования за ряд преступлений. Это дела частно-публичного и частного обвинения. В первом случае речь идет о праве уполномоченных органов возбудить уголовное дело при наличии единственно возможного повода – заявления потерпевшего, по делам же частного обвинения весь объем обвинительной деятельности возлагается непосредственно на пострадавшего от преступления. По общему правилу дела частного обвинения возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье (ч. 1 ст. 318

УПК РФ). А затем указанные лица, получив статус частного обвинителя, самостоятельно должны поддерживать обвинение в суде.

И здесь вполне логично возникает вопрос: в состоянии ли пострадавшие от преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, выполнить те обязанности, которые возложил на них законодатель? Способны ли они самостоятельно защитить свои права и законные интересы?

Как было сказано, дела частного обвинения возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье.

При этом заявление должно удовлетворять ряду обязательных требований. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 318 УПК РФ оно должно содержать:

- 1) наименование суда, в который подается;
- 2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;
- 3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству;
  - 3.1) данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность;
  - 4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
  - 5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
  - 6) подпись лица, его подавшего.

При этом ряд ученых-процессуалистов, в частности, Е.Г. Мартынчик, справедливо считают, что составить заявление с соблюдением всех перечисленных требований закона сможет далеко не каждый потерпевший[1]. Тем более что при составлении заявления необходимо дать юридическую оценку содеянному лицом (т. е. квалифицировать деяние по статье УК РФ), в отношении которого ставится вопрос о возбуждении уголовного дела частного обвинения. И хотя законодатель в ч. 5 ст. 318 УПК РФ «умолчал» о данном требовании, тем не менее мировой судья не может давать квалификацию содеянному на этапе рассмотрения поступившего заявления. Это будет расценено как осуществление им обвинительной деятельности. А значит, это должен сделать потерпевший.

Если же потерпевший не справится с поставленной перед ним задачей и его заявление не будет в полной мере отвечать требованиям УПК РФ, то мировой судья выносит постановление о возвращении его подавшему лицу. В указанном постановлении он предлагает привести заявление в соответствие с имеющимися требованиями, устанавливая для этого определенный срок. В случае неисполнения указаний мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству, о чем уведомляет лицо, его подавшее.

Таким образом, в силу юридической неграмотности некоторые потерпевшие не смогут должным образом составить заявление мировому

судье (особенно это касается юридической квалификации деяния), чтобы начать уголовное преследование виновных, и останутся без правовой защиты.

Некоторые процессуалисты видят путь решения обозначенной проблемы в обращении потерпевшего к помощи представителей (адвокатов). Так, С.В. Корнакова и Е.В. Чигрина отмечали, что «если лицо не может самостоятельно составить заявление, в том числе указать норму уголовного закона, подлежащую применению, за него это может сделать представитель, обладающий необходимыми юридическими знаниями» [2]. Но в современных экономических условиях далеко не каждый может позволить себе обратиться за помощью к профессиональному адвокату по вопросу составления заявления, а также устных и письменных консультаций.

В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, в том числе и потерпевшим по делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения. Они не должны быть лишены своего права на привлечение обидчика к уголовной ответственности.

Но даже если потерпевший сможет надлежащим образом оформить заявление и оно будет принято мировым судьей к производству, это ещё не означает, что все трудности позади. В соответствии со ст. 43 УПК РФ уголовно-процессуальной функцией частного обвинителя (так именуется потерпевший по рассматриваемой категории дел с момента принятия мировым судьей его заявления к производству) является поддержание обвинения. В рамках осуществления этой функции он должен изобличить обвиняемого в содеянном, собрав необходимый доказательственный материал.

Следует согласиться с мнением А.Л. Корякина, что «несмотря на всю "простоту" дел частного обвинения юристу-непрофессионалу фактически невозможно исполнить заявление по делу частного обвинения с учетом обозначенных проблем правового характера и тем более квалифицированно поддерживать обвинение, выступать в прениях, ориентировать суд на верную квалификацию, а также на принятие верного процессуального и законного решения» [3].

Что же нужно сделать для обеспечения надлежащей правовой защиты потерпевших по делам частного обвинения?

Одним из возможных вариантов решения обозначенной проблемы представляется наделение мирового судьи правом передать заявление потерпевшего о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, для проведения проверки и решения вопроса о возбуждения уголовного дела (при наличии оснований) органу дознания. При этом не следует лишать потерпевшего права на примирение с обвиняемым.

---

1. *Мартыничук Е.Г.* Производство по уголовным делам частного обвинения: прерогативы и особенности мировой юстиции // Российский судья. – 2003. – № 7. – С.

11–15.

2. *Корнакова С.В., Чигрина Е.В.* Пределы судебного разбирательства по делам частного обвинения // *Право и законодательство*. – 2014. – № 6. – С. 24.

3. *Корякин А.Л.* Проблемы судебного следствия по делам частного обвинения // *Вестник Омского ун-та. Серия «Право»*. – 2014. – № 3(40). – С. 214.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

А.В. Данчевская

TO THE QUESTION OF THE STATE OF CRIME IN THE AKMOLINSKIY REGION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

A.V. Danchevskaya

Рассмотрено криминогенное состояние Акмолинской губернии Российской империи в конце XIX – начале XX в. Определено, что на состояние преступности оказывала существенное влияние социальная структура местного общества. Установлено, что до введения судебной реформы преступность в регионе оставалась стабильной, а в начале XX в. наблюдается рост показателей.

Ключевые слова: преступность, конокрадство, обзор Акмолинской области, уголовная статистика.

The criminogenic state of the Akmolinskiy region of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries is considered. It is determined that the social structure of the local society had a significant impact on the state of crime. It is established that before the introduction of judicial reform, crime in the region remained stable, and in the early twentieth century, there is an increase in indicators.

Keywords: crime, horse theft, review of the Akmolinskiy region.

Состояние преступности в разных регионах Российской империи характеризовалось различием как по количественным, так и по структурным показателям. Существенную роль в этом сыграла крестьянская реформа 1861 г., изменившая юридическое положение миллионов людей и обусловившая введение их в правовое поле. При этом на территории за Уралом отмена крепостного права оказала косвенное влияние, поскольку крепостничества как такового в Сибири и на Дальнем Востоке не существовало. Тем не менее здесь имелся один значимый фактор, влиявший на криминогенное состояние региона, – это долговременная практика уголовной ссылки, из-за которой сибирские губернии и области считались одними из самых криминальных в империи. В Западной Сибири остро стояла проблема с преступностью в Тобольской [1] и Томской [2] губерниях, где ссыльные составляли отдельную социальную категорию.

При этом смежную с ними Акмолинскую область, образованную в 1868 г. с центром в Омске в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства, проблемы преступности и уголовной ссылки как будто обошли стороной. Эта территория, как и многие другие окраины Российской империи, обладала рядом особенностей, которые могли оказывать влияние на её криминогенное состояние. Среди них можно назвать социально-экономическое развитие региона и социальную структуру её населения. Существенное отличие криминогенной среды Акмолинской области от других регионов Западной и Восточной Сибири состояло в отсутствии практики уголовной ссылки,

которая, например, в других сибирских губерниях и областях оказывала на местное население существенное деморализующее влияние.

Этническая картина области в конце XIX – начале XX в. была представлена двумя основными группами: русскими (казаками и переселенцами) и киргизами. Если первые отличаются оседлым образом жизни, то вторые «занима[лись] [...] исключительно скотоводством и только немногие земледелием» [3] и поэтому занимали огромную территорию преимущественно в южной части области, используемую для кочевий и выпаса скота.

Отличительными чертами Акмолинской области были слабая заселенность, а также преобладание кочевого населения (киргизов) над оседлым. Так, в 1881 г. общее число населения области составляло 460363 чел., из которых оседлое население, состоявшее из переселенных крестьян и казаков, насчитывало 120635 чел., т. е. около 26,2%. При этом плотность населения по уездам не была равномерной: в Атбасарском уезде в 1881 г. она составляла всего 0,5 чел. на кв. версту, а в Омском – 1,9 чел. на кв. версту [4]. За почти три десятилетия заселенность области стала более плотной и в 1909 г. составила 6,3 чел. на кв. версту в Омском уезде и 1,2 чел. – в Атбасарском [5], при этом выросла до 1064946 чел. общая численность населения. Изменилось также соотношение кочевников и оседлых: к 1911 г. доля оседлого населения, формировавшегося преимущественно за счет переселенцев, не считая естественного прироста, составляла уже около 64% от общего числа.

Состояние преступности в Акмолинской области в дореволюционный период отличалось следующими характеристиками. В 1881 г. на территории области было зарегистрировано 1145 преступлений, из которых 201 – по делам о конокрадстве. Согласимся с мнением составителей использованного нами в качестве источника статистического отчета, что данная цифра представляется несколько заниженной по причине количественного преобладания кочевых киргизов, которые по ряду преступлений были подчинены своему народному суду [6]. Этот факт косвенно отражается в следующей закономерности: где меньше была плотность населения и больше по численности кочевников, там в силу указанного фактора зарегистрировано меньшее число преступлений. В свою очередь, чем выше плотность населения и больше по численности оседлого, тем уровень преступности выше. Данная взаимозависимость прослеживается в таблице 1 [7].

Таблица 1.

Уезды	Число преступлений, %	Оседлое население, %	Общая преступность 1 преступление на чел.	Населенность На 1 кв. версту
Акмолинский	5,4	3,3	2449	0,6
Атбасарский и Кокчетавский	14,7	19,3	1120	0,8
Петровпавловский	39,2	41,3	267	1,6
Омский	40,7	56,3	210,5	1,9

В целом в конце XIX в. в Акмолинской области состояние преступности было стабильным. Число зарегистрированных преступлений по Уложению о наказаниях уголовных и исполнительных оставалось примерно одинаковым в абсолютном отношении, а после 1905 г. начало расти (Таблица 2). Это не являлось показателем роста преступности как таковой: таким образом в статистике отражался рост населения.

Таблица 2*.

Год	Число преступлений	Населения всего	Коэффициент преступности
1881	966	460363	209,8
1887	1043	482240	216,3
1890	987	519 929	189,8
1896	737	639 187	115,3
1901	1005	827931	121,4
1905	1194	934612	127,8
1910	2532	1443711	175,4
1911	3190	1469401	217,1
1914	3610	1525543	236,6

*Здесь и далее в таблицах. Подсчитано по: *Обзор Акмолинской области ... [по годам] / Акмолинский обл. стат. ком. Омск: тип. Акмолинского обл. правления, 1881-1915.*

Для получения более четкой картины мы рассчитали коэффициент преступности по определенным годам, который отражает криминогенную картину в регионе более адекватно. Отсюда видно, что в период 1880-х гг. в Акмолинской области совершалось около 200 преступлений на сто тысяч населения, а во второй половине 1890-х гг. этот показатель снизился почти вдвое. Однако в 1910-х гг. снова наблюдается увеличение коэффициента преступности, который к началу Первой мировой войны достиг почти 236 преступлений на сто тысяч населения. Этот последний показатель подтверждает вывод Б.Н. Миронова о том, что в стране максимальный уровень пришелся на 1913 г. – канун Первой мировой войны [8].

Несмотря на указанное, можно утверждать, что преступность в Акмолинской губернии в конце XIX – начале XX в. не являлась высокой. Этот вывод можно сделать на основе сопоставления коэффициентов преступности разных регионов европейской части страны, а также Западной и Восточной Сибири. Как видно из таблицы 3, уровень преступности в сибирских губерниях, подверженных ссылке, за десятилетие существенно вырос. Особняком стоят показатели Архангельской и Рязанской губерний. В первой судебная реформа вводилась наряду с Сибирью в конце XIX в. и ссылки не занимали существенной доли населения, как в Сибири, тем не менее уровень преступности был высоким даже в сравнении с Иркутской губернией. Вторая показывает крайне низкие показатели в сравнении с остальными, при этом Рязанская губерния располагалась в центральной России, где введение судебной реформы началось ещё в 1860-х гг., а значит к

исследуемому периоду там действовали мировые судьи, а ссылки не было вовсе.

Таблица 3.

Регион	1881	1890
Акмолинская область	210	190
Енисейская губерния	140	381
Иркутская губерния	354	810
Томская губерния	111	292
Архангельская губерния	473	976
Рязанская губерния	41	19

В Акмолинской области наибольшим уровнем преступности характеризовались Омский и Петропавловский уезды. В начале 1900-х гг. на их долю приходилось около 70 % всех преступлений области, что объяснялось значительным числом в составе сельского населения ссыльных из Тобольской и Томской губерний, откуда они прибывали на заработки [9]. Таким образом, ссылка косвенно оказывала негативное влияние на криминогенную ситуацию в регионе, который сам по себе местом ссылки не являлся.

Постройка Сибирской железной дороги также привлекала рабочих из соседних Тобольской и Томской губерний. В обзоре за 1896 г. отмечается, что в силу слабого состава местной полиции большая часть совершённых прибывшим контингентом преступлений остается нераскрытой, а преступники успевают скрыться от следствия. Так, в названном году в Омске возникло 387 дел, по которым было привлечено в качестве обвиняемых 199 чел. [10].

Нельзя упустить из виду влияние судебной реформы, которая благодаря введению института мировых судей существенно изменила статистическую криминальную картину. Мировые судьи, с одной стороны, оттянули на себя некоторую долю дел, которыми раньше занимались общие суды, но с другой повлекли возникновение колоссального числа дел, которые раньше в принципе не могли возникнуть. Так, в 1901 г. на тысячу дел, рассмотренных общими судами Акмолинской области по Уложению о наказаниях уголовных и исполнительных, пришлось 7 тыс. дел, рассмотренных мировыми судьями по мировому уставу. В целом статистика деятельности мировых судей в области отражена в таблице 4.

Таблица 4.

Год	Рассмотрено дел	Привлечено к ответственности лиц	Осуждено лиц (% от числа привлеченных)
1894	3987	6348	2844 (45%)
1896	5244	8258	4497 (55%)
1901	7429	10006	4451 (45%)
1902	8782	10324	5746 (56%)
1905	5260	8746	3360 (38%)
1909	9539	14932	10775 (72%)
1910	13088	21743	16506 (76%)

1911	10009	19067	15903 (83%)
1914	17884	18995	12365 (65%)
1915	10670	14390	10341 (72%)

С 1894 по 1915 гг. здесь наблюдается постоянный рост по всем трем показателям: число рассмотренных дел, количество привлеченных и осужденных по ним лиц. Провал произошел лишь в 1905 г., но его можно предположительно связать с событиями Первой русской революции, которые могли влиять на деятельность судебных органов и, как следствие, на формирование криминальной статистики.

Отдельно хотелось бы выделить одну особенность в структуре преступности Акмолинской области. В целом, преобладающая доля преступлений традиционно попадала в категорию «против собственности частных лиц». Социальный состав области обусловил постоянное присутствие среди имущественных преступлений и проступков такого вида правонарушений как кражи лошадей и скота (таблица 5).

Таблица 5

Год	881	883	884	887	888	889	890	891	892
Число случаев конокрадства	01	61	45	4	57	3	24	09	6

Таким образом, анализ уголовной статистики по Акмолинской области в период с 1881 по 1915 гг. показал, что уровень преступности там был относительно низким в сравнении с другими регионами государства как европейской части, так и Сибири. При этом криминогенная ситуация отличалась стабильностью, поскольку отсутствовали провоцирующие криминальную инициативу факторы, например, уголовная ссылка (Сибирь) или противостояние крестьянства и помещиков (западные губернии). Однако свое влияние оказало наличие в составе населения большой доли кочевых киргизов, занимавшихся скотоводством и находившихся на особом правовом положении.

1. Сунгуров П.А., Петрова В.П. Криминальная ситуация в Тобольской губернии (последняя треть XIX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Серия История. – 2012. – № 2. – С. 121–125.

2. Шиловский Д.М. Состояние преступности в Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы Всероссийской конференции, 5-6 октября 2001 г. – Барнаул, 2002. – С. 234–236.

3. Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. – Омск, 1912. – С. 4.

4. Обзор Акмолинской области за 1881 г. – Омск, 1882. – С. 20.

5. Обзор Акмолинской области за 1909 г. – Омск, 1910. – С. 3.

6. Обзор Акмолинской области за 1881 г. – Омск, 1882. – С. 24.

7. Там же.

8. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). – Т. 2. – СПб., 1999. – С. 84.
9. Обзор Акмолинской области за 1902 г. – Омск, 1904. – 80 с.
10. Обзор Акмолинской губернии за 1896 г. – Омск, 1898. – С. 70.

НОРМЫ В МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.А. Демин

NORMS IN THE MECHANISM OF LAW REGULATION

A.A. Demin

Статья посвящена анализу гражданско-правовых норм и их роли в механизме гражданско-правового регулирования, а также процесса правового применения норм. Учитывается российский и зарубежный опыт конструирования гражданско-правовых норм, проводится анализ судебной практике по данному вопросу. По результатам исследования делается вывод о том, что наряду с существующим подходом об учете императивного и диспозитивного характера гражданско-правовых норм, в правовом регулировании гражданских правоотношений первостепенным является необходимость учета содержания самой нормы, определения сферы её применения, а также оценка пригодности применения нормы для разрешения возникшей правовой ситуации.

Ключевые слова: гражданско-правовые нормы, императивная норма, диспозитивная норма, механизм гражданско-правового регулирования, правоприменение.

The article is devoted to the analysis of civil law norms and their role in the mechanism of civil law regulation, as well as the process of legal application of norms. Russian and foreign experience in the construction of civil law norms is taken into account, and judicial practice on this issue is analyzed. The results of the study concluded that, together with the current approach on accounting for mandatory and permissive nature of civil-law norms in the legal regulation of civil relations is paramount to considering the content of the norms, determining its scope, and also to assess the suitability of the application of the rule to resolve a legal situation.

Keywords: civil law, a peremptory norm, a permissive norm, the mechanism of legal regulation and enforcement.

Известно, что право выступает регулятором общественных отношений. Регулировать общественные отношения – значит устанавливать определенные рамки, пределы, а также правила поведения их участников. Эти правила указываются в конкретных юридических нормах и являются основным средством правового регулирования. Основу гражданско-правового регулирования составляют правовые нормы, содержащиеся в гражданском законодательстве, что следует из положений п. 2 ст. 3 ГК РФ.

С нормативным регулированием тесным образом связан вопрос применения норм. В цивилистике анализ процесса применения норм, как правило, происходит под углом оценки категоричности их условий и обязательности применения для упорядочения имущественных и личных неимущественных отношений. Речь идет о делении норм на императивные и диспозитивные.

В юридической литературе отмечается, что диспозитивные нормы устанавливают вариант регулируемого поведения и в то же время оставляют сторонам возможность выбора иного варианта. Подобного рода нормы

обнаруживаются в той или иной пропорции во всех гражданско-правовых институтах. Императивные нормы гражданского права предписывают поведение в категорической форме, не допуская отклонения от предписанного [1]. Указывается и на то, что норма гражданского права в механизме гражданско-правового регулирования выступает в качестве единственного средства гражданско-правовой деятельности, если является императивной или отсутствует предусмотренный диспозитивной нормой регулятор [2]. Тем самым внимание ученых и практиков фокусируется на необходимости применения положений, содержащихся в той или иной норме гражданского права, или на возможности отступления от установленных законом правил.

И действительно, применение диспозитивных или императивных норм в регулировании гражданских правоотношений достаточно серьезно определяет правовые возможности поведения их участников. Особенно это важно для сферы договорных взаимоотношений: с одной стороны, согласно п. 2 ст. 1 и ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. С другой стороны, в п. 4 ст. 421 ГК РФ устанавливается, что условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения (ст. 422 ГК РФ).

В свою очередь, в большинстве случаев гражданско-правовые нормы не содержат точных признаков своей диспозитивности или императивности и на практике это нередко ведет к неоднозначному пониманию юридической силы некоторых важных гражданско-правовых норм, вплоть до злоупотреблений ими [3]. Достаточно серьезное внимание данной проблеме уделил в свое время Высший Арбитражный суд РФ, который в постановлении Пленума ВАС от 14.03.14 № 16 «О свободе договора и ее пределах» разъяснил судам условия отнесения норм ГК РФ к императивным или диспозитивным. В частности, суд указал, что в случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить её применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. Норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. При отсутствии в норме, регулирующей права и обязанности по договору, явно выраженного запрета установить иное, она является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов.

Проблема отнесения норм гражданского права к императивным или диспозитивным не является исключительно проблемой российского гражданского права. Схожие вопросы возникают и в зарубежных странах. Так, французские разработчики реформы обязательственного и договорного права в данном вопросе отказались от четкого обозначения норм в качестве императивных или диспозитивных. В подавляющем большинстве новых норм просто закрепляются те или иные права и обязанности сторон без четкого определения правовой природы нормы. Эта задача возлагается на суды, которые делают вывод о характере правовой нормы посредством их толкования. Более того, из многих норм разработчики удалили прямое указание на право согласовать иное, чтобы не создавать впечатление о императивном характере других норм.

Такой подход обусловлен тем, что, по мнению французских юристов, четкое закрепление в законе норм с отнесением их к императивным и диспозитивным обречена на провал в правовом регулировании отношений. Варианты отступления сторон от предписаний нормы многочисленны, и проработать каждый из возможных вариантов условий договора от каждой нормы договорного права и отрегулировать в законе все эти варианты в виде прямых запретов или прямых допущений просто невозможно. Это приведет к преграждению развития гражданского права через эволюцию судебной практики [4]. Следовательно, по мнению французских юристов, эффективность правоприменения в гражданско-правовом регулировании в большей степени зависит не от императивности или диспозитивности правовых норм, а от содержащихся в них правил поведения и от однозначности их формулировок.

Также обращает на себя внимание тот факт, что норма права – это не только правило поведения, но и установление, образец, критерий оценки фактов реальной действительности [5]. И если учитывать, что основной функцией гражданского права выступает упорядочение действий граждан и юридических лиц по удовлетворению своих частных интересов, то цель действий субъектов и сами действия должны быть юридическими, т. е. соответствовать конкретным нормативным предписаниям. Только в этом случае действия получают надежное юридическое сопровождение [6]. Так, к примеру, действия по установлению, осуществлению и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей должны быть добросовестными. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ). И, например, в договорных отношениях недобросовестным будет поведение стороны, нацеленное на получение необоснованных экономических выгод за счет другой стороны и в ущерб её законным интересам.

Другим примером выступает п. 2 ст. 209 ГК РФ, где раскрываются правомочия собственника вещи, который по своему усмотрению вправе совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону, отчуждать свое имущество в собственность другим

лицам, передавать им права владения, пользования и распоряжения имуществом и др. Отсюда следует, что необходимость правоприменения обусловлена не столько императивным характером правовой нормы, сколько её содержанием и пригодностью разрешения возникшей правовой ситуации.

Кроме того, отмечается, что для правильного применения норм отраслевого законодательства весьма важным представляется анализ системы составляющих его норм, уяснения сферы их действия, а также внутренней согласованности [7]. И это действительно так, ведь гражданские правоотношения являются разноплановыми по своему содержанию, существует своя специфика установления пределов, границ, рамок и правил поведения для различных видов гражданских отношений. Применение конкретной нормы в таком случае обусловлено системной взаимосвязью с другими нормами гражданского права, в первую очередь нормами-принципами. Данная мысль четко закреплена и в судебной практике. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сказано, что положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст. 3 ГК РФ), подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ.

Аналогичным образом высказался и Конституционный Суд РФ, который указал, что закрепленное в п. 2 ст. 782 ГК РФ право исполнителя об отказе от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков подлежит оценке с учетом взаимосвязи с иными нормами ГК РФ, а также положениями других нормативных актов [8]. Как видно из приведенного примера, судом обращается внимание не на закрепленную в норме категоричность установленного правила поведения, а на необходимость учета взаимосвязи нормы с другими нормативными предписаниями, содержащимися в ГК РФ.

Таким образом, стоит отметить, что нормы гражданского права являются основой механизма правового регулирования гражданских правоотношений. И необходимо согласиться с тем, что императивный или диспозитивный характер нормы безусловно влияет на правоприменительную деятельность. Однако для целей совершенствования механизма гражданско-правового регулирования необходимо обратить первостепенное внимание не на характер применяемой для упорядочения отношений нормы, а на её содержание, сферу применения, а также оценить пригодность для разрешения возникшей правовой ситуации в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства и принципами гражданского права.

---

1. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. – М.: Статут, 2012. – С. 96.

2. *Родионова О.М.* Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. – С. 99.
3. *Дидык Ю.Д.* Сущность злоупотреблений диспозитивными и императивными нормами гражданского права // Вестник арбитражной практики. – 2017. – № 3. – С. 63.
4. *Zakon.ru:* первая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/30/razgranichenie_imperativnyh_i_dispozitivnyh_norm_v_novoj_redakcii_gk_francii_v_kontekste_rossijskih_#comment_416666 (дата обращения: 16.03.2020).
5. *Кузнецова О.А.* Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – С. 39.
6. *Чеговадзе Л.А.* О формальной определённости действий субъектов гражданского права // Законы России: Опыт. Анализ. Практика. – М.: Изд. Дом «Буквоед», 2012. – № 11. – С. 82.
7. *Садиков О.Н.* О системе норм Гражданского кодекса // Журнал российского права. – М.: Норма, 1998. – № 1. – С. 13.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апр. 2009 г. № 485-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2020).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1917–1925 ГГ. В РОССИИ

Е.А. Дмитриева

THE ISSUE OF THE LEGAL REGULATION OF THE HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

E.A. Dmitrieva

В статье приведен анализ государственной политики в сфере высшего образования в 1917–1925 гг. Вопрос о неизбежности и необходимости реформ высшего образования являлся одним из самых актуальных для государства в любой период его существования в государственном секторе. Основная цель состоит в том, чтобы изучить правовые акты того периода, оценить их комплексность, последовательность и результативность.

Ключевые слова: *высшие учебные заведения, декрет, высшее образование, профессорско-преподавательский состав.*

The article deals with the analysis of the state policy in the field of the higher education in 1917-1925. The issue of the inevitable and necessity of the reforms of the higher education is one of the most relevant in the public sector. The main purpose is to study legal acts of that period, to assess their complexity, consistency and progression.

Keywords: *institution of higher education, decree, higher education, academic staff*

Оценка текущих преобразований высшей школы и их правового обеспечения может быть более объективной при сравнении сопоставимого правового опыта на разных этапах развития отечественного образования. В статье при помощи нарративного метода дана характеристика основных реформ высшего образования в период с 1917 по 1925 гг., показана их хронологическая последовательность, логическая и содержательная взаимосвязь. Применение формально-юридического метода потребовалось для толкования норм, регулирующих высшее образование и выяснения воли законодателя, выраженной в тексте закона.

Высшее образование как социальный институт после Февральской и Октябрьской революции 1917 г. подверглось существенным реформам. В Российской империи цель университетского образования определялась следующим образом: «посредством лекций и других академических упражнений продолжить общее и специально-научное образование надлежащим образом подготовленных юношей и сделать их способными к вступлению в различные отрасли высшей государственной и церковной службы» [1]. Под эту цель выстраивалась организация и содержание учебного процесса. В течение первого года после зачисления в университет можно было перейти на любой факультет. Диверсификация учебных программ рассматривается как прогрессивный и перспективный вариант образовательных траекторий студентов и в современных условиях. Аналогия

с современным периодом прослеживается и в формах обучения, так до 1917 г. применялась единственная форма – очная. В настоящее время государством также принимаются последовательные меры по ограничению заочной формы путем сокращения его бюджетного финансирования, прямого запрета реализации по некоторым направлениям и специальностям подготовки.

Объективно складывающиеся многие отечественные традиции высшего образования были прерваны после революции 1917 г., когда приоритетными для нового партийного и государственного руководства стали задачи политического завоевания высшей школы.

В дореволюционной России преобладала государственная система высших учебных заведений, так как выпускники государственных и негосударственных высших школ находились не в равном положении. В определенной степени дискриминировались и женщины, которые не могли реализоваться профессионально в полной мере. У государства было право решения технических вопросов организации обучения и определения содержания дисциплин. Это право было закреплено нормативно.

29 октября 1917 г. был издан такой документ по вопросам образования, как «Обращение народного комиссара по просвещению». В своем Обращении большевистское правительство говорило о том, что необходимо «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности..., а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов...» [2]. Государством была поставлена задача как можно более быстрого удовлетворения потребности в квалифицированных кадрах. В Обращении также отмечалось, что «идеал – это равное и возможно более высокое образование для всех граждан. До тех пор, пока этот идеал не осуществлен для всех – естественный переход по всем ступеням школы, вплоть до университета – переход на высшую ступень должен быть поставлен в зависимость исключительно от дарования ученика и вне всякой зависимости от степени зажиточности его семьи» [3].

Государство декларировало целый ряд ключевых целей и обозначало пути их реализации. Основная цель – обеспечить всеобщую преемственность обучения. Конечно, массовая безграмотность, в первую очередь – среди сельского населения, затрудняла достижение политических задач. Согласно декрету СНК от 5 июля 1918 г. все учебные заведения страны были переданы в ведение НКП (народного комиссариата просвещения). Кадровыми назначениями профессорско-преподавательского состава, разработкой и утверждением учебных программ занимался ГУС (государственный ученый совет), который был создан 20 января 1919 г. не только для педагогического, но и идеологического руководства.

В период с 1917 по 1920 гг. власть стремилась к демократизации высшей школы, что должно было способствовать сохранению и укреплению советского социалистического строя. Цели, поставленные в Обращении,

нашли реализацию в частности в Декрете «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. Стоит обратить внимание, что подписанию Декрета предшествовало совещание по реформе высшей школы, созывавшееся Наркомпросом 3 июля 1918 г. Основной целью было изменение состава студенчества «разрушить «буржуазную» и сформировать «пролетарскую» систему образования» [4]. На совещании были поставлены задачи обеспечения доступности и бесплатности образования, гендерного равенства, что можно считать формированием новой высшей школы.

2 августа 1918 г. был принят Декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения», где было четко прописано, что каждое лицо, независимо от гражданства и пола, старше шестнадцати лет, может бесплатно стать слушателем любого высшего учебного заведения без представления диплома.

Вне зависимости от наличия диплома все желающие могли поступить в любое высшее учебное заведение. В первую очередь зачислялись лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства. Но в итоге освоить программу высшей школы поступившие без экзаменов не смогли, поскольку подавляющее большинство студентов нуждалось в получении не высшего, а начального образования. Так как начальная и средняя школа находились на стадии формирования, зачисление без экзаменов привело к тому, что обучающиеся были неоднородны по образовательному уровню. Но, в силу политической обстановки, об исключении за неуспеваемость не могло быть и речи. Чтобы рабочие и крестьяне успешно занимались в высшей школе, создавались рабочие факультеты – как подготовительные курсы. Поставленная задача – изменить контингент студентов – оказалась не так уж и проста, как и задача сменить профессорско-преподавательский состав в высшей школе, не допустить к преподаванию представителей «буржуазной» науки, из-за отсутствия специалистов из «пролетарской» науки. Ухудшению ситуации с профессорско-преподавательским составом способствовал Декрет СНК «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской республики» от 1 октября 1918 г., который отменял научные степени доктора и магистра, определял порядок увольнения и приема на работу профессорско-преподавательского состава. Право на занятие профессорской кафедры предоставлялось всем лицам, известным своими учеными трудами. Из-за политизированного стремления изменить профессорско-преподавательский состав можно говорить об ухудшении его качества. Многие преподаватели эмигрировали, другие ушли из преподавательской деятельности.

Стремление дать всем желающим высшее образование в кратчайшие сроки также привело к изменению качественного состава студентов не в лучшую сторону. Этому способствовали социальные ограничения и привилегии при поступлении детям рабочих и крестьян.

Для решения вопроса об увеличении числа марксистских научно-педагогических кадров 11 февраля 1921 г. был подписан Декрет СНК «Об

учреждении институтов по подготовке красной профессуры». В срочном порядке приступили к организации указанных институтов, задачей которых являлось обеспечение подготовки кадров «красной профессуры» для преподавания в высших школах теоретической экономики, развития общественных норм, исторического материализма, новейшей истории и советского строительства. И уже 4 марта 1921 г. утвержден Декрет СНК «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Данный минимум охватывал перечисленные выше дисциплины.

Сложности с освоением программы поступившими без экзаменов студентами, отсутствие должного количества преподавателей привели к тому, что качество образования и преподавательский профессионализм отошли на второй план, зарождалась новая идеологическая парадигма. Ощутимым было недостаточное количество учебников и иных пособий. Методическое обеспечение было очень слабым, так как все издания должны были соответствовать требованиям марксистской методологии, а с 1920 г. ещё и сократились возможности для публикаций.

Вузы нуждались в дальнейшем упорядочении деятельности, поэтому был принят Декрет СНК «О высших учебных заведениях РСФСР» от 2 сентября 1921 г., который был направлен на демократизацию высшей школы в соответствии с задачами социалистической революции.

В Декрете четко прописаны цели, поставленные перед вузами:

- а) готовить кадры специалистов по различным отраслям;
- б) готовить научных сотрудников для обслуживания научных, научно-технических и производственных учреждений Республики, в частности, для самих высших учебных заведений;
- в) распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых в деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане.

11 декабря 1925 г. в постановлении СНК «О поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения» подведен итог ранее принятым мерам и отмечено, что «препятствия в подготовке специалистов коренятся в тяжелых условиях жизни и работы высших учебных заведений. Хотя в последнее время наметился определенный сдвиг к лучшему» [5]. Таким образом, правительство поставило задачу по улучшению качества образования.

Образование представляет собой целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах как человека, так и государства. После революции 1917 г. в высшей школе произошли существенные изменения. Большевики представляли образование инструментом выращивания «нового человека» с коммунистическими идеалами и готового отдать за них свою жизнь [6]. Новый политический строй «кардинально изменил вектор образовательной политики и законодательства. Идеал, к которому стремилось правительство большевиков – «более высокое образование для

всех граждан», в период с 1917 г. до подписания Декрета СНК «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» в 1921 г. не был осуществлен в полной мере из-за слабой общеобразовательной подготовки, недостатка преподавателей и необеспеченности учебной литературой. Это был первый этап переформатирования системы высшего образования и его содержания в соответствии с задачами социалистического строительства [7]. Осмысление противоречивого опыта позволяет осознать глубже роль образования и научно обосновать цели реформирования высшей школы.

-
1. *Захаров И.В., Ляхович Е.С.* Миссия университета в европейской культуре. – М., 1994. – С. 53.
  2. Обращение народного комиссара по просвещению : 29 октября 1917 г. – Москва//История советской дошкольной педагогики :хрестоматия: учебное пособие/[и др.] ; Ред. М.Ф. Шабаева ; Сост. Е.А. Гребенщикова, А.А. Лебедеко. – М.: Просвещение, 1980. – С. 46–48.
  3. Там же.
  4. *Бухарин Н.Н.* Азбука коммунизма. – М.: Госполитиздат, 1920. – С. 80.
  5. «Высшая школа». Основные постановления, приказы и инструкции. – М., 1957.
  6. *Яцук Т.Ф.* Правовое регулирование в сфере высшего образования в России // Правоприменение. – Т. 1. – № 4. – С. 24.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

М.А. Драчук

DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET

М.А. Drachuk

В статье рассматриваются тенденции цифровизации современного отечественного рынка труда. Причинами таких изменений называются цифровизация экономики в целом и организация жизненного пространства современного работника.

Ключевые слова: трудовое право, занятость, цифровизация рынка труда.

The article deals with the trends of digitalization of the modern domestic labor market. The reasons for such changes are called digitalization of the economy as a whole and the organization of the living space of a modern employee.

Keywords: labor law, employment, digitalization of the labor market.

Для целей взаимной адаптации субъектов трудовых отношений и отношений в сфере занятости населения государство при любом им сформированном типе рынка труда как минимум должно осуществлять следующие функции:

- создание системы образования, коррелирующей с системой рынка труда и занятости;
- формирование, регулирование и обеспечение функционирования системы, структуры и инфраструктуры рынка труда;
- информационное обеспечение субъектов рынка труда.

В числе структурных элементов рынка труда экономисты обычно называют:

- а) экономические программы, государственную идеологию организации занятости и прочие управленческие решения, оформляющие и фиксирующие систему рынка труда;
- б) субъектов рынка труда;
- в) рыночный механизм саморегулирования рынка труда и внешней организации занятости;
- г) механизм выявления, учета и регулирования безработицы;
- д) рыночную инфраструктуру – государственные и частные агентства занятости любого типа и наименования, ориентированные на посредничество в организации спроса и предложения рабочей силы, а также органы власти, отвечающие за социальное обеспечение безработных и адаптацию их к условиям рынка [1].

Каждый из перечисленных элементов имеет тенденцию к правовому регулированию и в настоящее время в определенной мере юридически оформлен, хотя специфика правового регулирования отношений, складывающихся на рынке труда, проявляется в высокой степени их диспозитивности.

В силу вмешательства государства в регулирование процессов, складывающихся на рынке труда, цифровизация экономики в целом обуславливает идентичные тенденции в нормативном закреплении прав и обязанностей участников трудовых отношений.

Так, одним из самых последних изменений, обсуждавшихся на большинстве кадровых форумов, стало введение «электронной трудовой книжки», так как с 01 января 2020 г. работодатель в силу ч. 1 ст. 66.1 Трудового кодекса РФ (Собрание законодательства РФ. – 2002. № 1 (ч. 1). – Ст. 3) формирует в электронном виде основную информацию о трудовой деятельности и трудовом стаже каждого работника и представляет её в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования, для хранения в информационных ресурсах Пенсионного фонда Российской Федерации.

Такого рода изменения в целом следует характеризовать положительно, поскольку обязанность сохранения данных о работе переведена на государственный уровень, как это сделано во многих странах мира. Кроме того, государство, прежде всего как работодатель, сможет отслеживать случаи неправильного ведения записей о работе, необоснованного оформления работников в государственные учреждения и прочие организации на два и более основных места работы, контролировать динамику трудового стажа для предоставления разного рода государственных льгот и наград, исследовать тенденции перехода работников из государственного сектора занятости в частный и наоборот и решать многие другие стратегические и частные задачи.

Масштабные изменения в связи с цифровизацией рынка труда претерпел Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. – 1996. № 17. – Ст. 1915). В редакции закона с 01 января 2020 г. содержатся упоминания о Регистрах получателей государственных услуг в сфере занятости населения – физических лиц и работодателей, об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий «Работа в России», государственном информационном ресурсе «Справочник профессий», включенном в федеральную государственную информационную систему «Единая система нормативной справочной информации», федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр инвалидов».

В соответствии с нормами законодательства о занятости Правительством РФ принято Постановление от 18.05.2017 № 590 «О формировании, ведении и об актуализации государственного информационного ресурса «Справочник профессий» (Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 22. – Ст. 3148), где для каждой профессии (специальности, должности) в том числе указывается наименование профессионального стандарта (при наличии) и наименование федерального государственного образовательного стандарта профессионального

образования по профессиям, специальностям и направлениям подготовки. Таким образом в настоящее время организована взаимосвязь принятых профессиональных и образовательных стандартов как основополагающих макрорегуляторов на рынке труда с потребителями государственных услуг в сфере занятости населения.

Формирование правового статуса работника или работодателя напрямую связано с той макроэкономической отраслью, в которой он будет осуществлять свою деятельность. Поэтому для целей формирования профессионального стандарта обязательно должны использоваться Общероссийский классификатор занятий; Общероссийский классификатор видов экономической деятельности; Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих; Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих; Общероссийский классификатор специальностей по образованию; Общероссийский классификатор начального профессионального образования; Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации.

В соответствии с требованиями Макета профессионального стандарта при его разработке предполагается, что трудовые функции – это уже не привычные нам полные своды функциональных обязанностей для типовых работников по типовым штатам (как это было сделано для плановой экономики СССР), а их группы более дробного содержания. Например, для профстандарта «Специалист по управлению персоналом», утвержденного Приказом Минтруда России от 06.10.2015 № 691н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом» (официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 21.10.2015) трудовые функции – это, например, «ведение организационной и распорядительной документации по персоналу», «ведение документации по учету и движению кадров», «администрирование процессов и документооборота по учету и движению кадров, представлению документов по персоналу в государственные органы» и т.д., классифицированные, в свою очередь в обобщенные трудовые функции типа «документационное обеспечение работы с персоналом».

Иными словами, функция (переменная) в её истинно математическом и экономическом значении теперь связана с частью экономического вида деятельности работодателя (ВЭД из общероссийского классификатора, или ОКВЭД) и в принципе может быть заменена цифровым кодом, производным от кода ОКВЭД (что, кстати, напрямую связано с тенденцией цифровизации сведений о трудовой деятельности работника). А вот наименование профессии и/или должности пока сохранено в более-менее привычном виде – это, к примеру, специалист по документационному обеспечению работы с персоналом, специалист по документационному обеспечению персонала, специалист по персоналу, специалист по кадровому делопроизводству и т. д.

Обычно используемые в настоящее время в кадровой практике должностные инструкции профстандарты заменяют понятием «трудовые действия», усиливая, тем самым, начала самостоятельности, творческой активности и персональной ответственности работника, а закреплённые в профстандартах «необходимые умения» и «необходимые знания» с очевидностью указывают на связь этого регулятора с образовательными стандартами и их обязательным содержанием, предопределяющим необходимость образовательной организации дать работнику полное представление о том, что именно он должен делать и как именно этот вопрос регулируется соответствующим профессиональным стандартом.

Поскольку в настоящее время все ещё имеют место многочисленные случаи несоответствия образовательных программ уже принятым и действующим профессиональным стандартам, государство в рамках заданного им вектора цифровизации рынка труда активно начинает заниматься типизацией образовательных программ, подводя их содержание под потребности рынка труда и требования соответствующих профессиональных стандартов. Итог реализации этого направления государственной политики в сфере занятости вероятен именно как новый цифровой ресурс, в структуре которого будет иметь место как, собственно, реестр типовых образовательных программ с указанием их привязки с профстандартам и реестру профессий, так и содержательный элемент каждой типовой образовательной программы с выходом на электронные библиотечные порталы и электронную образовательную среду образовательных организаций.

Иными словами, тенденции цифровизации на рынке труда будут усиливаться, а ресурсы цифровой экономики – связываться между собой в единую систему, назначение которой – достижение баланса интересов работников, работодателей, иных потенциальных участников рынка труда и государства.

---

1. *Рофе А.И.* Экономика труда: учебник / А.И. Рофе. – М.: КНОРУС, 2010. – С. 107–109, 138–150.

ЗАЩИТА ИНФОРМАТОРОВ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ В ЕС – НОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ВЫЗОВЫ

Marta Zbucka – Gargas

EU DIRECTIVE ON THE PROTECTION OF WHISTLE-BLOWERS – RESPONSIBILITIES, CHALLENGES

Marta Zbucka – Gargas

В статье автор обсуждает Директиву ЕС Европейского парламента и Совета о защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Европейского союза - осведомителей. После принятия директивы государствами-членами ЕС, не только информаторы будут наделены конкретными полномочиями, но и на компании, трейдеры государств-членов ЕС будут возложены обязательства по организации системы уведомления. Документ устанавливает директивные указания для государств-членов ЕС, но предоставляет им свободу для решения конкретных вопросов. С момента вступления Директивы в силу у стран будет два года, в течение которых они должны применять и соблюдать новые общие минимальные стандарты ЕС, обеспечивающие эффективную защиту осведомителей, изложенные в Директиве.

Ключевые слова: информаторы, право ЕС, защита прав работников.

In the article, the author discusses Directive EU of the European Parliament and of the Council on the protection of persons who report breaches of Union law – whistleblowers. The Directive, which will be transposed into the legal system of the Member States, not only gives specific powers to whistleblowers, but also imposes obligations on companies, Member States traders to organize the notification system. It sets minimum guidelines for Member States, but leaves them free to shape specific issues. EU Member States will have two years from the date of publication in which to apply and comply with new EU-wide common minimum standards ensuring effective whistleblower protection set out in the Directive.

Keywords: Whistleblowers, UE law, protection of employees` rights

The Council of the European Union has approved [1] a Directive on whistleblowers reporting infringements of EU law. The new EU rules are intended to ensure that whistleblowers report breaches safely and harmonise regulation in EU countries. They respond to numerous signals and ongoing research in this area that show that abuse of rights can take place in any organization, whether private or public, large or small. They can take various forms: corruption, fraud, fraud or business neglect and, if not resolved, can cause serious damage to the public interest. Data show that 81 % of European respondents indicated that they had not reported cases of corruption they had experienced or witnessed because of fear of legal and financial [2] consequences. A study conducted by the Commission in 2017 concluded that the lack of whistleblower protection exposes the European Union in the public procurement area alone to losses of EUR 5.8-9.6 billion per year [3]. As indicated in the proposal for a Directive, the proper protection of whistle-blowers aims to improve the functioning of the single market, by

promoting a competitive environment, product safety, fighting corruption, enforcing rights and promoting the rights of workers. This is why reporting [4] protection is so important. The lack of effective protection of whistleblowers also negatively affects the protection of workers, especially those employed under contracts that do not guarantee the stability of employment.

Whistleblowers mostly work for a public or private organisation, and because of their activities they are first to know about threats or harm directed against public interest. Although there is a conviction that whistleblower can work only inside company, and only they could enjoy protection. Whistleblower should not be regarded only as employee. The Directive defines a whistleblower as a person who, in view of the welfare of his place of work, has notified the organisation of irregularities committed by or on behalf of the collective body of the collective body. Recommendation CM/Rec(2014) 7 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe [5] defines the whistleblower as a person who reports or discloses information about the threat or damage against the public interest in the context of employment relationships, both in the public and private sectors. The whistleblower may be an employee, former employee, job candidate, self-employed, shareholder, shareholder of the company, person and employed by contractors, subcontractors. They are protected by law to prevent unfair treatment because of "blowing the whistle" – "blow the whistle". It can be observed that whistleblowers may play crucial role in detection, prevention and investigation of any breaches. Thus improving effectiveness of law enforcement systems and reinforcing transparency which goes hand in hand with increasing responsibility will contribute to proper protection of whistleblower's rights. Regulations guarantee freedom of speech in certain situations. Whistleblowers are protected from retaliation for disclosure if the applicant considers that he is a witness or has evidence of a violation of the law, principles or gross mismanagement, waste of funds, abuse of power, or significant endangering public health or safety or economic crimes. Economic crime refer to illegal acts committed by an individual or a group of individuals to obtain a financial or professional advantage. In such crimes, the offender's principal motive is economic gain" [6]. Subject to survey across 6,400 organizations more than one in three suffered and reported being victimized by economic crime in past 24 months across 115 countries. Moreover nearly 60 % of respondents were from multinational companies [7]. Moreover close to half the organizations (44 %) surveyed believe that local law enforcement is not adequately resourced to investigate economic crime, leaving the responsibility for fighting economic crime on organizations.

Polish regulations do not provide for the protection of the person reporting irregularities in the workplace. A draft law on public [8] disclosure was prepared, which provides for the protection of persons reporting abuse: guarantee of employment, reinstatement or compensation- but the draft did not enter into force. According to the draft law on the disclosure of public life, about 20,000 polish companies will be obliged to develop and implement procedures to inform the competent authorities of the entrepreneur concerned about corruption proposals. If

companies do not comply with this obligation or the solutions implemented by them will be ineffective, and a person acting on behalf of or on behalf of the entrepreneur will be charged with a corruption offence, in the end he may be subject to a fine up to PLN 10 million. The project also introduces institution of the so-called prosecutor's whistleblower, who will be able to report without the internal channel and which will therefore be protected by law enforcement authorities.

Otherwise, this issue is included in the draft new Law on collective liability [9], which provides for the protection of the whistleblower already at the stage of intra-company applications. According to its provisions, the entrepreneur will have to proceed on any signal regarding the actions specified by law and remove any irregularities found. Project at the beginning of January 2020 went to the Parliament. In accordance with the requirements of this regulation, the trader will have to proceed on any signal regarding the actions specified by law and to rectify any irregularities found. If he does not do so, he faces a penalty of up to 60 million zlotys. In connection with the reported information, the driver's entitlements will be violated, he will be able to claim reinstatement or compensation. If, in connection with the information reported, the driver's entitlements are violated, he will be able to claim a cash benefit of up to PLN 1 million in court, in addition to compensation or reinstatement.

Presently, only 10 EU states (France, Hungary, Ireland, Italy, Lithuania, Malta, Netherlands, Slovakia, Sweden and UK) deliver comprehensive legal protection. In the remaining countries, protection is partial or applies to specific branches or categories of employee. The aim of the newly adopted Directive on whistleblowers in breach of UNION law is to harmonize the rules in the EU and to create a specific standard of protection for them. The proposal for directives states that it is a measure proportionate to the objective of improving the enforcement of Union law and establishing minimum standards for the protection of whistleblowers, where:

- there is a need to improve enforcement,
- the low level of reporting of irregularities is an important factor in the enforcement process,
- infringement of the rules can seriously harm the public interest.

The legislation lays down common minimum standards for the protection of whistleblowers or examples of abuse in the following areas:

- public procurement;
- financial services, the prevention of money laundering and terrorist financing;
- product safety;
- transport safety;
- environmental protection;
- nuclear safety;
- food and feed safety, animal health and welfare;
- public health;

- consumer protection;
- protecting privacy and personal data and security of networks and information systems.

European Commission's press release states: "Member States are free to extend these rules to other areas. The Commission encourages them to establish comprehensive frameworks for whistleblower protection based on the same principles."

The Directive defines a wide range of categories of persons who can make a notification because they have access to information about infringements and who may be at risk of retaliation. The employment base or the fact that the wage is kept is not relevant. The regulation also does not contain restrictions on the scope of potential notifications. The Directive provides for three ways of reporting irregularities:

1. procedure within the enterprise,
2. external procedure - directly to the authorities of the State,
3. public procedure consisting in the public disclosure of irregularities.

The Directive requires the establishment of at least 50 persons in any institution, which employs at least 50 persons, a procedure for reporting irregularities or abuses in the workplace. The obligation to establish internal reporting channels should be proportionate to the size of the entity concerned and, in the case of private entities, should take into account the level of risk to which the actions taken are exposed by the public interest (Article 4). Micro and small enterprises are exempted from this obligation, with the exception of those active in the field of financial services. When establishing internal reporting procedures, they should be communicated to employees, understandably and accessed, as well as to external reporting procedures. Minimum standards have also been established to comply with internal whistleblowing channels (Article 5), follow-up procedures and the need to maintain the confidentiality of the identity of the whistleblower. A person or organizational unit should be designated to take action upon receipt of notifications and these actions shall be carried out with due diligence. For the purpose of making internal notifications, the Directive provides for an obligation to confirm receipt of the notification within 7 days and to provide feedback within three months of receipt of the notification.

States, in turn, have been required to establish external channels for reporting irregularities, procedures for their reception and follow-up. These channels should be independent, autonomous, ensure the confidentiality of the information provided and provide the notifiable and returnable within a reasonable time. That channels need to be designed, set up and functioned in a way that ensures the completeness, integrity and confidentiality of the information and prevents access to non-authorized staff members of the competent authority.

As regards the public procedure, it is reserved for notifications made in internal and external channels for which there was no response, possibly when the whistleblower fears repressive action by public authorities.

A requirement has been established for whistleblowers that they should act in good faith, to have grounds for believing that the news is true at the time of its transmission. At the same time, they have the right to protection in the event of inaccurate information as a result of an unintended error. In addition, whistleblowers should first use internal reporting channels, and if they do not function or can not be expected to function with the right amount, they should use external channels and, as a last resort, disclose them to the media. This is to reach out to people who can take appropriate action and counter act unjustified damage to the reputation of the institutions or persons concerned. In *Guja v. Moldova* case court stated that 'an act motivated by personal regret or personal antagonism or expectation in personal favour, including financial gain, would not justify a particularly strong level of protection' [10].

Member States should implement actions that will not allow retaliation against whistleblowers, including dismissal, degradation, discrimination, training, salary reduction or forced unpaid leave. Applicants may, in accordance with national law, obtain certificates of protection. On the other hand, the public should have easy and free access to advice on procedures and remedies to protect against revenge. Penalties should also be laid down in national law , effective, proportionate and dissuasive against impediments or attempting to impede reporting, retaliatory acts against reporting or initiating cumbersome proceedings against them and which commit infringements of the obligation to keep their identity secret (Article 17). Similarly, Member States shall lay down penalties applicable to persons making reports or disclosures in bad faith and reports or disclosures constituting abuse, including compensation measures for persons who have suffered damage as a result of such reports or disclosures. The Convention against Corruption referred to above states: Safeguards shall cover, to the extent necessary and executable, by moving them and allowing, where appropriate, not to disclose or restrict the disclosure of information relating to the identity and whereabouts of such persons and to hear the evidence of witnesses and experts to give evidence in such a way as to ensure the safety of such persons. Member States have 2 years to implement regulations in national law. By that date at the latest, the laws, regulations and administrative provisions necessary to comply with the Directive should be implemented. Following these measures, states should provide the Commission with relevant information on the implementation and application of the Directive. On this basis, the Commission shall submit a report to the European Parliament and the Council on the implementation and application of this Directive in 2023.

The entry into force of the Directive shall not mean a reduction in the protection or conditions which have hitherto existed in the fields covered by this Directive. This means agreeing to the existence of national regulations that will vary from country to country. In the future, this will become a problem when EU proposals on class actions come into force, and in view of the ideas of bringing actions into force in support of consumer protection.

In conclusion, this is the time to take action to create new or upgrading existing policies at different levels. The treatment of whistleblowers in national law and organizations demonstrates the concept of the common good. Those who warn against civil rights violations reveal corruption or threats to human health and life- stocks deserve special protection. Let us emphasize that it is very important to act in good faith - the belief that the information is true. They must not be subject to legal or moral protection to violate the good name of others. Therefore, the Directive is a very important step, especially since the Polish legislation does not at this point ensure that whistleblowers are protected from unjustified dismissal. The right solution is to be able to obtain free legal aid, to ensure the confidentiality of the data of both parties – the applicant and the person or institution concerned for the declaration in order to protect the reputation. Future regulations should also counter act against situations where a whistleblower goes to the so-called blacklist, which makes it difficult for him to find a job afterwards. The protection of whistleblowers who threaten the public interest(e.g. the protection of persons reporting information) remains to be considered. environmental offences, harassment, discrimination).

Ethics codes, compliance systems create procedures for reporting violations of laws or internal regulations in the workplace and have been implemented by many companies and institutions. However, they are voluntary and, as noted, there is a lack of rules in national law. Codes in many cases do not become part of the organizational culture, then having a façade character. In addition to creating values and rules of conduct, the company's DNA should be effective and applied in everyday practice. Therefore, a law with legal force will not only support the protection of whistle-blowers, but will also increase the level of awareness and strengthen the organizational culture in the field of tackling irregularities. It is crucial to underline that protection of public interests and whistleblowers should be involved into routine risk assessments, communicate the plan up, down and across organizational lines. It must be treated and planned for in the same way as any other probable business threat (for example like: acts of terrorism or a natural disaster): with a response strategy, roles and duties, scenario planning and monitoring. It's vital to have a plan and to align protection of whistleblowers with business compliance.

---

1. Dyrektywa Parlamentu Europejskiego i Rady w sprawie ochrony osób zgłaszających przypadki naruszenia prawa Unii, 2018/0106 (COD) z dnia 7 listopada 2019 r.

2. <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/SPECIAL/surveyKu/2176>; http://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=54254 (data обращения: 21.03.2020).

3. Milieu (2017), Estimating the economic benefits of whistleblower protection in public procurement [Szacunki dotyczące korzyści gospodarczych związanych z ochroną sygnalistów w sektorze zamówień publicznych], <https://publications.europa.eu/pl/publication-detail/-/publication/8d5955bd-9378-11e7-b92d-01aa75ed71a1> (data обращения: 21.03.2020).

4. Wniosek Dyrektywa Parlamentu Europejskiego i Rady w sprawie ochrony osób zgłaszających przypadki naruszenia prawa Unii, 2018/0106 (COD).

5. Recommendation CM/Rec(2014)7 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 30 April 2014 and explanatory memorandum
6. <https://definitions.uslegal.com/e/economic-crime/> (дата обращения: 21.03.2020)
7. Adjusting the Lens on Economic Crime, <https://www.pwc.com/gx/en/economic-crime-survey/pdf/GlobalEconomicCrimeSurvey2016.pdf>, (access 10.03.2020 r)
8. Projekty ustawy dostępny: <https://bip.kprm.gov.pl/kpr/form/r83905103,Projekt-ustawy-o-jawnosci-zycia-publicznego.html>, (dostęp dnia 20.02.2020 r.)
9. <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20021971661/U/D20021661Lj.pdf> (dostęp dnia: 20.02.2020).
10. Guja v. Moldova [GC], no. 14277/04, ECHR 200.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Р.Л. Иванов

THE EVOLUTION OF THE SOURCES OF RUSSIAN LAW IN THE POST-SOVIET PERIOD

R.L. Ivanov

Обосновываются четыре этапа в развитии формальных источников российского права, каждый из которых связан с появлением их нового вида и (или) с изменениями уже существующих форм права. Делается вывод о том, что современная российская правовая система включает нормативные правовые акты и договоры, нормативные решения суда и юридические обычаи.

Ключевые слова: *источники российского права, нормативный правовой акт, нормативное решение суда, нормативный правовой договор, юридический обычай.*

Four stages in the development of formal sources of Russian law are substantiated, each of which is associated with the appearance of their new type and (or) with changes in existing forms of law. It is concluded that the modern Russian legal system includes regulatory legal acts and contracts, regulatory court decisions and legal customs.

Keywords: *sources of Russian law, regulatory legal act, regulatory court decision, regulatory legal contract, legal custom.*

Если сравнивать современную (постсоветскую) систему формальных источников российского права с их системой, сложившейся в советский период, то можно обнаружить их существенные отличия. На закате Советского государства источники отечественного права характеризовались следующими чертами.

1. Поскольку российское право являлось частью советского права, то РСФСР не могла самостоятельно определять его источники и регулировать вопросы, входившие в общесоюзную компетенцию.

2. Центральное место в системе источников российского права занимала подсистема нормативных правовых актов. Одной из её особенностей являлось то, что актов высшей юридической силы – законов, которые в развитых государствах выступают основой правового регулирования, в ней было крайне мало. Причем нередко они были недостаточно конкретными, «рамочными» и не распространялись на многие важнейшие общественные отношения, нуждавшиеся в законодательном регулировании. Поэтому для их реализации требовалось принятие подзаконных нормативных правовых актов, которые не только уточняли их содержание, но и восполняли пробельность законодательного регулирования. В результате во многих случаях исходными, первичными средствами общего правового регулирования становились не законы, а подзаконные акты, часть из которых вообще не имела под собой законного основания. К тому же эти

акты порою противоречили законам. Однако отсутствие судебной процедуры их нуллификации позволяло заинтересованным субъектам беспрепятственно их использовать и применять, опираясь на конъюнктурные представления о целесообразности своей деятельности.

Ещё одной особенностью нормативных правовых актов этого периода стало наличие в их подсистеме смешанных, «государственно-общественных» документов в виде совместных постановлений высшего партийного органа (например, Бюро ЦК КПСС по РСФСР) и высшего исполнительного органа государственной власти РСФСР – её Совета Министров. Этой группе подзаконных актов в теории и на практике придавалось особое значение, так как они считались освященными авторитетом правящей партии. Но большинство правоотношений, отнесенных к компетенции РСФСР, регулировалось нормативными правовыми актами российских министерств и ведомств.

Среди подзаконных нормативных правовых актов рассматриваемого периода выделялась группа документов с формально неопределенным юридическим статусом. Нормативными правовыми актами их официально не называли, а советской правовой доктриной в данном качестве они не рассматривались. К ним относятся постановления Пленума Верховного Суда РСФСР, содержащие руководящие разъяснения по вопросам правоприменения [1], и нормативные акты, принятые уполномоченными органами российских предприятий и иных организаций, которые именовались локальными актами и в числе нормативных юридических актов обычно не упоминались [2].

Другой специфической группой нормативных правовых актов этого периода являлись секретные акты, которые регламентировали права и обязанности граждан, но были им неизвестны и недоступны для ознакомления: обязательность официального опубликования любых нормативных правовых актов, затрагивающих указанные права и обязанности, отсутствовала, равно как и обязательность официального опубликования множества иных видов нормативных правовых актов этого вида, не относящихся к категории секретных.

3. Нормативные правовые договоры в системе источников российского права занимали ограниченный объем. Сфера их регулирования исчерпывалась трудовыми правоотношениями (коллективные трудовые договоры и соглашения), а в публичном праве, несмотря на федеративный характер РСФСР, они не использовались.

4. Юридический обычай в советской России официально признавался, но считался неактуальным источником права. Поэтому ссылки на него в процессе правоприменения встречались крайне редко, что приводило некоторых исследователей к радикальному выводу о закате обычного права вообще и об его исчезновении в СССР – в частности [3]. Вместе с тем юридические обычаи были широко распространены не только в частноправовой, но и в публично-правовой сфере, что парадоксальным

образом нашло отражение в отвергнувшей их советской правовой доктрине: факт их существования и видового многообразия был зафиксирован в ней понятиями «типичная юридическая практика», «сложившаяся юридическая практика», «обыкновения юридической практики», «правоположения юридической практики» и т. д.

5. Советская юриспруденция отрицательно относилась не только к спонтанному правообразованию, результатом которого выступают юридические обычаи, но и к судебному правотворчеству. Поэтому нормативные решения суда (судебные прецеденты и судебные решения unprecedentedного характера), а также упоминавшиеся постановления Пленума Верховного Суда РСФСР, которые тоже являются результатами судебного правотворчества (нормативными правовыми актами суда), источниками отечественного права не признавались. И если постановления высшей судебной инстанции РСФСР юридически и фактически обладали всеми свойствами нормативных правовых актов и независимо от признания этого обстоятельства оппонентами входили в их подсистему, то другой вид актов судебного правотворчества – нормативные решения суда – в российской правовой системе советского периода действительно отсутствовал.

Перемены, вызванные распадом СССР и реализацией в нашей стране отечественной модели разделения властей, привели к значительным изменениям в формах её права. Определение этапов данной эволюции можно осуществить на основе такого критерия, как включение в систему источников российского права нового элемента (подсистемы) и (или) существенное изменение в составе других её подсистем. Руководствуясь им, можно выделить четыре этапа её постсоветского развития.

Первый этап (1991–1992 гг.) начался с учреждения в системе высших органов государственной власти России Конституционного Суда РСФСР и создания арбитражных судов, следствием чего стало, с одной стороны, появление среди источников российского права подсистемы актов судебного правотворчества в форме нормативных судебных решений unprecedentedного характера, а с другой – создание в подсистеме нормативных правовых актов нового их вида – актов в форме судебного регламента [4]. Позднее полномочия по принятию нормативных решений unprecedentedного характера и нормативных правовых актов в форме судебного регламента были распространены и на суды общей юрисдикции. Несмотря на то, что многие из участников дискуссии о конституционности и правовой природе судебного правотворчества и его результатов продолжали настаивать на невозможности и неправомерности этого вида судебной деятельности, в законодательстве и на практике этот вопрос был окончательно решен в пользу видового разнообразия судебного правотворчества. И хотя нормативные правовые акты высших судов России в виде постановлений их пленумов в силу тесной связи с судебной практикой оставляли у противников судебного правотворчества абстрактную возможность для

отрицания их принадлежности к нормативным правовым актам, судебные регламенты, которые эту практику не обобщали, такой возможности уже не давали [5].

Как известно, нормативные решения суда unprecedentedного характера специфичны для континентальной правовой семьи со свойственной ей специализированной системой конституционного контроля. В российской правовой системе они содержат, как правило, интерпретационные юридические нормы, отражающие правовые позиции Конституционного Суда РФ и органов конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации, сформулированные ими в процессе толкования основных законов и иных формальных источников права, а также аналогичные правовые позиции уполномоченных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, принятые ими в процессе нормоконтроля. Эти судебные решения существенно отличаются от судебных прецедентов и представляют самостоятельный вид нормативных решений суда. Большинство из них не связаны с наличием пробелов в действующем нормативном массиве, а дают правовую оценку уже существующих юридических норм и их общеобязательное толкование. Они принимаются в случаях, прямо предусмотренных законом, и изначально рассчитаны на создание неперсонифицированных юридических правил, а не индивидуальных предписаний, хотя и являются результатом обращения в суд субъектов, столкнувшихся с проблемами в конкретных делах. Поэтому, в отличие от судебных прецедентов, функции правоприменительного акта они не выполняют.

Ещё одной особенностью данного этапа стала интеграция общесоюзных нормативных правовых актов в подсистему нормативных правовых актов Российской Федерации в связи с правопреемством между ней и СССР. Интегрированные акты стали применяться в части, не противоречащей российскому законодательству.

Негативным фактом этого периода стало появление в указанной подсистеме нормативных указов Президента РФ по вопросам экономической реформы, которые в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 01.11.1991 № 1831-1 могли обладать приоритетом перед российскими законами, несмотря на их противоречие последним [6].

Второй этап эволюции системы источников российского права (1992–1993) связан с усилением кризиса российского федерализма, изменением статуса и расширением полномочий субъектов Российской Федерации, что вызвало потребность в распространении договорного нормативного правового регулирования на публично-правовую сферу, на охват им отношений между государством и его составными частями. Начало этому этапу положило заключение 31.03.1992 Федеративного договора, включавшего в себя Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе

Российской Федерации; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации. Таким образом, нормативный правовой договор стал источником не только частного, но публичного права нашей страны.

В этот же период (с 15.05.1992) для обеспечения законности нормативных актов министерств и ведомств Российской Федерации, затрагивающих права и законные интересы граждан или носящих межведомственный характер, была введена их государственная регистрация как обязательное условие для их вступления в силу [7].

В конце данного периода в результате государственного переворота в сентябре–октябре 1993 г. было приостановлено действие ряда норм Конституции РФ 1978 г. и российских законов, а подсистема нормативных правовых актов была дополнена антиконституционными нормативными указами Президента РФ и основанными на них иными нормативными правовыми актами. Завершился рассматриваемый этап принятием 12 декабря 1993 г. новой российской Конституции.

Начало третьего этапа (1993–2008) вызвано вступлением в силу этого Основного закона, наметившего пути дальнейшего развития системы источников российского права. На нём продолжилось изменение подсистемы нормативных правовых актов. Пожалуй, впервые в истории отечественного государства закон как акт высшего представительного органа государственной власти или всенародного референдума занял определяющее место. И не только потому, что многократно возросло количество законов. В этот период основы правового регулирования прав и обязанностей граждан и иных субъектов правоотношений стали определяться именно законом, а не подзаконными актами, как было принято ранее. Появились новые виды законов (конституционные законы, законы о внесении поправок в конституцию, уставы и законы краев, областей, автономных округов, автономной области, городов федерального значения), а большинство основных отраслей российского законодательства были кодифицированы.

Продолжилось распространение договорного нормативного правового регулирования в публично-правовой сфере. Были заключены договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов, а также и между некоторыми субъектами Российской Федерации. Позднее, по мере укрепления российского государственности и преодоления сепаратистских тенденций в федеративных отношениях, нормативные правовые договоры первого вида прекратили свое действие.

Более широкое официальное признание получили правовые обычаи, которые перестали считаться исчезающими, исключительными средствами правового регулирования, а для некоторых из их видов был даже установлен официальный порядок свидетельствования их содержания [8]. Более того, официально был признан факт существования правовых обычаев в российском публичном праве [9].

Четвертый этап развития системы источников российского права начался в феврале 2008 г., когда постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.02.2008 № 14 в нашей стране была официально признана вторая разновидность нормативных решений суда – судебные прецеденты [10]. В соответствии с п. 5.1 данного постановления судебный акт, оспариваемый заявителем в порядке надзора и основанный на положениях законодательства, практика применения которых после его принятия определена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, принятом по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам. Иными словами, решение суда по конкретному делу признано обязательным образцом при рассмотрении другими судами аналогичных дел, т.е. судебным прецедентом. И хотя термин «прецедент» употреблен не был, суть дела от этого не меняется. Конституционность этой новеллы подтверждена Конституционным Судом РФ [11], а позднее, в соответствии с его указанием, в АПК РФ были внесены изменения, узаконившие судебный прецедент как источник российского права.

На данном этапе произошло окончательное официальное переосмысление роли актов межгосударственных органов для российской правовой системы. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подтверждал безусловное верховенство Основного закона нашей страны, основ её публичного правопорядка при конкуренции с ними указанных актов. Без этого национальный суверенитет немислим и невозможен. Закономерно, что высшее юридическое воплощение данная позиция нашла в п. 12 и подп. «г» п. 40 ст. 1 Закона РФ о поправке в Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [10], который вынесен на всенародное голосование.

Таким образом, на сегодняшний день система формальных источников российского права включает все их виды, известные современному правоведению. Каждый из них официально признан нашим государством и закреплён им в актах высшей юридической силы – в российских законах.

---

1. Основы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 271–272.

2. См., напр.: Теория государства и права: учебник / под ред. А.М. Васильева. – М.: Юрид. лит., 1983. – С. 273–278; Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Изд-во Московск. гос. ун-та, 1987. – С. 329–330.

3. *Зивс С.Л.* Источники права. – М.: Наука, 1981. – С. 154.
4. См.: ст. 11 Закона РСФСР от 12.07.1991 № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 30; Ст. 1017 и абзац 8 ст. 30 Закона РСФСР от 04.07.1991 № 1543-1 «Об арбитражном суде» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 30. – Ст. 1013.
5. Принятие высшими судебными инстанциями нормативных правовых актов в форме регламента продолжается и сегодня. См., напр.: «Регламент проведения судебного примирения», утвержденный постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.11.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». – URL: <http://www.supcourt.ru/files/28376/> (дата обращения: 26.03.2020).
6. Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 01.11.1991 № 1831-1 «О правовом обеспечении экономической реформы» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1456.
7. Постановление Правительства РФ от 08.05.1992 № 305 «О государственной регистрации ведомственных нормативных актов» // Российские вести. – 1992. – № 11.
8. См.: п. «н» ч. 3 ст. 15 Закона РФ от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1309.
9. Например, Конституционный Суд РФ констатировал наличие конституционно-правового обычая «против закона», сформировавшегося в Государственной Думе Федерального Собрания РФ в процессе принятия ею законов. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 30. – Ст. 3989.
10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.02.2008 № 14 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.03.2007 № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 3.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Каболит», «Завод «Микропривод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 6. – Ст. 699.
12. Закон РФ о поправке в Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 26.03.2020)

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Н.И. Ковальчук

UNAUTHORIZED CONSTRUCTION IS GROUND FOR LAND PLOT TERMINATION OF LAND RIGHTS

N.I. Kovalchuk

Раскрывается новое основание изъятия земельного участка у собственника, не выполнившего предусмотренные законом обязанности по сносу самовольной постройки или приведению её в соответствие с установленными требованиями. Дается сравнение с принудительным прекращением других вещных и обязательственных прав на земельный участок при создании и возведении на нем самовольной постройки.

Ключевые слова: самовольная постройка, изъятие земельного участка, прекращение прав на земельный участок.

The article deals with a new ground for the seizure of land from the owner who has not fulfilled the provided by law obligations to demolish unauthorized construction or bring it into compliance with the established requirements. There is a comparison with the forced termination of other property and the binding rights for the land plot when the unauthorized construction is created and built there.

Keywords: unauthorized construction, land seizure, termination of land rights.

Новое основание изъятия земельных участков у собственников и прекращения прав у землевладельцев, землепользователей, арендаторов было установлено Федеральными законами № 340 и № 339 от 3 августа 2018 г., внесшими изменения в гражданский и земельный кодексы. Этим основанием является использование земельного участка с нарушением требований законодательства РФ, выражающееся в возведении на земельном участке здания, сооружения или другого строения, признанного самовольной постройкой.

Значит, принятие решения об изъятии земельного участка по названному основанию возможно только как следствие официального признания здания на нем самовольной постройкой, подлежащей сносу или приведению её в соответствие с требованиями законодательства. При этом юридический факт для возникновения правоотношения по прекращению прав на земельный участок связывается с гражданским правонарушением в виде самовольной постройки.

Понятие самовольной постройки сейчас дано в п. 1 ст. 222 ГК. Признаками её являются как характеристики постройки (возведена без надлежащего разрешения или не соответствует градостроительным, строительным нормам), так и земельного участка (не предоставлен в установленном порядке или его разрешенное использование не допускает строительства на нем данного объекта).

Как верно отмечает В.А. Бетхер [1], правовое регулирование

последствий самовольного создания объектов недвижимости осуществляется нормами гражданского и жилищного законодательства. Но нормы, регулирующие общественные отношения по строительству на земельных участках, находятся также в градостроительном, земельном, административном законодательстве, часто не согласованном между собой.

Сейчас мы видим, как нормы этих отраслей по-разному регулируют новое основание для прекращения прав на земельный участок. В соответствии со ст. 285 ГК этим основанием является возведение или создание самовольной постройки и лицами, указанными в п. 2 ст. 222 ГК, не выполнены предусмотренные законом обязанности по её сносу или приведению в соответствие с установленными требованиями. Союз «и» позволяет считать, что юридический факт, порождающий правоотношение по изъятию земельного участка, имеет сложный состав, включающий не только признание постройки самовольной, но и не выполнение требований суда или органов власти о прекращении гражданского правонарушения.

Другие вещные и обязательственные права на земельные участки прекращаются согласно абз. 7 подп.1 п. 2 ст. 45 ЗК при создании или возведении на земельном участке самовольной постройки либо невыполнении обязанностей, предусмотренных ч. 11 ст. 55.32 Гр.К. Союз «либо» дает основание считать, что это два самостоятельных юридических факта, каждый из которых может породить прекращение прав на земельный участок.

Какие невыполненные обязанности самовольного застройщика могут повлечь прекращение прав на земельный участок, узнаем из градостроительного кодекса. Это подтверждает вывод Ю.А. Умеренко о тенденции объективного усиления взаимодействия градостроительного и земельного законодательства, при котором в ряде случаев возникновение земельных правоотношений имеет производный характер и ставится в полную зависимость от наличия правоотношений в сфере градостроительства [2].

Обязанности субъекта, предусмотренные ч. 11 ст. 55.32 Гр.К, дифференцируются в зависимости от содержания решения органа государственной или муниципальной власти и состоят в следующем: 1) снести самовольную постройку в сроки, установленные решением о сносе; 2) осуществить снос самовольной постройки либо представить утвержденную проектную документацию, предусматривающую реконструкцию самовольной постройки; 3) осуществить приведение самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями.

Системное толкование норм гражданского, земельного и градостроительного законодательства позволяет сделать вывод, что решение органов власти о признании объекта самовольной постройкой не может не сопровождаться требованиями об устранении нарушений, связанных с ней. Поэтому редакцию абз. 7 подп. 1 п. 2 ст. 45 ЗК надо привести в соответствие со ст. 285 ГК, заменив союз «либо» на «и», что устранил неоправданную

коллизию норм.

К субъектам, которые должны выполнить предъявленную обязанность, согласно п. 2 ст. 222 ГК, относятся, прежде всего, лица, осуществившие самовольную постройку (сами или за свой счет), а при отсутствии сведений о них, это будут собственники или иные правообладатели земельного участка. Впрочем, последние, если они не возводили самовольную постройку, вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков к лицу, которое это сделало [3]. Вряд ли это реально, поскольку если даже органы власти не смогли найти самовольного застройщика, то частному лицу это не под силу.

Порядок изъятия земельного участка в связи с самовольной постройкой на нем дифференцируется в зависимости от того, находится ли земельный участок в частной или публичной собственности.

У частного собственника согласно ст. 54.1 ЗК изъятие земельного участка осуществляется путем продажи его с публичных торгов в соответствии с гражданским законодательством с учетом особенностей, предусмотренных названной статьей. При отсутствии конфликта применяется административный порядок изъятия земельного участка у собственника. Орган государственной или муниципальной власти, получив письменное согласие собственника исполнить его решение об изъятии земельного участка, продает его на публичных торгах, в противном случае требование о продаже участка органами предъявляется в суд (п. 2. ст. 286 ГК). А вот решение о сносе самовольной постройки по общему правилу п. 3.1 ст. 222 ГК принимается судом и лишь в порядке исключения, установленного в п.4 этой статьи, такое решение принимают органы местного самоуправления.

Действительно, если суд уже признал здание самовольной постройкой, но не выполнены обязанности по её сносу, то, как правило, нет причины для спора по изъятию земельного участка под постройкой. Хотя могут быть затронуты интересы третьих лиц, например по ипотеке. Так, апелляционная инстанция Алтайского краевого суда в своем определении верно отметила, что императивных требований закона, запрещающих принудительное изъятие у собственника земельного участка с самовольной постройкой, являющегося предметом ипотеки, нет. Однако залогодержатель приобретает право преимущественного удовлетворения своих требований из средств, вырученных от продажи данного земельного участка с публичных торгов [4].

Также в административном порядке, по решению исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления принудительно прекращается право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком при возведении самовольной постройки (п. 6.1 ст. 54 ЗК). То есть не применяется общее правило п. 1 ст. 54 ЗК, когда вещные права на земельный участок принудительно прекращаются на основании вступившего в законную силу судебного акта с предварительным назначением административного наказания.

Административный порядок прекращения вещных прав на земельный участок с самовольной постройкой оправдан наличием судебного решения по сносу самовольной постройки или приведению её в соответствие с законодательством. Факт гражданского правонарушения – возведение самовольной постройки, доказанный в судебном порядке, наличие вступившего в силу судебного решения о признании этого строения самовольной постройкой, не нуждается в повторном доказывании в суде. Принятие решения органом местного самоуправления об изъятии земельного участка основывается на судебном решении о самовольной застройке и констатации того, что оно не выполнено.

Если самовольная постройка расположена только на части земельного участка, а на другой его части находятся надлежащим образом оформленные здания, обеспечивается образование нового земельного участка, на котором расположена самовольная постройка, и изымается только этот участок. Но, если такой раздел невозможно осуществить без нарушения требований к образуемым или измененным земельным участкам, отчуждение этого земельного участка путем его продажи с публичных торгов не допускается. Эти правила одинаково установлены для земельных участков, находящихся в частной собственности (п. 2. ст. 54.1 ЗК), на праве пожизненного наследуемого владения, праве постоянного бессрочного пользования (п. 6.2, 6.3 ст. 54 ЗК), в аренде (п. 5–7 ст. 46 ЗК). Во избежание повторов в ЗК возможна консолидация этих норм в одной статье.

При изъятии частных земельных участков с самовольной постройкой они выставляются на торги по рыночной стоимости. После всех расходов, включая на кадастровые работы, оставшиеся вырученные средства выплачиваются бывшему собственнику земельного участка. Но если расходы на снос самовольной постройки или её приведение в соответствие с установленными требованиями, а также на проведение публичных торгов превышают рыночную стоимость земельного участка, его начальная цена устанавливается равной одному рублю.

Однако если земельные участки, которые продать не удастся, тогда они подлежат передаче в собственность муниципального образования, проводившего торги. Это возможно, только если публичные торги неоднократно признаны несостоявшимися, а сумма расходов на их проведение превышает начальную цену земельного участка или он выставлялся на торги по цене один рубль.

Необоснованны в законах повторы по срокам, устанавливаемым для исполнения обязательств по сносу самовольной постройки или представлению проектной документации по её реконструкции (п. 9 ст. 54.1; п. 7.1 ст. 39.8 ЗК). Представляется, что достаточно подп. 2 п. 4 ст. 222 ГК, согласно которому срок для сноса самовольной постройки не может составлять менее чем три месяца и более чем двенадцать месяцев, а срок для приведения самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями не может быть менее чем шесть месяцев и более чем три года.

Установление аналогичных сроков в ЗК избыточно.

Возможно, не потребовалось бы устанавливать в Гражданском и Земельном кодексах отдельное основание для изъятия земельного участка, если бы, как пишет В.В. Витрянский [5], были законодательно оформлены подходы, давно сложившиеся как в доктрине, так и в судебной практике о признании земельного участка и расположенного на нем недвижимого имущества единым объектом, выступающим в обороте в качестве единой недвижимой вещи. Ведь тогда бы решался вопрос о судьбе единого объекта недвижимости: самовольной постройки с земельным участком. И не потребовалось бы столь объемное правовое регулирование прекращения прав на земельные участки в связи с гражданским правонарушением в виде самовольной постройки.

---

1. *Бетхер В.А.* Самовольное создание и изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект). Монография // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Умеренко Ю.А.* Тенденции развития и некоторые проблемы земельного законодательства Российской Федерации на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 7. – С. 90–105.

3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / С.П. Гришаев, Т.В. Богачева, Ю.П. Свит // СПС «КонсультантПлюс», 2019. С. 327.

4. Алтайский краевой суд. Апелляционное определение от 4 сентября 2019 г. по делу № 33-8225/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статус, 2016. – С. 49.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В.В. Кожевников

STATE-LEGAL REALITY AS A SUBJECT OF REFLECTION OF LEGAL CONSCIOUSNESS

V.V. Kozhevnikov

В данной работе, посвященной одному из аспектов теории правосознания – её предмету отражения, обуславливается, что правосознание отражает не только настоящее и будущее право в различных его формах, но и право, существовавшее в прошлом и нашевшее закрепление в исторических источниках права. Доказывается также, что в предмет отражения правосознания входит не правовая действительность, которая зачастую необоснованно отождествляется с национальной правовой системой, а, учитывая генетическую связь государства и права, государственно-правовая действительность.

Ключевые слова: правосознание, предмет отражения, источники права, правовая действительность, государственно-правовая действительность

In this work, devoted to one aspect of the theory of legal consciousness, its subject of reflection, it is stipulated that legal consciousness reflects not only present and future law in its various forms, but also the law that existed in the past and found fixation in historical sources of law. It is also proved that the subject of reflection of legal consciousness does not include legal reality, which is often unreasonably identified with the national legal system, but, given the genetic relationship of the state and law, state-legal reality

Keywords: legal awareness, subject of reflection, sources of law, legal reality, state-legal reality.

Полагаем, что актуальность данной работы не вызывает никаких сомнения, ибо правосознание выступает в качестве важнейшего субъективного фактора практически любой правовой деятельности, в том числе и правоприменительной. Именно в последнем случае правосознание следует определить в качестве основы профессионально-правовой и культуры, являющейся составной частью профессиональной культуры правоприменяющего субъекта. Одним из аспектов теории правосознания выступает проблема его отражения. Анализ юридической литературы показывает, что учеными при этом называются самые различные правовые явления. Например, этот способ выражения предмета отражения правосознания нашел воплощение в понятии правосознания, согласно которому это «...совокупность идей, предложений, чувств и эмоций, в которых выражается отношение к праву (действующему и желательному), деятельности государственных органов, а также деятельности людей, совершаемым в сфере правового регулирования... Как специфическая форма общественного сознания, правосознание есть отражение права в форме идей, взглядов на законодательство, права и свободы человека, законность и

правопорядок в обществе» [1]. А.Ю. Ларин полагает, что «правовое сознание – это особая форма общественного правосознания представляет собой систему знаний, оценок, настроений и чувств, выражающих отношение к праву, действующему законодательству и юридической практике» [2]. Такого рода примеры можно продолжать и далее, однако, чтобы избежать перечисления правовых явлений, а их множество, следует в качестве предмета отражения правосознания оперировать таким понятием, как «правовая действительность». С указанной позицией солидаризируются и другие ученые. Например, В.В. Лазарев считает, что «правосознание представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и людей в юридически значимых ситуациях» [3]. Думается, что схожую точку зрения поддерживает и коллектив авторов, говоря, что «правосознание – это одна из форм общественного сознания, входящая в правовую систему общества и представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций и установок людей в отношении всей юридической действительности» [4]. Анализируя отмеченные взгляды ученых, на наш взгляд, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства.

Во-первых, на то, что правосознание способно отразить не только действующее и желательное право, но и право прошлого времени. Это важнейшее общетеоретическое положение в той или иной форме поддерживают некоторые ученые, отмечая, что «человек всегда как-то относится к прошлому праву...» [5]. Полагаем, что в этой связи следует согласиться с позицией В.М. Сырых, который предложил весьма оригинальную трактовку правосознания. «Правосознание, – пишет ученый, – представляет собой систему объективируемых знаний об истории становления и развития права как социального явления, его современном состоянии, а также совокупность объективируемых правовых оценок и конкретных предложений о путях, способах совершенствования, развития действующего права» [6].

Действительно, благодаря правосознанию можно оценить не только действующую Конституцию Российской Федерации, но и Законы Хаммурапи, Воинские артикулы Петра I, другие исторические источники права. Вполне допустимо, на наш взгляд, правовую действительность определять, используя такие понятия, как «правовая реальность», «правовая действительность».

Во-вторых, полагаем, что следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что в содержание правовой жизни общества включаются самые разные правовые явления, причем как позитивные, так и негативные. На это принципиальное положение обращалось внимание многими авторами [7]. Важность данного утверждения обуславливается тем, что некоторые авторы, используя социологический подход к понятию национальной правовой системы, в содержание последней включают самые различные

негативные проявления права. Так, Ю.А. Тихомирова в одну из групп элементов правовой системы, который он назвал как правопонимание, включает правовой нигилизм [8]. Анализ юридической литературы показывает, что есть и такие авторы, которые при рассмотрении оценочного аспекта национальной правовой системы проявляют непоследовательность. Так, с одной стороны, М.В. Захарова полагает, что негативные правовые явления (правовой нигилизм, пробельность в праве и его противоречивость) вряд ли можно отнести к содержанию правовой системы, а с другой, отождествляя правовую систему и правовую жизнь, автор утверждает, что последняя, «проявляя себя вовне не только с позиции должного и возможного как правовая система, но и во всей полноте негативных проявлений» [9].

По нашему мнению, данные и иные подобные явления вряд ли можно отнести к содержанию правовой системы, ибо, как совершенно справедливо указывал С.С. Алексеев, правовая система – это «...все позитивное право, рассматриваемое в единстве с другими активными элементами правовой действительности-правовой идеологией и судебной (юридической практикой)» [10].

Правовая реальность – это все проявления правовой жизни общества коллективных и индивидуальных субъектов права; юридическая деятельность и её результаты (правотворческие, правоприменительные и иные акты), правонарушения и юридическая ответственность, правовое мышление, правовое обучение, деформация правового сознания (правовой нигилизм, правовая демагогия) и другие, т. е. все правовые элементы, как упорядоченные, так и находящиеся в стадии упорядочения (хаотичные) [11]. При всей дискуссионности вопроса о понятии правовой системы следует, на наш взгляд, особо обратить внимание в контексте данного вопроса на позицию Р.В. Енгибаряна и Ю.К. Краснова, которые, рассуждая о правовой системе, пишут, что она «результат деятельности государства, обусловлена объективными закономерностями развития общества и необходима государству для достижения определенных целей» [12].

Думается, что в качестве одного из аргументов включения в содержание национальной правовой системы является и то, что последняя является элементом государственного суверенитета, с помощью которого государство делает свои веления общеобязательными, и благодаря которому оно осуществляет свои функции, как внутренние, так и внешние [13].

В-третьих, учитывая тесную связь государства и права, их взаимодействие в самых различных формах (направлениях) предмет отражения правосознания, на наш взгляд, должен быть определен через категорию «государственно-правовая действительность (реальность, жизнь)». Действительно, правосознание способно отразить не только право прошлого, настоящего и будущего времени, но и оценить самые разные политические явления. Например, выборы в представительные органы государства и органы местного самоуправления, отставку правительства Д.А.

Медведева и формирование нового кабинета министров, повышение пенсионного возраста, введение ЕГЭ, переход вузов на новую систему подготовки кадров в соответствии с Болонским протоколом, платное высшее образование и т.д. и т.п. Впрочем, на такое вполне обоснованное расширение предмета отражения правосознания обращали внимание лишь некоторые ученые [14]. В.Н. Жуков, используя другую терминологию, полагает, что «... правосознание можно рассматривать ...как отражение политико-правовой реальности» [15].

Таким образом, можно констатировать, что, хотя термин «правосознание» давно утвердился в нашей юридической литературе, он представляется односторонним, ибо к юридическим относятся и правовые, и государственные явления, что зачастую и, как правило, не учитывается подавляющим большинством ученых-теоретиков.

-
1. *Гойман-Калинский, Иванец Г.И., Червонюк В.И.* Элементарные начала общей теории права: учебное пособие/ под ред. В.И. Червонюка. –М., 2003.–С. 338.
  2. *Ларин А.Ю.* Теория государства и права: учебник. –М., 2011.– С. 236.
  3. *Лазарев В.В.* Общая теория права и государства: учебник. –М., 2000.–С. 243.
  4. *Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник. – М., 2012. – С. 336.
  5. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Теория государства и права: учебник. – Ростов н/Д, 2010. –С. 667.
  6. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник. –М., 2004. – С. 135.
  7. *Шундинов К.В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. –М., 2013. –С. 108; *Малько А.В.* Правовая жизнь как предельно широкая юридическая категория // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики.: монография / под ред. А.В. Малько. –М., 2011. –С. 12; *Кухурук Т.В.* Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования правовой системы // Правоведение. –1998.– № 2. –С. 49–50.
  8. *Тихомиров Ю.А.* Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. –1999.–№ 8. – С. 6.
  9. *Захарова М.В.* Французская правовая система: теоретический анализ: монография. –М., 2016. – С. 28.
  10. *Алексеев С.С.* Право: азбука-теория-философия. –М., 1999. – С. 47.
  11. *Бехруз Х.* Сравнительное правоведение: учебник. – М., 2008. – С. 16.
  12. *Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К.* Теория государства и права: учебник. – М., 2010. – С. 393.
  13. *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества в 2-х томах. – Т. 1. – Ярославль, 2006. – С. 50.
  14. *Фролова Е.А.* Правосознание // Философия права. Курс лекций: учебное пособие в 2-х т. Т.1/отв. ред. М.Н. Марченко. –М., 2011.– С. 393, 412.
  15. *Жуков В.Н.* Правосознание: философский анализ // Государство и право. – 2019. –№ 11.– С. 21.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БАНКРОТСТВЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В.В. Козлова

RUSSIAN BANKRUPTCY LAW: CRIMINOLOGICAL VIEW

V.V. Kozlova

В статье показана криминогенная сущность российского законодательства о банкротстве. Институт банкротства в России является в первую очередь инструментом преобразования общественных отношений, захвата и перераспределения собственности.

Ключевые слова: банкротство, рейдерство, капитализм, криминальное явление, криминогенное явление.

The article shows the criminogenic nature of Russian bankruptcy legislation. The Institute of bankruptcy in Russia is primarily a tool for transforming public relations, seizing and redistributing property.

Keywords: bankruptcy, raiding, capitalism, criminal phenomenon, criminogenic phenomenon.

Институт банкротства стал активно использоваться с самого начала оперативного преобразования социализма в капитализм. Для этого надо было решить две задачи: 1) разрушить социалистические общественные отношения, основанными на общенародной собственности на орудия труда и средства производства и участия каждого человека в трудовой деятельности («от каждого по способности – каждому по труду»; 2) заменить их капиталистическими общественными отношениями, основанными на частной собственности и получении прибыли – подразумевалось любой ценой. Обе эти задачи могли быть успешно решены только при условии дискредитации права как инструмента гармонизации общественных отношений и подмены его законодательством – криминальным и криминогенным. Так в действительности и произошло, в чем откровенно признавался А. Чубайс («мы пробили программу ускоренной приватизации за четверо суток»; «мы выбили из-под министерств право управлять госимуществом»; «Верховный Совет не понял, что произошло») и его соратники М. Бойко («мы отделили экономику от государства»), П. Мостовой («мы реализовали идею не именной, а рыночной ваучеризации»), Д. Васильев («чековую приватизацию ценой в 40 млн долларов оплатили западные инвесторы»), А. Кох («наши приватизированные пивные заводы всю страну пивом залили»), А. Евстафьев («нас консультировало агенство развития США») [1]¹.

---

¹ Характерно, в 1997 пять ведущих реформаторов из правительства и администрации президента РФ ([Анатолий Чубайс](#), [Максим Бойко](#), [Александр](#)

Приватизация в России с самого начала имела во многом нелегитимный и даже криминальный характер. «Это проявлялось в определенном отстранении от приватизационного законодательства Федерального Собрания России, в существенной подмене его законов указами Президента, постановлениями Правительства РФ, что свидетельствовало о преобладании правовых актов меньшей юридической силы. Порой документы вводились в действие до их официального утверждения. Субъекты РФ к разработке приватизационных документов привлекались слабо, эпизодически, чаще они выступали в роли исполнителей указаний исполнительной федеральной власти. Слабо прорабатывались правовые рычаги контроля над процессом приватизации», – справедливо пишет Г.Н. Долгова [2]. В материалах Счетной Палаты отмечено, что спонтанная приватизация тысяч предприятий в России началась ещё на рубеже 1980-1990-х гг. и проводилась зачастую силовыми и криминальными методами [3].

В Постановлении Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» указывалось, что колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам, объявляются несостоятельными (банкротами) до 1 февраля 1992 г. и подлежат ликвидации и реорганизации в течение I квартала 1992 г. (п. 14) [4]. Установление таких заведомо нереальных для реорганизации сроков указывало на принятую стратегию приватизации.

Предприятия умышленно подводились к банкротству. Этому способствовали исключительно жесткие критерии банкротства, разработанные в ведомствах А. Чубайса и П. Мостового. По мнению американских специалистов, применение этих критериев в США позволило бы признать 80 % предприятий банкротами. Банкротами в России признавались даже успешно работающие предприятия, выполняющие государственный заказ, с которыми государство не рассчиталось за произведенную продукцию. На основе этих критериев банкротами становились наиболее развитые, наукоемкие и технологичные современные производства. Комиссия, проверявшая деятельность Госкомимущества в 1996 г., в своем заключении откровенно записала: «Анализ показывает, что целенаправленно разрушаются отрасли оборонной промышленности. Подведение под банкротство серьезно поощрялось. За распродажу имущества обанкротившихся предприятий Госкомимущество А. Чубайса получало 4 %, а Федеральное управление по делам о несостоятельности П. Мостового – 20 % выручки» [5].

Первый закон о банкротстве был принят в Российской Федерации 19 ноября 1992 г. [6] Он вошел в историю, как «продолжниковский» [7], хотя это весьма спорное суждение, учитывая установленные довольно жесткие внешние признаки банкротства (приостановление его текущих платежей, если предприятие не обеспечивает или заведомо не способно обеспечить

[Казakov](#), [Альфред Кох](#), [Пётр Мостовой](#)) получили авансом по 90 тыс. долларов каждый от издательской фирмы за ещё не написанную книгу «История российской приватизации».

выполнение требований кредиторов в течение трех месяцев со дня наступления сроков их исполнения), а также правила моратория на удовлетворение требований кредиторов (в период действия моратория продолжали начисляться суммы санкций и проценты за пользование чужими денежными средствами).

В 1998 г. был принят новый закон о банкротстве [8]. Причины его принятия объясняются цивилистами недостатками первого закона. По их мнению, Закон 1998 г. пытался реализовать такую тенденцию развития гражданского законодательства, как усиление роли и значения процедур, предназначенных не для ликвидации имущества должника, а для предоставления ему возможности поправить свои дела, в том числе путем внешнего управления [9]. В действительности дело обстояло по-другому. А.А. Пахаруков в своей диссертации пишет: «Так, основу правового регулирования отношений, связанных с несостоятельностью, в соответствии с положениями Закона о банкротстве 1992 г. составлял механизм, предоставляющий гарантии новым собственникам в условиях проводимой приватизации. Когда завершился этап массовой приватизации, институт несостоятельности остался единственным способом первоначального накопления и концентрации капитала в условиях стагнации экономики» [10]. Ещё откровеннее высказался по этому поводу снятый с должности руководитель Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству (ФСФО) Г.К. Таль. В своем выступлении на конференции в декабре 2001 г. «Предпринимательская этика в России», признавшись, что сейчас его ничто не связывает и он может говорить свободно, бывший руководитель ФСФО сказал, что олигархи и полуолигархи, не поспевшие в желаемой мере к приватизации, пролоббировали себе универсальный инструмент захвата собственности – новую редакцию Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) 1998 г. в его прокредитоской версии. Исполняющим партнером по захвату они сделали арбитраж, для чего и дали суду широкие полномочия по распоряжению активами, а кредиторам предоставили легкую возможность возбуждения дел о банкротстве [11]. Именно тогда страну накрыла огромная волна рейдерских захватов. «Многие из рейдеров вышли из арбитражных или кризисных управляющих, принимавших участие в банкротстве предприятий, используя недостатки Федерального закона от 8 января 1998 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». К 2000–2001 гг. окончательно сложилось современное российское рейдерство как бизнес тех граждан и структур, которые специализируются исключительно на захвате предприятий и дальнейшей перепродаже его новым владельцам. Они обросли собственным капиталом, административным ресурсом и прочими неотъемлемыми атрибутами самостоятельного бизнеса» [12].

Третий закон о банкротстве [13] должен был положить конец разгулу захвата чужой собственности. С этой задачей он справился частично, затруднив процедуру банкротства для кредиторов, но оставив лазейки для

рейдеров. «Особенности банкротства делают возможным захват имущества в процессе несостоятельности. В ходе его финальной процедуры – конкурсного производства – активы распродаются без согласия должника. Процедура торгов непрозрачная, цена, как правило, значительно ниже рыночной, а независимый оценщик может оказаться далеко не беспристрастным, ведь его привлекает конкурсный управляющий. Он же оплачивает эти услуги» [14]. Вместе с тем Закон был дополнен положениями о банкротстве физических лиц, криминогенность которых заключается в расширении криминального «бизнеса на банкротствах». С момента введения института банкротства гражданина в Российской Федерации количество возбужденных процедур постоянный кратный рост (2016 – 19 574, 2017 – 29 827, 2018 – 43 984). За весь период действия института банкротства граждан несостоятельными были признаны 94 255 человек. На фоне того, что 86 % процедур возбуждается судами на основании заявлений самих граждан-должников парадоксальным остается значение объема удовлетворенных требований кредиторов – 1%.

Интересно отметить, что в соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 г. сумма долга 5530 граждан, подавших заявления о банкротстве, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, составляла от 3 до 10 млн рублей, 2400 – от 10 до 100 млн, 477 – от 100 млн до 1 млрд и 59 – свыше млрд рублей. Как видим, банкротство стало довольно популярным среди наших граждан – миллионеров и миллиардеров. Это указывает на криминализацию банкротства физических лиц.

Между тем число регистрируемых криминальных банкротств и лиц, выявленных за их совершение, в целом снижается, что указывает на снижение активности правоохранительных органов в этом направлении. В 2008 г. за совершение криминального банкротства (ст. 195–197 УК РФ) выявлено 445 человек, в 2013 г. – 264, в 2018 г. – 151. Осуждены соответственно 46, 34 и 36 человек. Уголовно-правовая угроза за криминальное банкротство настолько мала, что скорее стимулирует преступные действия, чем предупреждает их. Криминогенное законодательство о банкротстве широко шагает по стране.

---

1. Приватизация по-русски / под.ред. А. Чубайса. – М., 1999. – 185 с. Характерно, в 1997 пять ведущих реформаторов из правительства и администрации президента РФ (Анатолий Чубайс, Максим Бойко, Александр Казаков, Альфред Кох, Пётр Мостовой) получили авансом по 90 тыс. долларов каждый от издательской фирмы за ещё не написанную книгу «История российской приватизации».

2. Долгова Г.Н. Российская приватизация как политический процесс. Авторе.дис. ...д-ра полит. наук. – Саратов, 2005. – С. 21.

3. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. – М., 2004. – С. 150.

4. Постановление Правительства РФ от 29.12.1991 N 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» // Сборник постановления Правительства Российской Федерации. – 1992. – № 1–2. – Ст. 9.
5. *Плахов В.* Приватизация по Чубайсу // Российская газета. – 1996. – 22 февр.
6. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета. – 1992. – 30 дек.
7. *Немцева О.И.* Исторический анализ законодательств о несостоятельности (банкротстве) в РФ конца XX века // Вологдинские чтения. – 2006. – № 58. – С. 79.
8. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. – 1998. – 21 янв.
9. *Немцева О.И.* Указ. соч.
10. *Пахаруков А.А.* Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 34.
11. Материалы конференции «Бизнес на банкротствах. Предпринимательская этика в России». – Режим доступа: URL: <http://www.expert.ru/expert/special/etik>.
12. *Бобков А.В., Клейменов И.М., Федоров А.В.* Криминальное банкротство и рейдерство: криминологическая характеристика и противодействие. – Омск, 2009. – С. 69.
13. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. – 2002. – 2 нояб.
14. Было ваше, стало наше: как работают современные рейдеры в банкротстве. – Режим доступа: URL: <http://www.bankruptcy.pravo.ru/view/568/>

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ СООБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

М.Г. Козловская

ORDINARY CRIMINAL COMMUNITIES IN HISTORICAL CONTEXT

M.G. Kozlovskaya

В статье на основе исторических примеров показывается, что общеуголовные преступные сообщества – это самостоятельный феномен со своими особенностями: большим масштабом действий, высокой организованностью, наличием своей системы ценностей, самостоятельным местом в политической жизни общества.

Ключевые слова: *преступное сообщество, пираты, корсары, приватиры, разбойники.*

Based on historical examples, the article shows that ordinary criminal communities are an independent phenomenon with their own characteristics: a large scale of actions, high organization, the presence of their own system of values, an independent place in the political life of society.

Keywords: *criminal community, pirates, corsairs, privateers, robbers.*

Анализ исторической литературы позволяет увидеть разделение всех преступных сообществ прошлых веков на два вида: общеуголовные и политические. Они четко различаются по причинам возникновения, мотивации и масштабу деятельности, составу участников и интенсивности реагирования на них со стороны официальных властей.

Общеуголовные преступные сообщества действовали на море (пираты) и на суше (разбойники) и представляли собой большие и хорошо организованные объединения людей из наемников, торговцев, а также обездоленных людей, которые путем разбоев и грабежей, торговли людьми добывали огромные богатства. По свидетельству Плутарха: «Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными они стали со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, а также опустошали острова и прибрежные города, Уже многие люди, состоятельные и знатные и, по общему суждению, вполне благоразумные, начали вступать на борт разбойничих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также

искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, – все это являлось позором для римского владычества. Число кораблей разбойников превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов» [1].

Аппиан Александрийский свидетельствовал: «Люди, лишённые вследствие войны средств к жизни, оторвавшиеся от родины и впадшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море, вначале на легких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причем у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. Они нападали на неукрепленные города, стены других городов они или подкапывали, или разбивали, или брали штурмом и разграбляли, а людей побогаче отвозили до пристаней в расчете на выкуп. И эти доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они называли военным жалованьем. Они имели ремесленников, насильно приставленных, и постоянно заготавливали лес, медь, железо, свозя все это вместе. Их дух поднимался от получаемой прибыли; уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие» [2]. Рим поначалу не боролся с пиратством, поскольку пираты были активными поставщиками рабов – товара, имеющего центральное значение для римской экономики.

У Светония мы читаем, что 25-летний Юлий Цезарь возле острова Фармакуссы в Эгейском море попался в руки пиратам и к великому своему негодованию оставался у них в плену около сорока дней. При нем оставались только врач и двое слугителей: остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда, наконец, он выплатил пиратам пятьдесят талантов² и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той самой казнью, которой не раз, шутя, им грозил [3].

Интересно отметить, что пираты нередко использовались как сила, которая может ослабить враждебное государство. Пиратам выдавалось разрешение (патенты) на захват чужого судна, и они становились каперами (приватирами, корсарам, флибустьерами) [4]. Более того, морской разбой рассматривался как источник накопления капитала и сыграл существенную роль в подъеме Англии. Знаменитые пираты Дрейк и Морган действовали по королевской «лицензии», а на средства, полученные от их промысла, была создана Ост-Индская Компания. Как пишет А.И. Фурсов, «перед нами все тот

---

²1550 кг серебра.

же симбиоз государства и морского криминала; этот симбиоз пышным цветом распустится в XIX в., когда, как отмечают историки, посредством Ост-Индской Компании британский королевский дом станет одним из крупнейших наркоторговцев мира, поддерживая торговлю оружием и опиумную торговлю, сажая таким образом «на иглу» миллионы китайцев [5].

Как показывает исторический анализ, преступные сообщества активно действовали не только на море, но и на суше. Римский историк Кассий Дион повествует о знаменитом разбойнике Феликсе Булле, командовавшем шестьюстами разбойниками. Он грабил всю Италию и держался два года, несмотря на все посылаемые против него войска. Он через взятого в плен, а потом отпущенного императорского центуриона дал совет его господам лучше содержать своих рабов, чтобы те не становились разбойниками. Действительно, в его отрядах находилось много императорских рабов, частью получавших плохое жалованье, частью совсем не получавших его [6].

Как утверждает Л. Фридендер, путешествия в древности, да и в более поздние времена, были опасным предприятием, поскольку пути и дороги кишели разбойниками, против которых власть вынуждена была подчас направлять войска. В 187 г. дезертировавший солдат Матерн собрал отряд, с которым он навел ужас на всю Галлию и Испанию; он нападал сначала на деревни и поселки, а затем и на большие города, освобождал находившихся там в тюрьмах преступников, жег и грабил все кругом. Когда римский император Коммод послал против него войска, ему удалось вместе со своей шайкой бежать в Италию; его план убить императора стал известен, и сам он был казнен своими приближенными [7].

Отряды разбойников нередко были вооружены и организованы на военный манер «союза-братства», с иерархией, достаточно жесткой дисциплиной и системой неофициальных ценностей, где в почете были чувства товарищества, верность, отвага и т. п. Вступление в разбойничий отряд в глазах многих было порой предпочтительнее, нежели «унижение и рабская жизнь» [8].

Приведенные примеры иллюстрируют именно феномен преступного сообщества по: большому масштабу своих действий, высокой организованности, наличию своей системы ценностей, самостоятельному месту в политической жизни общества.

Всё это позволяет выявить следующие закономерности их возникновения и развития:

1) преступные сообщества общеуголовного типа возникают на основе стремления к выживанию и развиваются, мотивируемые жаждой обогащения;

2) такие преступные сообщества активно возникают и множатся в периоды войн, социальных смут и потрясений;

3) не встречая адекватного сопротивления, преступные сообщества данного типа могут достичь степени общественной опасности, угрожающей государству;

4) в своем развитии общеуголовные преступные сообщества создают собственную – криминальную экономику, которая в основном базируется на страхе и разрушении;

5) механизмы и результаты криминальной экономики подчас являются привлекательными для государственной власти, и это может служить источником симбиоза государства и преступных сообществ;

6) общеуголовные преступные сообщества используются как сила в межгосударственной или межклановой борьбе, и в этом просматривается возможность их инфильтрации в политику.

---

1. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1994. – С. 472–473.

2. *Аппиан Александрийский*. Римская история. Книга XII. Митридатовы войны. – СПб.: Алетей, 1994. – С. 108.

3. *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Наука, 1993. – 368 с.; *Перье Николая*. Пираты. Всемирная энциклопедия. – М.: Гелеос, 2008. – 256 с.

4. *Архенгольц Ф.* [Иоганн Вильгельм]. История морских разбойников Средиземного моря и океана. – М.: Новелла, 1991. – 368 с.; *Констам Энгус*. Пираты. Буканьеры, флибустьеры, приватиры XVII—XIX вв.. – М.: Эксмо, 2008. – 240 с.; *Копелев Д. Н.* Золотая эпоха морского разбоя (пираты, флибустьеры, корсары). – М.: Остожье, 1997. – 496 с.; *Перье Николая* Указ.соч.

5. *Фурсов А.И.* DeConspiratione: Капитализм как заговор. Том I: 1520–1870 годы // DeConspiratione: сборник монографий. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. – С. 44.

6. *Дион Кассий Кокцеян*. Римская история. Книга XXXVII. – URL:<http://www.ancientrome.ru> Античная литература»Римская история.

7. *Фридендер Л.* Картины из бытовой истории Рима в эпоху Августа до конца династии Антонинов. Часть I. СПб.: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1914. – URL: <http://www.ancientrome.ru> Публикации»article.htm?a=1383517582.

8. *Шкунаев С.В., Кнабе Г.С.* Культура Древнего Рима. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1985. – 118 с.

РЕШЕНИЕ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ

В.А. Константинова

ANNOUNCEMENT OF COURT DECISIONS IN CRIMINAL CASES

V.A. Konstantinova

Статья посвящена специфической разновидности промежуточного судебного решения – постановлению о назначении судебного разбирательства в особом порядке. Анализируется сущность, значение и особенности данного решения. Отмечается неоднозначное правовое регулирование его содержания, делается вывод о необходимости их устранения с целью единообразия судебной практики.

***Ключевые слова:** особый порядок судебного разбирательства, промежуточное решение, постановление о назначении судебного разбирательства.*

The article is devoted to a specific type of intermediate court decision - a decision on the appointment of a trial in a special order. The article analyzes the essence, meaning and features of this solution. It is noted the ambiguous legal regulation of the content of this decision, it is concluded that it is necessary to eliminate them in order to ensure uniformity of judicial practice.

***Keywords:** special procedure for judicial proceedings, intermediate solution, resolution on the appointment of a trial.*

Предусмотренный главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (далее – особый порядок) является ярким примером дифференциации формы судебного производства. Упрощение процедуры влечет изменение сущности и свойств промежуточных судебных решений, в частности, детерминирует специфику постановления о назначении судебного разбирательства.

Анализируемое решение относится к разновидности промежуточных, что обусловлено его направленностью на создание надлежащих условий, обеспечивающих рассмотрение уголовного дела в судебном разбирательстве, разрешение которого по существу на данном этапе не происходит, несмотря на предварительную оценку судьей совокупности имеющихся в деле доказательств. Значение данного решения характеризуется, преимущественно, регулятивным аспектом, который проявляется в движении уголовного дела в следующую стадию уголовного процесса, реализуемую в дифференцированной форме [1].

В системе свойств указанного постановления наибольшей спецификой отличается его обоснованность. Как справедливо отмечает О.В. Качалова, при назначении дела в особом порядке (в отличие от подготовки к рассмотрению в общем порядке) судья должен установить не только наличие оснований для назначения судебного заседания, но и убедиться в достаточности доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого,

ведь в процессе принятия данного решения формируется внутренняя готовность судьи вынести по делу обвинительный приговор, поскольку в судебном следствии доказательства непосредственно не исследуются [2]. Центр тяжести доказывания в особом порядке как разновидности ускоренного производства смещен со стадии судебного разбирательства на стадию его назначения [3]. Таким образом, к моменту принятия анализируемого решения должна быть осуществлена, хоть и предварительная, но комплексная оценка доказательств, что не характерно для большинства промежуточных решений, посвященных одному, как правило, процессуальному вопросу. В связи с изложенным, вынесение решения о назначении судебного разбирательства означает констатацию наличия процессуальных условий для рассмотрения дела в особом порядке и отсутствие сомнений в обоснованности обвинения. Отметим, что не всегда на данной стадии у суда есть возможность убедиться в наличии всех процессуальных условий, в частности, возникают сложности с оценкой осознанности и добровольности заявленного ходатайства, в связи с чем такая оценка переносится фактически в подготовительную часть судебного разбирательства.

Отдельного внимания заслуживают особенности содержания исследуемого судебного решения, правовое регулирование которого не вполне однозначно.

Глава 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» не содержит норм, посвященных решению о назначении судебного разбирательства в особом порядке. В некоторых её статьях есть лишь упоминание о назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке после прекращения особого (ч. 3 ст. 314, ч. 6 ст. 316 УПК РФ). В связи с этим подлежит применению глава 33 УПК РФ «Общий порядок подготовки к судебному заседанию». Ранее в силу п. 4 ч. 2 ст. 229 УПК РФ решение вопроса об особом порядке судебного разбирательства проводилось в форме предварительного слушания. Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] данный пункт признан утратившим силу, усложненная форма стадии подготовки к судебному разбирательству признана нецелесообразной. Проведение предварительного слушания, по мнению некоторых авторов, противоречило идеям рационализации и процессуальной экономии [5]. Однако до настоящего времени распространена точка зрения, согласно которой данное законодательное решение ошибочно, поскольку сузило возможности суда по проверке оснований и условий для рассмотрения дела в особом порядке [6]. Тем не менее после законодательных изменений в упомянутой главе вовсе отсутствуют специальные нормы об особом порядке.

Толкование норм о назначении судебного разбирательства в особом порядке содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» [7] и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [8].

Итак, в силу требований ст. 231 УПК РФ решение о назначении судебного заседания выносится в форме отдельного документа, в этом смысле различий между общим и особым порядком не просматривается. Но возникает вопрос о том, необходимо ли в данном постановлении указывать порядок судебного разбирательства?

Буквальное толкование ст. 231 УПК РФ свидетельствует об отсутствии такой необходимости. Однако п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» содержит разъяснение, согласно которому при наличии ходатайства о применении предусмотренного гл. 40 УПК РФ порядка и отсутствии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в таком порядке, судья при назначении судебного заседания *принимает решение о рассмотрении дела в особом порядке*. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации разграничивает условия назначения уголовного дела к рассмотрению и условия применения особого порядка судебного разбирательства. Сходное разъяснение содержится в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству». Таким образом, высшая судебная инстанция ориентирует суды на решение вопроса о порядке судебного разбирательства в стадии подготовки, указывая его в постановлении о назначении судебного заседания, тогда как прямо данное требование в УПК РФ отсутствует.

Необходимость корректировки закона в ключе данных разъяснений высказана И.Ю. Мурашкиным, который считает, что, поскольку разрешение судом ходатайства о проведении судебного процесса в особом порядке должно соответствовать требованиям, указанным в главе 15 УПК РФ, мнение судьи о возможности такого порядка уже на стадии назначения судебного разбирательства должно быть обличено в процессуальную форму, т. е. отражено в постановлении о назначении судебного заседания, в связи с чем предлагается внесение соответствующих изменений в ч. 2 ст. 231 УПК РФ [9].

В этой связи следует обратить внимание на нормы ч. 3 ст. 314 УПК РФ («если суд установит, что предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи условия, при которых обвиняемым заявлено ходатайство, не соблюдены, то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке»), ч. 3 ст. 316 УПК РФ («рассмотрение ходатайства подсудимого о постановлении приговора без проведения

судебного разбирательства начинается с изложения государственным обвинителем... »), толкование которых позволяет сделать вывод, что окончательное разрешение ходатайства об особом порядке фактически происходит не в стадии подготовки к судебному заседанию, в рамках которой (в связи с упомянутым выше исключением основания для проведения предварительного слушания по данному вопросу) отсутствует возможность убедиться в наличии отдельных процессуальных условий и выяснить мнение сторон, учет которого в контексте принципа состязательности является обязательным.

Сформулированная же позиция высшей судебной инстанции, поддерживаемая некоторыми исследователями, ориентирует на необходимость указания в постановлении о назначении судебного заседания порядка судебного разбирательства и приводит зачастую к переназначению судебного разбирательства, т. е. повторному вынесению соответствующего постановления. Так, в силу ч. 6 ст. 316 УПК РФ при возражении подсудимого, обвинителя, потерпевшего против особого порядка либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 3,9 Постановления от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» ориентирует судей в случае изменения порядка судебного разбирательства на принятие повторного решения о назначении судебного заседания, а также реализацию установленного ч. 4 ст. 231 УПК РФ требования об извещении сторон о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала.

Возникает сомнение в необходимости усложненной процедуры назначения судебного разбирательства в особом порядке, которая идет вразрез с идеей упрощения производства и не обусловлена практической потребностью, поскольку фактически ходатайство разрешается только в подготовительной части судебного разбирательства и к моменту принятия решения о выборе порядка стороны должны быть знакомы с материалами дела. Иначе каким образом они могут сделать вывод об обоснованности обвинения для принятия данного решения? Повторное вынесение постановления о назначении судебного разбирательства не требует обязательного отложения судебного заседания, которое может быть продолжено. Для соблюдения гарантированных законом прав участников судебного разбирательства им может быть по ходатайству предоставлен разумный срок (те же 5 суток) для подготовки к общему порядку судебного разбирательства.

Следует отметить, что на практике отмечается тенденция самостоятельного упрощения судьями процедуры назначения судебного разбирательства, а также последующего прекращения особого порядка и назначения рассмотрения дела в общем порядке, которая (применительно к

судебному производству в целом) отмечалась Т.В. Трубниковой как обусловленная объективной необходимостью упрощения [10].

Неоднозначное правовое регулирование не способствует единообразию судебной практики, в которой постановление о назначении судебного заседания выносится как с указанием порядка разбирательства (следуя разъяснениям высшей судебной инстанции), так и без такового (следуя буквальному толкованию ст. 231 УПК РФ). Как следствие, в дальнейшем в первом случае выносится постановление о прекращении особого порядка и назначении заседания в общем порядке в форме отдельного документа с удалением в совещательную комнату (с соблюдением требования об извещении сторон не менее чем за 5 суток до его начала), во втором – постановление об отказе в удовлетворении ходатайства или постановление о прекращении особого порядка в протокольной (упрощенной) форме без повторного назначения заседания и отложения на 5 суток.

Несвоевременное разрешение вопроса о форме судопроизводства в некоторых случаях влечет отмену итоговых судебных решений. Так, постановлением Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 18.04.2007 в порядке надзора отменен приговор Демского районного суда г. Уфы, дело направлено на новое рассмотрение, поскольку ходатайство об особом порядке было разрешено в судебном разбирательстве, назначенном в общем порядке, а не в стадии подготовки судебного заседания [11]. Также имеет место практика отмены приговоров в связи с невыполнением требований ч. 4 ст. 231 УПК РФ, когда после прекращения особого порядка суд продолжает рассмотрение уголовного дела в тот же день без принятия мер по подготовке судебного заседания [12].

Таким образом, для обеспечения единства судебной практики законодателю необходимо устранить расхождение между ст. 231 и ч. 3 ст. 314, ч. 6 ст. 316 УПК РФ.

Следующим актуальным вопросом является возможность обжалования анализируемого судебного решения. В силу ч. 7 ст. 236 УПК РФ постановление о назначении судебного заседания в части разрешения вопросов, указанных в п. 1, 3 – 5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ (о месте, дате, времени судебного заседания, о назначении защитника, о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами; о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании), обжалованию не подлежит. Будучи направленным в указанной части только на определение условий проведения судебного заседания и обеспечение рассмотрения уголовного дела в разумные сроки, данное постановление не препятствует реализации права на доступ к правосудию [13]. Следовательно, в части разрешения оставшихся в ст. 231 УПК РФ вопросов данное постановление подлежит обжалованию (о рассмотрении дела единолично или коллегиально, о мере пресечения). Вопрос о том, подлежит ли обжалованию постановление о назначении судебного заседания в части разрешения вопроса о порядке судебного разбирательства, остается открытым? Несмотря на отсутствие в уголовно-

процессуальном законе прямого ответа на этот вопрос, он достаточно очевиден. Учитывая, что возражения сторон относительно особого порядка судебного разбирательства на основании ч. 4 ст. 314 УПК РФ влекут его прекращение, обжалование решения в данной части в порядке апелляции нецелесообразно, достаточно возразить относительно данного порядка. Решение же о рассмотрении дела в особом порядке, вопреки возражениям подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего, подлежит обжалованию в силу ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ как затрагивающее право граждан на доступ к правосудию (в надлежащей процессуальной форме).

Резюмируя сказанное, констатируем, что решение о назначении судебного разбирательства в особом порядке является дифференцированной формой промежуточного судебного решения, значение которой характеризуется преимущественно регулятивным аспектом, заключающимся в движении уголовного дела в упрощенный порядок судебного разбирательства. К моменту принятия анализируемого решения должна быть осуществлена, хоть и предварительная, но комплексная оценка доказательств, что не характерно для большинства промежуточных решений, посвященных одному, как правило, процессуальному вопросу. Уголовно-процессуальный закон не содержит ответа на вопрос о том, указывается ли в постановлении о назначении порядок судебного разбирательства, в связи с чем для обеспечения единства судебной практики необходимо устранить расхождение между ст. 231 и ч. 3 ст. 314, ч. 6 ст. 316 УПК РФ. Обжалованию данное постановление не подлежит, поскольку возражения сторон относительно особого порядка в силу ч. 4 ст. 314 УПК РФ влекут его прекращение.

---

1. *Азаров В.А., Константинова В.А.* Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 45–54.

2. *Качалова О.В.* Особенности принятия судом решения о назначении судебного разбирательства в особом порядке // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию проф. П.А. Лупинской (Москва, Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 8 апреля 2016 г.). – М.: Оригинал-макет, 2016. – С. 190–193.

3. *Качалова О.В.* Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – С. 185.

4. Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Рос. газ. – 2003. – 10 июля.

5. *Качалова О.В.* Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – С. 143.

6. *Белкин А.Р.* Процессуальные тонкости стадии подготовки к судебному заседанию. Проведение предварительного слушания // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 2. – С. 37–38; *Ишимов П.Л.* Процессуальный порядок подготовки дела к

судебному разбирательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2005. – С. 23; *Шмарев А.И.* Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – С. 23.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Рос.газ. – 2010. – 13 янв.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 50 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Рос.газ. – 2006. – 20 дек.

9. *Мурашкин И.Ю.* Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 10, 20–21.

10. *Трубникова Т.В.* Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1997. – С. 22.

11. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 18.04.2007 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда за 4 квартал 2015 года, утв. Президиумом Смоленского областного суда 24.02.2016 (Апелляционное определение № 22-2811/2015) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.04.2005 № 208-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корковидова А.К. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 49 и ч. 7 ст. 236 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Г.В. Кошевая

TO THE QUESTION OF MECHANISM SUBMITTING THE SOCIAL PAYMENT

G.V. Koshevaya

Как показывает судебная практика и новостная информация, довольно часто возникают ситуации, связанные с фальсификацией документов со стороны заявителя, для того чтобы получить ту или иную социальную выплату. В связи с этим возникает актуальный вопрос по поводу совершенствования механизма предоставления этих выплат. В статье проведен анализ правил организации деятельности многофункциональных центров и, как следствие, обозначен ряд организационных и правовых проблем, которые необходимо решить.

***Ключевые слова:** социальная выплата, многофункциональные центры, соглашение о взаимодействии, государственная услуга, муниципальная услуга, межведомственное взаимодействие.*

As shown by judicial practice and news information, quite often there are situations associated with falsification of documents on the part of the applicant in order to receive a particular social payment. In this regard, there is an urgent question about improvement of the mechanism of providing these payments. The article analyzes the rules for organizing the activities of multifunctional centers and, as a result, identifies a number of organizational and legal problems that need to be solved.

***Keywords:** social payment, multifunctional centers, cooperation agreement, public service, municipal service, interdepartmental cooperation.*

Совершенствование административных процедур, бесспорно, является одним из главных направлений во внутренней политике, проводимой на территории Российской Федерации.

С учетом того, что Российская Федерация позиционируется, как социальное государство в соответствии с Конституцией, а в связи с действием ряда государственных программ, направленных на улучшение социального обеспечения граждан, одной из практических проблем в последние годы является хищения при получении, например, материнского капитала или пособия на ребенка, пенсии по инвалидности. Такие преступления совершаются путем фальсификации документов или же утаивания достоверных сведений заявителя.

Между тем, хищение установленных законом денежных средств, при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, квалифицируется как мошенничество в соответствии с ч. 1 ст. 159.2 УК РФ.

Как правило, для получения той или иной социальной выплаты у заявителя есть выбор, своего рода альтернатива, как получить услугу: можно обратиться с заявлением для ее оформления лично, через законного представителя, почтой или же в МФЦ. В классическом виде предпочтительнее через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. Рассмотрим данный способ обращения.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1] выделяет такой субъект предоставления государственных и муниципальных услуг, как многофункциональные центры. Функции, права и обязанности многофункционального центра закреплены в ст. 16 данного закона. Особое внимание хотелось бы акцентировать на право, указанное в ч. 2 ст. 16, где говорится о возможности запрашивать и получать информацию, необходимую для успешного осуществления центрами своих функций, в органах, предоставляющих государственные и муниципальные услуги. На наш взгляд, правом обозначить данное действие является недостаточным, скорее – это обязанность, которая направлена на исключение предоставления ложных сведений. Другими словами, специалист МФЦ должен проверить полученные сведения и убедиться с помощью межведомственного запроса в действительности полученных документов.

В этом же законе установлен запрет требовать от получателей государственных и муниципальных услуг документы, уже имеющиеся в распоряжении органов власти. Отсюда логика, что существует взаимодействие МФЦ с государственными и муниципальными органами, которое осуществляется в порядке, установленном соглашениями с соответствующими органами. Однако законодатель не поясняет, какова юридическая природа упомянутых соглашений.

Межведомственное взаимодействие представляет собой обмен документами и информацией, в том числе в электронной форме, между органами власти, органами государственных внебюджетных фондов в целях предоставления гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг.

Какова же задача такого межведомственного обмена? Основная идея такая: сокращение перечня документов, требуемых от заявителя. И действительно, на сегодняшний день нет необходимости посещать различные органы власти для получения тех или иных документов в бумажном виде – специалисты регистрирующего органа самостоятельно запрашивают необходимые сведения в смежном ведомстве.

На основании чего осуществляется та или иная государственная или муниципальная услуга? Отсюда следует рассмотреть административные регламенты государственных и муниципальных услуг на примере Приказа Министерства труда и социального развития Омской области «Об утверждении Административного регламента предоставления

государственной услуги «Назначение пособия на ребенка» от 18 декабря 2013 года № 220-п [2]. В соответствии с регламентом предоставление государственной услуги включает в себя следующие административные процедуры:

- 1) прием и регистрация заявления и прилагаемых документов;
- 2) формирование и направление межведомственного запроса;
- 3) проведение экспертизы заявления и прилагаемых документов;
- 4) принятие решения о назначении либо об отказе в назначении пособия;
- 5) исправление допущенных опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной услуги документах.

Здесь нас интересует второй и третий этапы. Результатом административной процедуры по формированию и направлению межведомственного запроса является получение специалистом, ответственным за прием, регистрацию заявления и прилагаемых документов, информации в рамках межведомственного информационного взаимодействия и передача данной информации специалисту, ответственному за экспертизу. В дальнейшем сама процедура экспертизы заявления и прилагаемых документов заключается в изучении полученных сведений и принятии на основании этих сведений решения подпадает ли заявитель под требования и условия для получения социальной выплаты или нет. Отсюда, на наш взгляд, и появляется пробел. Рассмотрим на примере судебной практики.

Гражданка Н., реализуя свой преступный умысел на хищение бюджетных средств Омской области, выделенных Министерством труда и социального развития Омской области на выплату форм материальной поддержки – пособия на ребенка, действуя умышленно, из корыстных побуждений, используя свое служебное положение, находясь на рабочем месте, изготовила справку о своих доходах, в которые внесла заведомо ложные сведения, указав существенно заниженный размер своих доходов. Не зная о том, что гражданка Н. предоставила недостоверную информацию о своей заработной плате, скрыла свой доход, сотрудниками МФЦ была назначена и выплачена форма материальной поддержки, пособия на детей [3].

В получении незаконным способом также наименее защищенными являются пенсии по инвалидности. По нашему мнению, такой высокий процент хищений данных видов выплат стал возможен в связи самостоятельного предоставления гражданами пакета документов, на основании которого производится назначение пенсии по инвалидности, а также отсутствия надлежащих проверок документов сотрудниками Пенсионного фонда. Исходя из судебной практики, граждане чаще всего подделывают справку СМЭ о наличии инвалидности или при смене группы инвалидности не сообщают об этом [4].

Участники процедур взаимодействия с МФЦ весьма разнообразны: должностные лица государственных органов (федеральных и региональных), муниципальных органов, государственных (муниципальных) и негосударственных организаций. Ещё одним существенным препятствием налаживания взаимодействия является нежелание ряда властных структур объединять усилия, создавать общие информационные базы данных. Отметим: Закон № 210-ФЗ, предоставив МФЦ право на получение необходимой информации и возложив соответствующие обязанности на государственные (муниципальные) органы, их должностные лица, не установил даже общих правил разрешения подобного рода разногласий. Итак, процедуры взаимодействия -неизбежный элемент всех видов (форм) административных регламентов. Однако система последних в настоящее время неполна.

Одним из недостатков во взаимодействии органов государственной власти является несовершенство правового регулирования. Требуется обновление законодательства, но даже при внесении изменений в административные регламенты проблема не будет решена. Необходимо внедрение единого алгоритма взаимодействия для всех органов государственной власти, так как одни регламенты зачастую в корне отличаются от других, что ограничивает процедуры информационного взаимодействия или же не раскрывают подробно алгоритмы действий, необходимо установить процедуру межведомственного взаимодействия, координацию между ними, что, возможно, устранил проблему фальсификации документов.

Таким образом, необходимо сформировать единую базу для обмена информацией, обеспечить высокую оперативность реагирования и действий при выполнении запросов, обеспечить высокую компетентность и достаточную информированность сотрудников, предоставляющих государственные услуги, а также внести обязанность по проверки соответствия документов.

---

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» . – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Приказа Министерства труда и социального развития Омской области «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги«Назначение пособия на ребенка»» от 18 декабря 2013 г. № 220-п – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Приговор № 1-444/2019 от 25 сентября 2019 г. по делу № 1-444/2019 [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/AOJ4Xf8Xx1Q5/

4. Там же.

ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК, КОМПЕТЕНЦИЯ БАНКА РОССИИ И ПРЕДМЕТ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Д.Е. Кошель

FINANCIAL MARKET, COMPETENCE OF THE BANK OF RUSSIA AND SUBJECT OF FINANCIAL LAW

D.E. Koshel

Рассматривается трансформация подходов к определению предмета финансового права на основе анализа компетенции Банка России в сфере финансовых рынков. Обосновывается тезис о необходимости корректировки круга отношений, составляющих публичную финансовую деятельность. Указывается на непоследовательность позиции законодателя при закреплении функций Центрального банка по регулированию финансовых рынков. Делается вывод о системе отношений, составляющих предмет финансового права.

Ключевые слова: Банк России, финансовый рынок, публичная финансовая деятельность, финансовое право.

The article deals with the transformation of approaches to the definition of the subject of financial law based on the analysis of the competence of the Bank of Russia in the field of financial markets. The thesis about the need to adjust the range of relations that make up public financial activity is substantiated. It is pointed out that the legislator's position is inconsistent when fixing the functions of the Central Bank to regulate financial markets. The conclusion is made about the system of relations that make up the subject of financial law.

Keywords: Bank of Russia, financial market, public financial activity, financial law.

Приобретенный в 2013 г. статус мегарегулятора финансовых рынков привел к существенному изменению полномочий и функционала Банка России – в результате концентрации регулирования, контроля и надзора на финансовых рынках, ранее распределенных по нескольким федеральным органам исполнительной власти. Сложившаяся с начала 1990-х г. (с момента учреждения ФКЦБ России) система распределения полномочий, по сути, сводилась к секторальному регулированию и надзору двумя основными субъектами – ФКЦБ России (с 2003 г. – ФСФР России) и Центральным банком; последний традиционно отвечал за сферу банковского регулирования и надзора. Такое разделение компетенции формально служило оправданием отсутствию законодательно закрепленного понятия финансового рынка: считалось, что финансовый рынок образуют группы экономических отношений, регулируемых ФСФР, в силу прямого указания на сферу полномочий в названии службы. Однако данная логика не подтверждалась содержащимся в Положении о ФСФР [1] определением данной службы как «федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков (за исключением банковской и аудиторской деятельности)...». В итоге понятие и круг

отношений финансового рынка, законодательно не раскрытые, тем не менее достаточно разнообразно формулируются специалистами на научном уровне. Так, Н.И. Химичева определяла финансовый рынок как совокупность форм торговли финансовыми активами: ценными бумагами, кредитами, депозитами, иностранной валютой, в структуру которой включаются фондовый рынок (фондовые биржи), кредитный рынок (банки, инвестиционные и дилерские компании, пенсионные и другие фонды), рынки капитала – страхового, ипотечного, межбанковского, где действуют соответствующие организации [2]. Некорректность приведенной классификации сегментов финансового рынка настолько очевидна, что не требует комментариев. Увы, аналогичные ошибки в формулировании экономических категорий допускаются и многими другими учеными-юристами.

Упомянутая реформа системы регулирования, контроля и надзора на финансовом рынке в ходе её законодательного воплощения должна была ликвидировать неопределенность в закреплении предмета полномочий Банка России и, как следствие, сформировать понятие и структуру финансового рынка в законе. В отсутствие рамочного закона о финансовых рынках, присутствующего в правовых системах многих государств [3], роль такового, с учетом объединения практически всех сфер регулирования в одном субъекте, вполне мог бы сыграть Федеральный закон «О Центральном банке РФ (Банке России)». Однако, к сожалению, этого не произошло.

И если выделение в ст. 3 закона банковской системы из финансового рынка ещё может объясняться её особым значением, требующим акцента на развитии и стабильности кредитной сферы, то дальнейшее разведение двух сегментов вызывает объективные вопросы. В части юридической техники, при расширении полномочий ЦБ РФ, законодатель пошел по простому пути – попросту инкорпорировав в закон специальную главу X.1, названную «Регулирование, контроль и надзор в сфере финансовых рынков». Данное всеобъемлющее наименование указанной главы продолжило традицию внесения путаницы в состав понятия финансовых рынков, описанного выше на примере Положения о ФСФР.

В частности, если исходить из структуры финансовых рынков, включающей кредитный рынок в качестве одного из сегментов, то данное наименование главы X.1 вступает в противоречие с предметом главы X «Банковское регулирование и банковский надзор», появившейся в законе в момент его принятия. Разведение двух видов регулирования и надзора производится законодателем по критерию статуса поднадзорных субъектов: для этого в законе было введено понятие некредитных финансовых организаций – в противовес кредитным организациям. Понятие и перечень финансовых организаций впервые были ранее закреплены Федеральным законом «О защите конкуренции» [4], к ним в том числе были отнесены и кредитные организации. Исходя из этого, законодателю стоило бы систематизировать названные нормативные акты – как в части унификации

понятийного аппарата, так и в аспекте целостности предмета регулирования. Иной подход не способствует формированию четкого предмета полномочий Банка России на финансовом рынке, вносит неопределенность в определение круга компетенции регулятора. К слову, отсутствие системного закрепления базовых правовых категорий – настоящий бич законодательства о финансовых рынках, в силу своей разветвленности страдающего от хаотичных и противоречивых формулировок ключевых понятий финансового рынка в различных, зачастую второстепенных, законах. Кроме упомянутого примера закона о защите конкуренции, стоит упомянуть альтернативное финансовым организациям понятие «организации финансового рынка», используемое Налоговым кодексом РФ, параллельное использование понятий производных финансовых инструментов в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» и финансовых инструментов срочных сделок в Налоговом кодексе и др.

Расширение полномочий Банка России на сферу регулирования, контроля и надзора финансовых рынков также привело к падению «последнего бастиона», сдерживающего расширение предмета отрасли и науки финансового права. Традиционная финансово-правовая «волшебная триада» (образование, распределение и использование), закрепляющая связь отношений, составляющих предмет финансового права, с публичными финансами (фондами), не способна охватить институт правового регулирования финансовых рынков как сферу взаимодействия фондов частного (преимущественно) капитала. И если ранее, до объединения всех сегментов финансового рынка в компетенции Центрального банка, лишь немногие авторы рассматривали данные отношения как финансово-правовые, то в настоящее время указанный подход становится доминирующим в российской финансово-правовой науке. Действительно, учитывая традиционную финансово-правовую «окраску» отношений банковского регулирования и надзора, разграничение предмета финансового права с исключением из него отношений по регулированию и надзору на финансовых рынках представляется нелогичным. Данный вывод, однако, требует заново вернуться к переосмыслению базовой финансово-правовой доктрины, рассматривая предмет финансового права дополнительно как группу управленческих отношений по упорядочению финансовых фондов всех форм собственности, осуществляемому в публичных интересах.

Обострение проблемы охвата частных финансовых отношений предметом финансового права произошло в начале 1990-х гг. в связи с разгосударствлением финансовых секторов, представлявших предмет государственной монополии в советский период: банковского сектора, страхового дела, а также по причине расширения вариантов финансовой деятельности государства как участника рыночных отношений. К последним, в частности, относятся операции органов государственной власти и местного самоуправления (в первую очередь, финансовых) и Центрального банка на финансовом рынке (инвестирование средств резервов, валютные операции,

выпуск ценных бумаг и прочие), диспозитивные по методу регулирования, но реализуемые в публичных интересах, а потому, безусловно, составляющих предмет финансового права. В этом же ряду и финансовые операции субъектов государственной и муниципальной собственности, объединяемых понятием «юридические лица публичного права».

В то же время появление в указанный период целого ряда новых сегментов частных рыночных отношений, наряду с кредитным и страховым рынком, потребовало установления государством правил регулирования и надзора и в этих сферах. Растущий и усложняющийся финансовый рынок потребовал создания специальной системы регулирования, включая организацию специализированного федерального органа исполнительной власти. Отраслевая квалификация же такого нового вида управленческой деятельности свелась к отнесению сферы финансовых рынков к преимущественно административно-правовому регулированию, поскольку стержнем указанной деятельности является установление обязательных требований к участникам рынка, их лицензирование и регистрация, а также надзор, т. е. традиционные административные процедуры.

Определяя предмет финансового права, исследователи традиционно увязывают составляющие его отношения с финансовой деятельностью государства и местного самоуправления, в свою очередь, сводящейся к организации денежного обращения в стране, мобилизации денежных средств в бюджетные и во внебюджетные фонды, их использованию в интересах общества и государства [5]. Однако столь же традиционным является утверждение, что, кроме вышеназванных сфер, в процессе осуществления финансовой деятельности государства возникают и другие общественные отношения: по валютному регулированию, финансовому контролю, страхованию и т. д. И если отнесение бюджетных, налоговых, эмиссионных отношений к публичной финансовой деятельности является аксиомой, то встраивание регулирования рыночных сегментов экономики в систему финансово-правовых категорий оставляет открытым вопрос о границах финансовой деятельности, а точнее, переосмысления её образующего значения для формирования предмета финансового права.

Пример отнесения банковских (публичных) отношений в части, возникающей в процессе деятельности ЦБ РФ по регулированию банковской системы и надзора за ней, к публичной финансовой деятельности позволяет экстраполировать этот принцип на иные группы денежных общественных отношений, подвергающихся управленческому воздействию государства. С исторической точки зрения они формировались значительно позже, чем эмиссионные, налоговые, бюджетные и банковские (публичные), уступали последним по политической значимости и вследствие этого шли (и идут) как бы во втором эшелоне [6]. Все они требуют упорядочения, т. е. организационно-правового воздействия, которое осуществляется посредством финансово-правовых норм. В число таких сфер и включаются

отношения на финансовых рынках, в том числе на рынке страхования, рынке ценных бумаг, валютном рынке и т. д.

Иной подход неоправданно стратифицирует однородные по экономической природе отношения, относя их к различным типам правового регулирования, а зачастую и вовсе оставляя открытым вопрос об отраслевой принадлежности законодательства, регламентирующего контрольно-надзорную деятельность государства в отношении финансовых организаций.

В этой связи необходимо упомянуть и иную наметившуюся тенденцию: увлекшись консолидацией финансовых отношений под крышей финансового права, многие исследователи неоправданно расширяют его предмет, включая в него и отношения сугубо частные, напрямую не связанные с публичными финансами либо функционированием системы государственного регулирования финансов. Так, например, К.А. Смирнов признаёт инвестиционное право подотраслью финансового права, регулирующей общественные отношения в области консолидации, движения, использования, возврата централизованных и децентрализованных фондов (собственных или привлеченных инвестором) денежных средств и иных активов в целях извлечения инвестиционного дохода [7].

В итоге понятие публичной финансовой деятельности как базисной финансово-правовой категории, лежащей в основе определения предмета отрасли, как мы считаем, должно быть скорректировано с учетом требований современного периода развития публичных финансов – как в части границ такой деятельности и круга субъектов публичного права, её реализующих, так и в отношении сфер правового регулирования и контрольно-надзорных полномочий.

Исходя из вышеуказанного, публичная финансовая деятельность представляет собой:

1) деятельность государства по выпуску денежных знаков и организации денежного обращения;

2) деятельность по мобилизации денежных средств в государственные и фонды, распределению и использованию их в интересах общества и государства;

3) управленческую деятельность государства по упорядочению функционирования финансового механизма и обращения финансовых активов, по регулированию, контролю и надзору деятельности финансовых организаций, финансовому планированию и контролю финансовых операций;

4) экономическую деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, юридических лиц публичного права, направленную на формирование и использование финансовых ресурсов публичных форм собственности.

---

1. Постановление Правительства РФ от 29.08.2011 № 717 (ред. от 12.07.2017) «О некоторых вопросах государственного регулирования в сфере финансового рынка

Российской Федерации» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовым рынкам»)//СЗ РФ. – 2011. – № 36. – Ст. 5148.

2. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. – М., 2008. – С. 26.

3. См., напр.: Закон Украины от 12 июля 2001 г. № 2664-III «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг»// Ведомости Верховной Рады Украины. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О защите конкуренции»// СЗ РФ. – 2006. –№ 31 (1 ч.). –Ст. 3434.

5. Финансовое право: учебник/ отв. ред. С.В. Запольский. – М., 2016. – С. 25.

6. См.: *Ашмарина Е.М.* Некоторые аспекты расширения предмета финансового права в Российской Федерации. – М., 2004.

7. Финансовое право: учебник/ отв. ред. С.В. Запольский. – М., 2016. – С. 337.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВА ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.А. Кузнецов

INVESTIGATIVE ACTIONS AS A BASIS FOR OVERCOMING COUNTER-INVESTIGATION OF CRIMES

A.A. Kuznetsov

При оказании противодействия расследованию следователю приходится принимать решение о очередности производства следственных действий и выбирать наиболее эффективные тактические приемы при их проведении. Тактическое решение связано с обнаружением признаков оказания противодействия, их фиксации. Получение, исследование, оценка и использование доказательственной информации наиболее оптимально при проведении следственных действий.

Ключевые слова: *противодействие, расследование, признаки, следственные действия*

In countering the investigation, the investigator has to make a decision on the order of the investigation and choose the most effective tactics in their conduct. Tactical solution is associated with the detection of signs of resistance, their fixation. Receiving, researching, evaluating and using evidence is best for investigative activities.

Keywords: *counter-attack, investigation, signs, investigative actions*

Существование различных видов преступлений предполагает и своеобразные методы их раскрытия, расследования. Сколько существуют способы совершения преступлений непременно будут проявляться приемы противодействия расследованию. Можно с уверенностью сказать, что от вида совершенного преступления и возможностей субъекта противодействия различаются способы оказания воздействия на процесс расследования по уголовному делу. О существовании такой тенденции заявляют многие криминалисты [1], и в дальнейшем такая тенденция сохранится.

За последние годы создано немало научных рекомендаций по преодолению противодействию расследования, заметна тенденция их разработки применительно к отдельным видам преступлений [2], а также формирования нового криминалистического учения – учения об упреждении, выявлении и преодолении противодействия раскрытию, расследованию преступлений и судебному разбирательству [3]. Проведенные исследования позволили Б.Я. Гаврилову и В.П. Лаврову обратить внимание на закономерности противодействия расследованию. Авторами названы некоторые из них, наиболее типичные: 1) зависимость способа противодействия (как и методов его доказывания) от вида преступления; 2) связь способа противодействия и степени организованности преступной группы (преступного формирования); 3) зависимость способа противодействия от особенностей личности субъектов противодействия; 4)

зависимость способа противодействия от характера и содержания следственной ситуации [4]. Именно в данных направлениях будет продолжаться разработка мер по преодолению противодействия раскрытия, расследованию преступлений.

Признаки противодействия выявляются, как правило, в процессе расследования. В тех случаях, когда о возможном противодействии становится известно в результате оперативно-розыскных мероприятий, то это учитывается при определении оснований для возбуждения уголовного дела или процесс сопровождения расследования будет обеспечиваться оперативными возможностями органов внутренних дел. Следовательно, приступая к процессу расследования, как правило, не ставит перед собой цель выявления признаков противодействия. Речь идет о получении доказательственной информации, позволяющей конкретное лицо привлечь к уголовной ответственности за совершенное преступление. В то же время, понимая, что противодействие расследованию возможно, следователь (дознатель) обязан прогнозировать развитие ситуации и быть готовым к нейтрализации противодействия или его преодолению всеми возможными средствами. Тактические возможности преодоления противодействию расследования появляются на различных этапах, начиная с проверки сообщения о преступлении и заканчивая окончанием предварительного расследования, предполагая возможные негативные последствия во время судебного заседания. Их реализация возможна путем проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, процессуальных действий, организационных мероприятий. С учетом того, что основа доказательственной информации закладывается именно в процессе следственных действий, следует воспринимать их проведение как основу для организации иных мер по выявлению и преодолению противодействия расследованию, не умоляя возможностей как оперативно-розыскных, так и организационных мероприятий.

Оценивая поступающую информацию, следователь определяет наличие различных форм, способов противодействия (в том числе с учетом оперативно-розыскной информации) и принимает самостоятельное решение о направлениях дальнейшего расследования. Наибольшее значение в таких случаях имеют типичные признаки оказываемого противодействия в зависимости от вида совершённого преступления или возможностей лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Под признаками противодействия расследованию понимаются различные проявления существующих приемов и способов уклонения от ответственности, желания создать препятствия для расследования по уголовному делу, дальнейшего судебного разбирательства. Наиболее ярко проявляются такие признаки при проведении следственных действий.

Признаки противодействия могут носить общий характер и проявляться без относительно этапа расследования либо иметь специфический характер, когда следователь выявляет их наличие при

проведении конкретных следственных действий. Прежде всего признаки противодействия проявляются в поведении отдельных лиц в процессе расследования либо в изменении обстановки, характеризующей основные направления расследования. В последнем случае речь идет о вмешательстве руководства оценивать перспективность результатов полученных доказательств, проведение журналистских расследований, непосредственное давление на следователя (дознателя) с целью изменения объема обвинения, избрания меры пресечения и т. п.

В обобщенном виде перечень типичных признаков можно представить следующим образом:

1. Признаки, которые проявляются в нежелании общения с правоохранительными органами:

- переезд в другую местность, чтобы скрыть свою осведомленность о совершенном преступлении или о его участниках;

- уклонение от явки в правоохранительные органы из-за нежелания сотрудничать;

- уклонение от участия в следственных действиях из-за боязни мести или по иным личным мотивам;

- запрет на выход членов семьи на улицу из дома либо вывоз их за пределы региона без наличия на то оснований;

- проявление внезапной замкнутости в образе жизни;

- не предоставление по различным надуманным причинам различного рода документов или предметов, которые истребует следователь (дознатель);

2. Признаки, проявляющиеся в процессе производства следственных действий:

- при дачи ложных показаний;

- при отказе от дачи показаний;

- при отказе от подписания протокола или проявления нежелания участвовать из-за использования технических средств фиксации;

- при невозможности указать источник своей осведомленности либо отказ от дачи детальных показаний по отдельным эпизодам, использование в обороте слов, имеющих общее значение (не позволяющих охарактеризовать объект или поведение отдельных лиц);

- использование терминов и словесных оборотов, свидетельствующих о том, что лицо заранее готовилось к даче показаний;

- сокрытие информации, которая должна быть известна лицу, дающему показания, исходя из обстоятельств уголовного дела;

- сообщение информации, которая положительно характеризует личность преступника либо создает мнение о том, что он не причастен к совершению преступления, хотя указанные сведения находятся в явном противоречии с обстоятельствами дела;

- выявление фактов сокрытия или уничтожения материальных носителей информации как лицами причастными к совершению преступления, так и их связями;

3) признаки, которые проявляются в поведении отдельных участников уголовного процесса, связанные с оказанием влияния на следователя:

- установление контакта с лицами, имеющих отношение к правоохранительным органам с целью повлиять на процесс расследования;

- совершение действий, направленных на установление неофициального контакта с лицом, осуществляющим расследование по уголовному делу, с целью вовлечения в поступки, связанные с коррупцией;

- заявление необоснованных жалоб на действия сотрудников правоохранительных органов;

- создание повышенного внимания общественности (средств массовой информации), властных структур к результатам проводимого расследования;

При этом следует подчеркнуть, что типичные признаки оказания противодействия могут существенным образом отличаться друг от друга в зависимости от вида совершённого преступления [5]. В процессе проведения следственных действий следователь (дознатель) анализирует совокупность типичных признаков, направленных на противодействие расследованию, и принимает решение о их нейтрализации или преодолении. В том случае, когда признаки противодействия установлены возникает необходимость в их конкретизации и выработке комплекса тактических приемов, направленных на их фиксацию в процессуальных документах для определения способов противодействия и выявления конкретных лиц, причастных к данному процессу.

Среди следственных действий, при проведении которых наиболее оптимально возможно достичь установления и преодоления противодействия расследованию являются: допрос (свидетелей, подозреваемых); осмотр места происшествия, осмотр предметов, документов; обыск; предъявления для опознания; очные ставки. По отдельным группам преступлений можно выделить контроль и запись переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, назначение и производство экспертиз. При этом, как подчеркивают В.П. Лавров, а также И.В. Тишутина, деятельность по преодолению противодействия расследованию может осуществляться в двух направлениях: пресечение противодействия и поиск альтернативных источников доказательственной информации [6]. На практике такие направления реализуются одновременно [7]. И здесь достаточно важно обратить внимание на соблюдение технологии расследования, на объективизацию процесса доказывания, под которой М.Б. Вандер понимает методическую направленность действий участников предварительного расследования по установлению и закреплению сведений об обстоятельствах дела с помощью комплекса объективных мер, которые способствуют защите

установленных сведений от необоснованного дезавуирования, ложных изменений, опровержения, фальсификации, подмены [8].

Тактика проведения указанных следственных действий определяется поставленными задачами и достаточно представлена в криминалистической литературе [9]. Имеются работы, непосредственно посвященные тактическим приемам их проведения [10].

Таким образом, следует констатировать, что выбор мер преодоления противодействия зависит от вида совершённого преступления, способов оказания воздействия на доказательственную информацию, их продолжительности. Следственные действия способствуют выявлению такого противодействия благодаря использованию тактических приемов, воздействуя на субъектов противоправной деятельности. Совершенствование тактики проведения следственных действий является основой преодоления противодействия.

---

1. Криминалистика учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, 2008. – 943 с.; Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 944 с.

2. *Косынкин А.А.* Преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: монография / под ред. Н.А. Подольного. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 216 с.; *Рахматулин Р.Р.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений в сфере сельского хозяйства и методы его преодоления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 224 с.; *Головина Е.В.* Противодействие предварительному расследованию должностных преступлений и криминалистические особенности его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – Тула, 2019. – 251 с.

3. *Рахматулин Р.Р.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика упреждения, выявления и преодоления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 224 с.

4. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ.ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 19 (Серия: Специалист).

5. *Щеголева М.В.* Противодействие расследованию незаконного оборота оружия и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 190 с.; *Ремизов С.М.* Противодействие расследованию дорожно-транспортных преступлений и криминалистические методы их преодоления: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 23 с.

6. *Лавров В.П.* Противодействие раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений и криминалистические методы их нейтрализации // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций: учеб.пособие для вузов / под ред. проф. В.П. Лаврова. – М.: Закон и право, 2003. – С. 98.

7. *Тишутина И.В.* Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 233.

8. *Вандер М.Б.* Особенности расследования преступлений в современной криминальной обстановке // Вестник криминалистики. – 2003. – № 3(7). – С. 11.

9. *Баева Э.У.* Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 226–257.
10. *Аксенова Л.Ю., Анешева А.Т.* Тактические приемы производства допроса // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 80–85.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В ОБОСОБЛЕННЫХ СПОРАХ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

В.А. Кузьмина

THE PROCEDURAL STATUS OF CONTROLLING PERSONS ON DETACHED DISPUTES IN THE BANKRUPTCY CASES

V.A. Kuzmina

Рассмотрены вопросы процессуальных правомочий лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве. Автор заключает, что законодательство о банкротстве не позволяет указанным лицам самостоятельно инициировать обособленные споры, но допускает обжалование судебных актов, принятых по обособленным спорам, инициированным другими лицами, рассмотрены условия, при которых допускается обжалование судебных актов.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, обжалование.

The article reviews rights of controlling persons bringing to subsidiary liability by bankruptcy legislation to initiate detached disputes or to appeal of judgments in the bankruptcy cases. The author concludes that actual federal legislation does not allow controlling persons to initiate the detached disputes, but permits to appeal of judgments on disputes initiated by any other interested party. The article explains the conditions for such an appeal.

Keywords: bankruptcy, subsidiary liability, appeal of judgments.

С введением в Федеральный закон № 127–ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» главы III.2. «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» законодатель определил процессуальный статус лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности. Так, согласно ст. 61.15 Закона лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчик по этому заявлению [1]. Из буквального толкования указанной нормы права следует, что лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по данному заявлению. При этом процессуальный статус лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, в рамках иных обособленных споров по делам о несостоятельности (банкротстве) законодателем не определен. Между тем, в настоящее время наблюдается ситуация, когда лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, при подаче в отношении них соответствующих заявлений предпринимают активные действия, направленные на уменьшение размера ответственности, путем обращения в суд с жалобой на действия арбитражного управляющего, с заявлением об оспаривании сделок

должника, подачи апелляционных жалоб на определения, вынесенные по результатам рассмотрения обоснованности требований кредиторов должника.

Согласно общим положениям законодательства о банкротстве полномочия по подаче в суд заявлений, обжалованию судебных актов обусловлены процессуальным статусом лиц, участвующих в деле о банкротстве, в отдельных случаях процессуальным статусом лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве. Поскольку лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, имеют процессуальный статус лица, участвующего в деле о банкротстве, только в рамках рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении их к субсидиарной ответственности, возникает вопрос, позволяет ли им их процессуальный статус подавать заявления, жалобы при рассмотрении иных обособленных споров. В судебной практике на данный вопрос однозначного ответа нет.

Одним из распространенных случаев участия лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, в иных обособленных спорах является подача ими жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего, мотивированной тем, что в результате ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим обязанностей конкурсная масса сформирована не в полном объеме и это влияет на размер ответственности. В судебной практике встречается подход, согласно которому наличие интереса у контролирующего должника лица в должном формировании конкурсной массы конкурсным управляющим, негативные последствия ненадлежащего исполнения которым своих обязанностей могут быть переложены на контролирующее лицо, обуславливает наличие у такого лица права на обжалование соответствующих действий арбитражного управляющего. В таком случае лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, вправе обжаловать не любые действия арбитражного управляющего, а только те, совершение либо не совершение которых может повлиять на формирование конкурсной массы.

С данным подходом сложно согласиться, поскольку в соответствии с положениями Закона о банкротстве правом на подачу жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего обладают кредиторы и должник, основанием для подачи такой жалобы выступает нарушение их прав и законных интересов обжалуемыми действиями арбитражного управляющего. Исключений из данного правила законодателем не установлено. Кроме того, не ясно, какие права контролирующего должника лица могут быть нарушены действием (бездействием) арбитражного управляющего, учитывая, что при рассмотрении заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности устанавливаются наличие оснований для привлечения к ответственности и размер такой ответственности. Лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, в рамках обособленного спора по заявлению о привлечении к ответственности обладает всеми

правами по доказыванию своих возражений, позволяющими защищаться против необоснованного требования, а при установлении размера ответственности закон предусматривает возможность его уменьшения в предусмотренных случаях. Действия арбитражного управляющего влияют на формирование конкурсной массы, что, в свою очередь, определяет размер ответственности, однако при отсутствии оснований для привлечения контролирующего должника к субсидиарной ответственности действия (бездействие) арбитражного управляющего, направленные на формирование конкурсной массы, никак не будут затрагивать права такого лица, и, наоборот, в случае наличия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лицо должно нести ответственность за совершение (не совершение) неправомерных им действий в соответствии с законом. При этом необходимо учитывать, что добросовестный руководитель должника не должен допустить ситуации доведения организации до банкротства, должен вовремя предпринять меры по выходу организации из трудного финансового положения и при наличии оснований своевременно обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, что исключает возможность привлечения такого лица к субсидиарной ответственности. Интерес в обжаловании действий арбитражного управляющего с целью изменения размера ответственности присущ недобросовестному руководителю должника, в действиях которого усматривается наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, в связи с чем право на обжалование действий арбитражного управляющего предоставляет таким лицам возможность для злоупотребления правом, выраженное в затягивании процесса по привлечению к ответственности, попытке переложить свою ответственность на другое лицо, что является недопустимым. Наличие одного такого интереса не может являться основанием для обжалования действий арбитражного управляющего, иной подход противоречит положениям действующего законодательства. Законодатель указал на наличие у лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, прав и обязанностей лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчика по заявлению о привлечении к ответственности. Процессуальный статус таких лиц не предусматривает возможность инициирования ими иных обособленных споров в деле о банкротстве, либо участие в них в качестве заинтересованных лиц. В этой связи представляется неверным подход, согласно которому суды предоставляют контролирующим должника лицам возможность подавать жалобы на действия (бездействия) арбитражного управляющего.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что определенный в законе процессуальный статус лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, не позволяет им инициировать обособленные споры в делах о банкротстве. Любые попытки расширить данное положение противоречат действующему законодательству и наделяют контролирующих должника лиц большими правами, чем предусмотрено законодателем. Лица, привлекаемые

к субсидиарной ответственности, могут безответственно относиться к выполнению своих обязанностей, зная, что в случае подачи заявления о привлечении их к ответственности, у них имеется большой спектр полномочий, в том числе по подаче в суд заявлений, влияющих на изменение размера ответственности. Такое поведение контролирующих должника лиц является недопустимым.

Если говорить о правомочии лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, на подачу апелляционных жалоб на судебные акты, принимаемые в рамках дела о банкротстве, то можно отметить следующее.

В судебной практике нередки случаи обжалования лицами, привлекаемыми к субсидиарной ответственности, судебных актов, принятых судом в рамках иных обособленных споров, например, по заявлению о включении требования в реестр требований кредиторов должника, о процессуальной замене кредитора в реестре, об оспаривании сделок должника. Обжалование судебных актов по иным обособленным спорам в конечном счете направлено на изменение размера субсидиарной ответственности, поскольку размер ответственности напрямую зависит от суммы непогашенных требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника.

Представляется, что лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, вправе обжаловать судебные акты, принимаемые в рамках обособленных споров, как лица, о правах и обязанностях которых принят судебный акт. При этом обжалуемый судебный акт должен действительно затрагивать их права и обязанности. Например, необоснованное включение или нахождение в реестре требований кредиторов должника требования кредитора увеличивает сумму задолженности, что в случае отсутствия имущества, достаточного для погашения требований кредиторов, влияет на размер субсидиарной ответственности. При подаче жалобы на определение суда по заявлению об оспаривании сделки должника основанием может выступать то обстоятельство, что оспариваемая сделка положена конкурсным управляющим в основу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности.

Поскольку заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности подается, как правило, по истечении значительного периода времени после введения процедур банкротства и закрытия реестра требований – после формирования конкурсной массы и установления факта её недостаточности для погашения требований кредиторов должника, – то такие лица начинают активно обжаловать судебные акты, принимаемые в деле о банкротстве, с пропуском срока на их обжалование. В этой связи необходимо определить срок, в течение которого лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, могут обжаловать судебные акты по делу о банкротстве, а именно дату, когда лицо узнало или могло узнать о нарушении судебным актом его прав и обязанностей. В зависимости от того, какой судебный акт обжалуется, такая дата

определяется по-разному. Принимая во внимание, что к субсидиарной ответственности привлекаются контролирующие должника лица, которыми преимущественно являются бывшие руководители должника, необходимо учитывать, что при добросовестном осуществлении руководителем своих функций ему должно быть известно о кредиторах должника, в том числе недобросовестных. Также разумный руководитель должен обладать информацией о достаточности имущества для погашения имеющейся кредиторской задолженности, и в случае недостаточности имущества должника должен осознавать возможность привлечения к субсидиарной ответственности. Данные обстоятельства позволяют лицам, привлекаемым к субсидиарной ответственности, своевременно защищать свои права, что должно учитываться при решении вопроса о восстановлении пропущенного срока на обжалование. Также необходимо понимать, что необоснованное восстановление процессуального срока порождает правовую неопределенность для лиц, участвующих в деле о банкротстве, и создает условия для злоупотребления правом контролируемыми должником лицами, которые при осуществлении функций руководителя должника могут с недостаточной ответственностью относиться к своим обязанностям, интересам должника – юридического лица, рассчитывая на то, что при подаче в отношении них заявления о привлечении к ответственности ими в любое время смогут быть обжалованы судебные акты, влияющие на размер ответственности; при включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов не заявлять какие-либо возражения против обоснованности требований в процедуре наблюдения, не сообщать конкурсному управляющему сведения о недобросовестных кредиторах, а в дальнейшем по истечении значительного периода времени инициировать обжалование судебных актов по делу о банкротстве, срок на обжалование которых будет восстановлен судом.

Такая ситуация может породить осуществление судом ревизии ранее принятых им судебных актов, что негативно отразится на проведении процедуры банкротства, качестве правосудия, повлечет возникновение новых споров, увеличит нагрузку на суд, создаст препятствия в исполнении судебных актов в разумный срок.

Таким образом, определенный в законе процессуальный статус лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, не позволяет им инициировать обособленные споры в деле о банкротстве, однако такие лица могут обжаловать судебные акты, принятые в рамках обособленных споров, как лица, о правах и об обязанностях которых принят судебный акт.

---

1. СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

ВАЖНОСТЬ ОЦЕНКИ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕМ³

К.В. Маслов

THE IMPORTANCE OF AN ASSESSMENT OF THE NATIONAL TAX SECURITY IN THE STATE TAX GOVERNANCE MECHANISM

K.V. Maslov

Определение системы показателей налоговой безопасности государства характеризуется как важная правовая и управленческая задача. Приводятся признаки таких показателей. Выделяется система показателей, включающая общие и специальные, среди которых подробно описаны управленческие экономические и юридико-технические индикаторы налоговой безопасности.

Ключевые слова: индикатор; налоговая безопасность; налоговое администрирование; управление налогообложением; эффективность налогового администрирования.

Determining the system of indicators of national tax security is characterized as an important legal and administrative task. Signs of such indicators are given. The system that includes general and special (administrative, economic and legal-technical) indicators of tax security is described in detail.

Keywords: indicator; tax security; tax administration; tax governance; efficiency of tax administration.

Состав и интенсивность угроз налоговой безопасности непрерывно видоизменяются, что требует корректировки способов противодействия таким угрозам. Потому насущной управленческой задачей выступает оценка налоговой безопасности в отдельно взятом государстве на текущем отрезке времени. Такая оценка, равно как и определение эффективности принимаемых организационных и правовых мер по обеспечению налоговой безопасности государства, невозможны без использования системы верифицируемых показателей – индикаторов. «Сущность управления требует налаженного механизма целеполагания» [1]. Потому определение системы индикаторов выступает важной юридической и управленческой задачей, тесно связанной с проблематикой целей правового регулирования и качества государственного управления налогообложением. При этом как в юридической, так и в экономической литературе отсутствует консенсус в понимании сущности индикаторов налоговой безопасности и их структуры.

---

³Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-11-00292 «Правовое обеспечение налоговой безопасности государства в условиях международной экономической интеграции».

Индикаторы (лат. indicator – «указатель») налоговой безопасности государства можно определить систему качественно обособленных и имеющий количественную характеристику показателей, позволяющих оценить вероятность поступления в бюджет налоговых платежей, достаточных для финансирования всех функций и задач государства и муниципальных образований, как в текущем периоде, так и в перспективе.

Такие индикаторы производны от характеризующих безопасность ценностей и воздействующих на них угроз.

Качественные и количественные характеристики индикаторов безопасности позволяет выявить метод экспертных оценок [2].

Ряд ученых важнейшими критериями налоговой безопасности считают стабильность и «максимум налоговых поступлений в бюджет государства» [3]. С таким подходом сложно согласиться, поскольку максимальные налоговые поступления, тем более стабильно максимальные (на протяжении некоторого периода времени) неизбежно приведут к уничтожению налоговой базы экономических субъектов, а значит, в конечном счете станут представлять угрозу налоговой безопасности. При этом Президент России справедливо называет создание максимально благоприятных условия для развития экономики общенациональной, государственной задачей, особую роль в решении которой играют сотрудники правоохранительных органов [4].

Некоторые ученые считают, что состояние финансовой безопасности достигнуто, когда поступающих ресурсов достаточно «для поддержания необходимого уровня экономической и военной безопасности страны» [5]. Такой подход представляется спорным, поскольку, с одной стороны, критерий достаточности ресурсов для поддержания необходимого уровня экономической безопасности не вносит ясности в сущность индикатора, с другой же, финансовая (и налоговая) безопасность призвана не только поддерживать оборонный потенциал страны, но обеспечивать в целом благополучие общества.

Ю.В. Савин подразделяет индикаторы экономической безопасности на производственно-финансовые и социально-демографические индикаторы [6]. Такая классификация применима и к индикаторам налоговой безопасности. Положенный в её основу критерий можно именовать сущностью индикатора. Вместе с тем выделенные автором виды не являются исчерпывающими, они не охватывают весь объем индикаторов. Наиболее полно многообразие индикаторов налоговой безопасности в зависимости от сущности, на наш взгляд, характеризует их деление на: собственно налоговые, прочие внутриэкономические, внешнеэкономические, управленческие, юридико-технические, социально-демографические, технологические, военные, политические, климатические.

Плодотворной представляется идея о взаимосвязи индикаторов налоговой безопасности и выполняемых налогами функций. В этом свете новый смысл приобретает деление индикаторов на прямые и косвенные.

Прямыми (специальными) можно именовать индикаторы, отражающие реализацию фискальной функции налоговой системы, которая влияет на состояние исключительно налоговой безопасности. Косвенными (общими)– связанные с реализацией регулирующей функции налоговой системы, посредством которой происходит воздействие также на иные компоненты экономической безопасности (уровень социального расслоения, конкуренции и т. п.), а также обратная детерминация.

Анализ взглядов ученых [7] позволяет выделить признаки таких показателей: общих – отражение независимости, устойчивости и развития национальной экономики и целей развития страны и её регионов; характеристика достаточности экономических ресурсов для эффективного выполнения функций государства, особенно в оборонной и социальной сферах; отражение эффективности государственного управления налогообложением; возможность оценки существенных изменений в измеряемых системах; возможность количественной оценки; взаимосвязь друг с другом.

Общие индикаторы налоговой безопасности государства можно выявить путем анализа затрагивающих налоговую систему показателей экономической безопасности. Среди критериев экономической безопасности, нормативно закрепленных в первое десятилетие существования Российской Федерации ещё в постановлении Правительства РФ от 27.12.1996 № 1569 (формально действующем), к общим индикаторам налоговой безопасности можно отнести способность экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства; уровень бедности, имущественной дифференциации населения и безработицы, максимально допустимые с позиций социально-экономической стабильности общества, устойчивость финансовой системы. Последний критерий ещё предлагают именовать устойчивостью развития национальной финансовой системы [8]. Как было указано в стратегии экономической безопасности, утвержденной в 1996 г., «устойчивость финансовой системы определяется уровнем дефицита бюджета, стабильностью цен, нормализацией финансовых потоков и расчетных отношений, устойчивостью банковской системы и национальной валюты, степенью защищенности интересов вкладчиков, рынка ценных бумаг, снижением внешнего и внутреннего долга и дефицита платежного баланса, обеспечением финансовых условий для активизации инвестиционной деятельности». Вместе с тем приведенные критерии описаны самым общим образом, потому неудивительно что в последующие годы на нормативном уровне они были заменены более конкретными.

Из числа показателей, отраженных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683), к общим индикаторам именно налоговой безопасности государства можно отнести валовый внутренний продукт на душу населения и уровень безработицы (непосредственно влияющий на поступления налога на доходы физических лиц).

А.И. Илларионов справедливо отмечает, что важнейшими показателями экономической безопасности выступают, во-первых, «уровень экономического развития страны, определяемый величиной производимого валового внутреннего продукта на душу населения», во-вторых, экономический рост, характеризуемый величиной темпов прироста (падения) валового внутреннего продукта на душу населения [9]. Данные показатели важны и для налоговой безопасности, поскольку определяют динамику развития налоговой базы и в конечном счете перспективу поступления налоговых доходов в бюджеты. Применительно к налоговой безопасности этот показатель можно дополнить индикатором общей налоговой нагрузки (рассчитываемой как соотношение всех налогов, сборов и страховых взносов, или налоговых доходов) к валовому внутреннему продукту страны [10], поскольку «налоговое бремя и среднедушевой валовой внутренний продукт – это корреспондирующие понятия» [11].

Путем анализа выделенных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. показателей её состояния можно дополнительно выделить следующие общие (доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте, индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», оборот розничной торговли) и специальные индикаторы налоговой безопасности государства: дефицит федерального бюджета, в том числе ненефтегазовый дефицит федерального бюджета; дефицит консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации; уровень налоговой преступности, уровень собираемости налоговых платежей. Специальные индикаторы налоговой безопасности должны отражать достаточность собираемых в бюджеты всех уровней налоговых доходов для выполнения публичных функций и задач. Потому перечень прямых индикаторов необходимо дополнить следующими управленческими, экономическими и юридико-техническими показателями.

Управленческие показатели являются ключевыми для оценки налоговой безопасности государства, поскольку качества государственного управления налогообложением и экономическими процессами, в целом, напрямую определяют состояние экономической и иных систем государства как объектов управления, а значит, и величину экономических, социально-демографических и иных показателей. Яркий пример тому является опыт экономического развития государств-соседей с аналогичными климатическими и историческими условиями развития: Доминиканская Республика и Республика Гаити, КНДР и Республика Корея. К числу управленческих индикаторов налоговой безопасности государства можно отнести эффективность бюджетного планирования и налогового администрирования. В случае неверного прогнозирования бюджетных расходов даже при высоких показателях сбора налоговых доходов полученных доходов не будет достаточно для выполнения функций и задач государства. Ошибки при планировании размера налоговых доходов приведут к

искусственному занижению иных показателей налоговой безопасности, таких, как собираемость налогов, исполнение бюджета с дефицитом. Выявленные закономерности подчеркивают взаимосвязь между государственным управлением налогообложением и бюджетом, а также необходимость координации между ними в обеспечении налоговой безопасности государства и национальной безопасности в целом.

К числу управленческих индикаторов могут быть отнесены: уровень собираемости налогов (в сравнении как с запланированным в бюджете [12], так и максимальным размером, исходя из оценки налоговой базы), уровень налоговой задолженности, уровень затрат государства на налоговое администрирование в пересчете на налоговые доходы, суммы налогов и сборов доначисленных по результатам проверок и подтвержденных судами [13].

Для повышения эффективности государственного управления налогообложением в России существуют значительные резервы. По масштабам использования информационных технологий в налоговом администрировании Россия находится на лидирующих позициях в мире, по оценке независимых экспертов. Однако по показателю PayingTaxes, который отражает эффективность налоговой системы, в рейтинге DoingBusiness 2020 г. Россия занимает 58 место.

Среди экономических можно выделить: уровень налогового потенциала территории, соотношение уровня налоговой нагрузки и уровня ВВП (ВРП), соотношение среднеотраслевой налоговой нагрузки и среднеотраслевой рентабельности [14], соотношение обложенных налогом и реальных доходов населения; соотношение расходов на потребление и задекларированных доходов населения, уровень скрытой занятости населения [15], уровень «налоговых расходов» (потерь от налоговых льгот).

К числу специальных юридико-технических индикаторов можно отнести количество пробелов и коллизий в законодательстве, регулирующем отношения в сфере налогообложения, а также количество изменений такого законодательства в течение календарного года.

В правовом государстве необходимым условием обеспечения безопасности в любой сфере, её важнейшим косвенным индикатором, является закрепление соответствующих ценностей в Основном законе. Как отмечает А.Н. Кокотов, именно конституционное право призвано ставить цели для иных отраслей права, закрепляя базовые для них ценности [16].

Высшей ценностью Конституция РФ объявляет права и свободы человека (ст. 2), а целью государственной политики – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7). Потому неотъемлемым элементом системы индикаторов налоговой безопасности государства выступает уровень инвестиций в развитие человеческого капитала. В настоящее время в рейтинге стран по индексу человеческого развития (показатель, в расчете которого участвуют практически те же элементы, которые характеризуют человеческий капитал)

Россия занимает лишь 49 место в мире [17]. Высокий уровень налогообложения, дестимулирующий экономическую активность населения, а равно сбалансированный бюджет за счет отказа от государственных инвестиций в здравоохранение и образование в перспективе неизбежно подрывают налоговую базу государства, а значит, угрожают налоговой безопасности государства.

Потому индикаторы налоговой безопасности государства должны включать показатели обеспечения экономических потребностей всех социальных групп на основе консенсуса. Как отмечал Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 июля 2003 г. № 12-П, законодатель должен учитывать не только публичный интерес государства, связанный с его экономической безопасностью, но и частные интересы физических и юридических лиц.

Необходимость использования индикаторов в процессе обеспечения налоговой безопасности органами государственного управления требует выбора адекватной системы методов их оценки. Определение количественного выражения таких показателей является прерогативой экономической науки.

Прогнозный анализ влияния правовых актов на динамику индикаторов экономической безопасности необходимо проводить не только применительно к законам и важнейшим правительственным решениям, как предлагал академик В.К. Сенчагов [18], но и к иным нормативным правовым актам управления. Учет пороговых значений важен и на региональном уровне [19]. Поскольку индикаторы налоговой безопасности позволяют наглядно оценить состояние объекта государственного управления при принятии любых управленческих решений в налоговой сфере, считаем правильным предусмотреть в регламенте Правительства РФ, внутреннем регламенте Минфина России и ФНС России, а также финансовых органов субъектов федерации и муниципальных образований обязательность проведения мониторинга данных показателей, а также моделирование изменения их значений вследствие реализации актов государственного управления налогообложением.

-
1. *Атаманчук Г.В.* Управление – фактор развития (размышления об управленческой деятельности. – М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2002. – С. 83.
  2. *Шкварок В.М.* Теоретические основы и классификация угроз экономической безопасности России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2009. – С. 7.
  3. *Лазарева Н.П., Зуева К.А.* Налоговая безопасность: понятие, сущность, цели и функции // Наука и современность. – 2016. – № 47. – С. 204.
  4. *Игорев А.* Полиции указали путь в экономику // Коммерсантъ. – 2019. – 1 марта. – С. 3
  5. *Клоков Е.А.* Финансовая безопасность государства: сущность и современные угрозы // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. № 2. – С. 44–45.

6. *Савин Ю.В.* Обеспечение экономической безопасности в бюджетно-налоговой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2011. – С. 19–20.
7. *Алешин В.А., Овчинников В.Н., Чельшева Э.А.* Системная парадигма обеспечения налоговой безопасности России и ее регионов // *TerraEconomicus*. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 23.
8. *Поветкина Н.А.* Национальная безопасность Российской Федерации: финансово-правовые условия обеспечения // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. – 2017. – № 8. – С. 18.
9. *Илларионов А.* Критерии экономической безопасности // *Вопросы экономики*. – 1998. – № 10. – С. 49.
10. *Афанасьева Л.В.* Бюджетно-налоговая безопасность: страны G7 и Россия // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. – 2015. – № 1. – С. 59; *Тимошенко О.В.* Вплив системи оподаткування підприємства на економічну безпеку держави // *БІЗНЕСІНФОРМ*. – 2014. – № 9. – С. 237.
11. *Пономарев А.И., Пономарев М.А., Топоров И.В.* Налоговая безопасность как компонента экономической безопасности // *Государственное и муниципальное управление. – Ученые записки СКАГС, 2015. – № 3. – С. 231.*
12. *Чурсина И.А.* Налогообложение: история и современность // *Налоги (журнал)*. – 2008. – № 3(2).
13. *Алешин В.А., Овчинников В.Н., Чельшева Э.А.* Указ. соч.
14. *Миронова О.А.* Налоговая безопасность: развитие теории, методологии и практики // *Инновационное развитие экономики*. – 2016. – № 3-1(33). – С. 90–97.
15. *Налоговое право России: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина*. – М.: Норма, 2003. – С. 336–337.
16. *Кокотов А.Н.* Конституционное право в российском праве. Понятие, назначение и структура // *Правоведение*. – 1998. – № 1. – С. 18.
17. Доклад о человеческом развитии 2016./ Официальный сайт Программы развития Организации Объединенных Наций. – URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf (дата обращения: 09.08.2017).
18. *Сенчагов В.* Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // *Вопросы экономики*. – 2001. – № 8. – С. 79.
19. *Майорова Е.Н.* О критериях обеспечения экономической безопасности России // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. – 2016. – № 4. – С. 28.

НОВЕЛЛЫ В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Е.В. Медведева

NEW PROVISIONS IN THE LEGISLATION ON SIMPLIFIED PROCEEDINGS AND ORDER PROCEEDINGS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

E.V. Medvedeva

В октябре 2019 г. в ходе реформирования процессуального законодательства внесены изменения в упрощенные процедуры (упрощенное производство, приказное производство, заочное производство). В статье выделены и проанализированы изменения процессуального законодательства в гражданском и арбитражном процессе. Источником анализа являются нормы законодательства Российской Федерации и материалы исследований российских и зарубежных авторов.

Ключевые слова: *упрощенное производство, приказное производство, заочное производство, арбитражный процесс, гражданский процесс, кассационное производство, обжалование*

In October 2019, during the reform of the procedural legislation, amendments were made to simplified procedures (simplified proceedings, order proceedings, absentee proceedings). In the article, the author highlighted and analyzed the changes in the procedural legislation in the civil and arbitration process. The source of analysis is the norms of the legislation of the Russian Federation, and research materials from Russian and foreign authors.

Keywords: *simplified proceedings, order proceedings, absentee proceedings, arbitration process, civil procedure, cassation proceedings, appeal.*

Прошедший 2019 г. был богат на законодательные нововведения. В области упрощенного производства и приказного производства «революционных» изменений не произошло, однако и оставить их без внимания нельзя.

С 01 октября 2019 г. вступили в силу поправки в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) и в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), внесенные Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Принятый закон установил новые границы для рассмотрения дел в арбитражном процессе в порядке упрощенного производства, внесены изменения в положения о кассационном обжаловании судебного приказа и решений по делам в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе, некоторые изменения коснулись заочного производства в гражданском процессе, унифицированы нормы, устанавливающие категории дел, которые не рассматриваются в упрощенном порядке.

Так, ранее кассационное обжалование в упрощенном производстве в арбитражном процессе возможно было только по безусловным основаниям ч. 4 ст. 288 АПК.

Сейчас кассационное обжалование в упрощенном производстве возможно не только по безусловным основаниям для отмены (ч. 4 ст. 229, ч. 3 ст. 288.2 АПК РФ), а по общим основаниям для кассации. *Эта новелла прошла почти без огласки. Между тем, это серьезное процессуальное изменение, так как в упрощенное производство в арбитражном процессе добавляется полноценная кассационная инстанция.*

Устранена двуступенчатая выборочная процедура кассационного обжалования судебного приказа в арбитраже (ч. 2 ст. 288.1 АПК РФ). Теперь судебный приказ в кассации обжалуется также, как решение упрощенного производства. По сути в приказном производстве устранена фильтрация жалоб, которая предполагала, что судья кассационной инстанции выносит определение о передаче жалобы на судебный приказ с делом для рассмотрения в кассационной инстанции, если имеются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход приказного производства и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов взыскателя или должника в делах приказного производства.

В литературе и ранее высказывались сомнения о разумности подхода ограничения оснований, по которым судебный акт может быть проверен в кассации [1]. Так, Л.А. Терехова отмечает, что существенной спецификой приказного производства является порядок вступления в силу судебного приказа, не предусматривающий апелляции обжалования. В связи с чем ограничения, свойственные кассационному производству в целом, выглядят разумными там, где в качестве предшествующей инстанции была апелляция, но вот для судебных актов, не проходящих такой процедуры, правила-ограничения уже не столь убедительны [2].

Любая правовая реформа, юридическая норма и судебное решение имеют экономическую составляющую.

Таким образом, с точки зрения теории экономического анализа права, одним из основателей которой был американский правовед Ричард Познер, очень важно найти баланс в системе упрощения судопроизводства, т. е., с одной стороны, иметь целью достичь максимальной эффективности гражданского судопроизводства, используя в том числе упрощенные процедуры, с другой, однако и не упускать из вида то общее правило, что в процессе законотворчества всё более и более упрощающего ход разрешения спора возрастает вероятность того, что субъект, занимающийся поиском фактов или норм права, допустит ошибку [3].

Так, процедуры, используемые в ходе разрешения спора, всё более и более упрощаются, вероятность того, что субъект, занимающийся поиском

фактов или норм права, допустит ошибку, по общему правилу будет возрастать [4].

Введение «срочного правосудия» всегда повышает риск неисполнения стоящей перед судом задачи – правильного разрешения дела, так как «быстрое правосудие» не значит правосудие справедливое. Учитывая факт, что судебный приказ в апелляционном порядке не проверяется, кассационные процедуры при его обжаловании должны быть более доступными.

На основании изложенного представляется разумным решение законодателя отказаться от двухступенчатой выборочной процедуры кассационного обжалования в приказном производстве.

Какие ещё новеллы можно отметить в упрощенных процедурах?

С октября 2019 г. мотивированное решение по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, арбитражный суд обязан подготовить не только в случае подачи соответствующего заявления, но также в случае подачи апелляционной жалобы (п. 2 ст. 229 АПК РФ). Это изменение также выглядит вполне логичным.

Для судебного приказа по денежным обязательствам в арбитражном процессе теперь отсутствует условие о признании такого обязательства должником (п. 1 ч. 1 ст. 229.2 АПК РФ). Из текста закона исключена фраза «требования, которые должником признаются, но не исполняются». Ранее Верховный Суд Российской Федерации разъяснял, что согласие должника презюмируется, если несогласие не вытекает из документов (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»). А с 1 октября о согласии в какой-либо форме в законе вообще не упоминается, достаточно документов о наличии долга.

В гражданском процессе для апелляционного обжалования заочного решения ответчик обязан попытаться его отменить в первой инстанции (ч. 2 ст. 237 ГПК РФ).

Данное изменение осложняет жизнь ответчику в заочном производстве, так как теперь нельзя просто подать апелляционную жалобу, а придется сначала воспользоваться порядком, предусмотренным ст. 237 ГПК РФ. Это норма в целом отвечает сущности заочного производства как вида упрощенной процедуры рассмотрения гражданских дел, потому как будет способствовать сокращению общего времени рассмотрения дела в заочном производстве.

Дополнены и приведены в соответствие с законодательством нормы, устанавливающие категории дел, которые не рассматриваются в упрощенном порядке

В новой редакции ч. 4 ст. 227 АПК РФ закреплено, что арбитражные суды не рассматривают в порядке упрощенного производства следующие дела:

- об оспаривании решений и действий (бездействия) должностного лица службы судебных приставов;
- относящиеся к подсудности Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции;
- о несостоятельности (банкротстве);
- по корпоративным спорам;
- о защите прав и законных интересов группы лиц;
- связанные с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 232.2 ГПК РФ в редакции, действующей с 01.10.2019, не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела:

- связанные с государственной тайной;
- по спорам, затрагивающим права детей, за исключением споров о взыскании алиментов;
- о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью;
- по корпоративным спорам;
- связанные с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ.

Одно из самых заметных и обсуждаемых изменений в упрощенных процедурах связано с установлением новых границ для этой категории гражданских дел. В арбитражном процессе в упрощенном производстве увеличены пороговые суммы: для юридических лиц это 800 000 рублей (раньше 500 000 рублей), а для индивидуальных предпринимателей – 400 000 рублей (раньше 250 000 рублей).

Кстати, в процессе обсуждения законопроекта суммы хотели увеличить значительней, для гражданского процесса до 500 000 рублей, а для арбитражного – до 1 млн руб. Вместе с тем для гражданских дел сумма упрощенного производства осталась прежней – 100 000 руб.

Изменения ограничений по суммам затронули и приказное производство. Теперь и в гражданском процессе, и в арбитражном сумма приказного производства единая установлена в пределах 500 000 руб.

Социальное значение упрощения судопроизводства определяет среди прочего необходимость установления категорий дел, порядок рассмотрения и разрешения которых требует некоторых отступлений от общих правил искового производства. Традиционно речь идет о делах с небольшой ценой иска, или так называемых малозначительных и малоценных делах. Являются ли указанные в ГПК и АПК РФ требования малозначительными?

Очевидно, что в арбитражном процессе повышение суммы иска в делах упрощенного производства связано в первую очередь с оптимизацией производства.

Однако в гражданском процессе несомненно большую роль играет именно социальное значение упрощенных процедур.

В соответствии с Зеленой книгой, включающей проект процедуры Европейского приказного производства и рекомендации, касающиеся мер по упрощению и ускорению производства по делам с малой ценой иска в Регламенте ЕС за основу взяты: а) средние показатели расходов среднего европейского покупателя за границей; б) средние судебные расходы по делу, рассматриваемому национальными судами; в) среднее арифметическое значение ограничений цены иска, установленных национальным законодательством. При этом в ходе разработки Регламента обращалось внимание на то, что «слишком высокое "пороговое значение" может стать препятствием для введения значительных процессуальных упрощений из-за соображений необходимости обеспечения эффективной правовой защиты граждан. Денежная сумма между 1 000 евро и 2 000 евро – это приемлемый компромисс. При этом "пороговое значение" может быть установлено на более высоком уровне в случае необязательного характера упрощенного производства, так как ординарное (общеисковое) производство останется доступным в любом случае» [5].

В ГПК РФ цена иска в упрощенном производстве, равная 100 тысячам рублей, вполне соотносится с общеевропейской процедурой рассмотрения мелких исков в 2 тысячи евро. В пояснительных записках к российским законопроектам, отсутствуют четко определенные критерии определения пороговых сумм упрощенных процедур, за основу не были взяты ни средний размер заработной платы, ни размер прожиточного минимума, ни какие-либо другие показатели.

На сайте Росстата средняя зарплата в России в первом квартале 2019 г. составила 43 944 руб. Если рассматривать показатели средней заработной платы в отдельных регионах, то становится очевидным, что средний доход граждан в некоторых субъектах Российской Федерации значительно меньше усредненного значения: (Алтайский край – 25960 рублей.; Саратовская область – 26 555 рублей, Омская область – 32 000 рублей и т.д.). Прожиточный минимум в 3 квартале 2019 г. целом по России трудоспособного населения – 11 942 руб.

Таким образом, оставление порогового значения упрощенного производства в гражданском процессе на том же уровне представляется вполне разумным.

---

1. *Абушенко Д.Б.* Полномочия арбитражного суда кассационной инстанции сквозь призму судебного приказа// *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 9 С. 54–57 // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Терехова Л.А.* Особенности обжалования судебных приказов и решений по делам упрощенного производства// *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

3. *Познер Р.* Экономический анализ права в двух томах. Том 1. Изд.: Институт Экономическая школа. –СПб, 2004. –С. 3–4.

4. *Miller G.* The Legal-Economic Analesis of Comparative Civil Procedure // The American Journal of Comparative Law. –1997.–Vol. 45.–No. 4. – P. 906.

5. Green Paper on a European order for payment procedure and on measures to simplify and speed up small claims litigation. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52002DC0746> (дата обращения: 05.03.2020).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ю.А. Михайленко

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LABOR LAWS IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Yu.A. Mikhailenko

Рассматриваются тенденции развития трудового законодательства в условиях цифровизации экономики. Отмечается, что, кроме стандартных вызовов (проблема занятости, обострившаяся в связи с резким технологическим скачком; возросшие требования к уровню квалификации работника), правовым системам в скором времени будут предъявлены совершенно новые, включая новые стандарты безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, роботизация, рабочее место, трудовое законодательство.

The article discusses the development trends of labor legislation in the context of digitalization of the economy. It is noted that in addition to standard calls (the problem of employment, aggravated by a sharp technological leap; increased requirements for the level of qualification of an employee), completely new legal systems will be presented in the near future, including new security standards.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, robotization, workplace, labour legislation

Современные вызовы, связанные с цифровизацией экономики, требуют адекватного правового регулирования. При этом динамика изменений такова, что уже недостаточно отражать в праве фактически сложившиеся отношения. Использование технологий возрастает в геометрической прогрессии, поэтому для минимизации негативных последствий изменений в общественной жизни требуется опережающее правовое регулирование. И прежде всего это актуально для социальных отраслей, включая трудовое право [1].

Указанные тенденции не остались без внимания на уровне международных организаций. Так, Международная организация труда (далее – МОТ) неоднократно отмечала как положительные, так и отрицательные последствия интегрирования технологий в корпоративные системы [2]. В числе положительных следствий цифровизации экономики чаще всего называется развитие удаленной работы, приводящее к большей эффективности работы и сокращению нагрузки сотрудников [3]. Кроме того, это в значительной мере решает проблемы дискриминации при найме на работу инвалидов, женщин [4]. Цифровизация изменила способы оценки сотрудников и помогает компаниям более точно собирать данные о производительности работников. Некоторые технологические компании автоматизировали ряд действий по оценке, которые менеджеры других организаций выполняют вручную.

Интересен также опыт использования цифровых технологий для предотвращения дискриминации при приеме на работу. Многие онлайн-платформы по подбору персонала (Textio'sonlineservice, Blendoor) анализируют размещаемые работодателями объявления о вакансиях, чтобы пометить гендерные смещения, а также дискриминацию по признаку языка, возраста и иным качествам, не относящимся к деловым, а при подборе кандидатов скрывают информацию о возрасте и поле. GapJumpers предоставляет кандидатам возможность анонимно пройти прослушивание на вакансии, выполнив оценку работы, назначенную компанией по найму [5].

К негативным тенденциям относят риск замены рабочей силы искусственным интеллектом и роботами; реструктуризацию ряда отраслей экономики, связанную с развитием 3D-принтинга и прочих прорывных технологий [6]. Указанные экономические процессы с неизбежностью приведут к массовому высвобождению трудящихся. Несмотря на различия в оценках специалистов, можно утверждать, что до трети рабочих мест, занятых квалифицированными работниками, в ближайшем будущем может быть заменено машинами и программным обеспечением, что с неизбежностью приведет к потере рабочих мест. По данным опроса, проведенного в США, около 65 % респондентов ожидают, что в течение 50 лет робот или интеллектуальный алгоритм заменит его на работе. Такие данные приводит Международная ассоциация юристов (ИВА) в докладе «Искусственный интеллект, роботизация и их влияние на рабочее пространство» [7]. По прогнозам крупных международных банков только в США 47 % сотрудников уступят свое место автоматизации и искусственному интеллекту [8].

Отмечается даже, что с внедрением технологий на рабочих местах подвергается трансформации само определение «работа», которая традиционно понималась как труд, предпринимаемый живыми существами. В некоторых юрисдикциях переопределение понятия работы уже стало темой для научных дискуссий [9].

Международная ассоциация юристов также отмечает, что в ближайшей перспективе в большинстве стран возникнет потребность в законодательном ограничении программирования роботизированных систем с целью исключения дискриминации работников-людей и в иных правовых нормах, предоставляющих людям статус защищаемых меньшинств из-за «проигрывания» работников-людей роботам по ряду важных параметров [10]. По оценкам МОТ и ИВА, лишь несколько стран внедрили значимое законодательство, которое контролирует и направляет влияние технологий и защищает сотрудников от негативных последствий автоматизации рабочего места. Так, для предотвращения роста социальной напряженности в связи с потерей рабочих мест в Финляндии, Нидерландах и Канаде внедряются проекты по тестированию безусловного базового дохода. Правительство Швеции изучает и обосновывает вопрос закрепления на законодательном уровне 6-часового рабочего дня как одного из средств комплексного решения

проблемы технологической безработицы [11]. Однако основное внимание пока уделяется созданию новых рабочих мест для восполнения тех, которые подвергаются риску роботизированной замены.

В целом, следует отметить, что всё меньше стран в качестве основной концепции решения проблем внедрения прорывных технологий видят улучшение трудового законодательства в части ограничения увольнения, квотирования рабочих мест или в установлении иных преференций работникам перед роботами. Более широкое распространение постепенно получает мнение, что целесообразнее инвестировать государственные ресурсы в создание новых рабочих мест и профессиональную подготовку людей к работе в будущем.

Ещё одной важной проблемой, которая уже сегодня требует решения, является увеличение напряженности и стресса работников в связи с развитием технологий видео-наблюдения. В Австрии, Чили, Гонконге, Индии, России и Украине пока не разработано никакого конкретного законодательства для борьбы с возникающими в этой связи негативными последствиями. В США и в Западной Европе работникам предоставляются различные уровни отпуска в связи со стрессом, развиваются горячие линии и психологические консультации. В Австрии уже существует свод законов, направленных на защиту персонала от негативных воздействий на рабочем месте, и нормы регламентирующие наблюдение за сотрудниками, вписаны в систему норм об охране труда. Надзор строго регламентируется не только новыми правилами о защите данных, но и положениями законодательства и прецедентного права о неприкосновенности частной жизни, в том числе в коллективе. В частности, работодатели вправе устанавливать надзор за работниками, при условии, что он не нарушает человеческое достоинство, а также согласован в рамках социального партнерства. В то же время в большинстве стран достаточно проинформировать работника о наблюдении, чтобы оно соответствовало требованиям закона [12].

Большой резонанс вызвала информация о намерении ряда компаний Великобритании инициировать процесс разработки и имплантации своим сотрудникам микрочипов в целях безопасности. Предполагается, что эти меры, с одной стороны, ограничивают утечку конфиденциальной информации, а с другой, позволят покончить с картами доступа и другими инструментами входа, а точки доступа в помещениях компании будут распознавать сотрудников по данным из имплантатов. Планируемые мероприятия сразу вызвали обеспокоенность TradesUnionCongress (главного профсоюзного органа Великобритании) [13].

В юридической и экономической литературе отмечено, что в самое ближайшее время вероятно появление острой необходимости в новых стандартах безопасности из-за сосуществования искусственного и естественного интеллектов на соседних рабочих местах; в установлении особенностей статуса работников, использующих экзоскелеты и нейропротезы (части тела, обладающие искусственным интеллектом) [14]. На

международном уровне активно обсуждается, а в законодательстве ряда стран уже нашел отражение такой феномен, как право работника не участвовать в электронных коммуникациях, связанных с работой, вне работы (therighttodisconnect) [15].

Все перечисленное позволяет некоторым авторам заявить о существовании «комплексного правового института трудовых отношений в сфере цифровой экономики, включающего в себя нормы трудового, экономического, административного права» [16]. Возможно, такое утверждение несколько преждевременно, и указанному институту ещё только предстоит сформироваться, речь же сегодня должна идти о необходимости разработки научно обоснованной и стройной системы правового регулирования данного сегмента трудовых отношений, «который будет адекватен уровню экономического развития России и сможет решать важнейшие государственные задачи и при этом обеспечивать соблюдение баланса как частных, так и публичных интересов» [17].

В заключение отметим, что, по мнению специалистов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», реформирование современного российского трудового права должно осуществляться в рамках единой концепции реформы, предполагающей пять основных её направлений. Выделим те из них, что в максимальной степени соответствуют вызовам цифровой экономики: создание новых правовых институтов и механизмов, позволяющих обеспечить гибкость правового регулирования трудовых отношений в цифровой экономике, в том числе в области нетипичной занятости; формирование эффективных правовых механизмов, обеспечивающих непрерывное образование работников, а также правовую защиту инвестиций работодателя в подготовку и дополнительное профессиональное образование персонала; глобальное упрощение системы кадрового документооборота, с одновременным его переводом в электронный формат [18].

---

1. Аббасова Е.В., Васильев В.А. Трудовое право в цифровой реальности: проблемы интеграции // Российская юстиция. – 2019. – № 4. – С. 16–18; Костян И.А., Куренной А.М., Хныкин Г.В. Трудовое право и цифровая экономика: сочетаются ли они? // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 10–12.

2. World Employment and Social Outlook: Trends 2020 International. Labour Office – Geneva: ILO, 2020 // https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_734455.pdf.

3. Васильева Ю.В., Шуралева С.В. Дистанционная работа в России: проблемы правоприменения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – Вып. 32. – С. 216–225.

4. Чесалина О.В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 12–15.

5. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. –P. 173.

6. World Employment and Social Outlook: Trends 2020 International. Labour Office – Geneva: ILO, 2020 // https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_734455.pdf.
7. Artificial Intelligence and Robotics and Their Impact on the Workplace : the International Bar Association Global Employment Institute report, April 2017. - 120 p.
8. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. – P. 165.
9. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. – P. 168.
10. Филипова И.А. Правовое регулирование труда – 2020: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики // Юрист. – 2018. – № 11. – С. 32–33.
11. Рогалева Г.А., Рогалева И.Ю. Правовое регулирование трудовых отношений в условиях трансформации экономической модели четвертой промышленной революции // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 11 (63). – С. 66.
12. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. – P. 169–170.
13. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. – P. 171.
14. Филипова И.А. Указ.соч.– С. 31–35.
15. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. – P. 87.
16. Рогалева И.Ю., Рогалева Г.А. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 4 (100). – С: 184.
17. Contribution by the International Bar Association to the International Labour Organization debate about the future of work : The IBA Report , September 2019. – P. 65.
18. Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / И.Я. Белицкая, Д.Л. Кузнецов, Ю.П. Орловский и др.; под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. – М.: КОНТРАКТ, 2018. – 152 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ МИГРАНТОВ

Г.Н. Обухова

INTERNATIONAL LABOUR MIGRATION: PROBLEMS OF IMPLEMENTING LABOUR RIGHTS OF MIGRANTS

G. N. Obukhova

Процессы международной миграции являются частью устоявшихся современных глобальных процессов в правовой, экономической, политической, культурной и иных сферах человеческого общества. Трудовая миграция сегодня обусловлена поиском достойной жизни и, следовательно, связана напрямую с возможностью достойной занятости. Некоторые проблемы правового регулирования трудовой миграции остаются нерешенными, а именно практическая реализация мигрантами своих трудовых прав.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудовые права мигрантов, трудовое законодательство.

International migration processes are part of well-established modern global processes in the legal, economic, political, cultural and other spheres of human society. Labor migration today is driven by the search for a decent life and, therefore, is directly linked to the possibility of decent employment. Some problems of legal regulation of labor migration remain unresolved, namely, the practical implementation of migrants' labor rights.

Keywords: labor migration, labor rights of migrants, labor legislation.

Вопросы трудовой миграции имеют межгосударственное значение, которые влияют на процессы формирования взаимоотношений между различными странами и регионами мира.

Международная организация труда (МОТ) в своем докладе «Перспективы занятости и социальной защиты в мире» представила в 2016 г. меняющийся характер занятости [1]. В этом докладе были рассмотрены страны, на долю которых приходится 84 % всей мировой рабочей силы. В частности, было установлено, что работники трудятся по временным или краткосрочным трудовым договорам, без какого-либо договора, в условиях неофициальной занятости, или вовсе бесплатно работают на семейных предприятиях. По оценкам МОТ, 214 млн человек (что является около 3,1 % населения мира) живут за пределами своих стран рождения. И эта цифра в два раза больше, чем 25 лет назад.

В настоящее время иностранным гражданам в России ежегодно выдается более 3 млн разрешительных документов на право трудоустройства в стране (это один из самых высоких, если не самый высокий показатель в мире). Кроме того, по оценкам Федеральной миграционной службы России, не менее 3,5 млн мигрантов трудятся в России незаконно.

Количество российских предприятий, которые используют труд иностранных работников, постоянно растет. Причины таких значительных масштабов привлечения иностранных работников на российский рынок

труда зависят от множества ряда факторов. На первом месте демографический фактор, поскольку происходит сокращение численности национальной рабочей силы. Далее следуют экономические факторы, которые отражают большой объем национального рынка труда в сочетании с экстенсивным типом российской экономики и высоким спросом на низкоквалифицированный труд. Большое влияние оказывают и структурные факторы, путем деформации российского рынка труда и несоответствие системы профессионального образования реальным потребностям экономики в кадрах. Ну и, конечно же, геополитические факторы, которые показывают степень открытости российского рынка труда для граждан стран бывшего СНГ с целью поддержания там социальной стабильности.

МОТ является важнейшим автором, влияющим на регулирование миграции. По инициативе МОТ был принят ряд конвенций, обязывающих государства-участники соблюдать принцип не дискриминации между гражданами и не гражданами в области трудовых отношений. Одной из основных идей Конвенции МОТ о трудящихся-мигрантах является признание государствами, ратифицирующими данный документ, равенства государства в отношении мигрантов независимо от их национальности, расовой принадлежности, религии, пола и т. п. Конвенция включает статьи, обращенные на регулирование условий, при которых трудящиеся-мигранты будут обладать равными правами с гражданами принимающего государства в вопросах, определенных Конвенцией. Международными стандартами предусматривается также возможность обеспечения для трудящихся-мигрантов получить образование или повысить квалификацию в стране пребывания.

Особого внимания заслуживает трудовая миграция в границах стран бывшего СНГ, которая вышла на новый уровень в связи с созданием Евразийского экономического союза. Под давлением международных договоров ЕАЭС были внесены изменения и в национальные законодательства стран-участниц, касающиеся трудовых мигрантов, по части миграционного учета, заключения трудовых договоров, а также оформления разного рода разрешительных документов [2].

Изучая геополитический состав иностранных работников на российском рынке труда, можно увидеть, что абсолютное большинство составляют граждане трех постсоветских государств Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана). Трудовые мигранты из этих стран сконцентрированы в основном в низкоквалифицированном сегменте рынка труда. Преимущественное большинство иностранной рабочей силы занято в строительном секторе, далее идут торговля, коммунальные, социальные и персональные услуги, сельское хозяйство, т. е. те отрасли, которые сталкиваются с существенными колебаниями спроса и нуждаются в гибком регулировании труда, одним из механизмов которого выступает труд мигрантов.

При этом образовательный уровень трудовых мигрантов невысок. Как правило, лишь некоторые из них имеют профессиональное образование, но оно оказывается невостребованным на тех видах работ, которые мигранты выполняют.

Работники-мигранты, которые заняты на условиях неполного рабочего дня, а также временные работники живут в социальной изоляции и бедности. Ключевыми факторами, из-за которых происходит сдвиг в сфере трудовых отношений и появлении новых форм трудовой деятельности, являются новые технологии и изменения в организации труда и производства. Однако большинству работников сегодня достаточно трудно вписаться в стандартную модель занятости на российском рынке труда. На сегодняшний день отсутствует нормативная база, которая бы определяла направления адаптации иностранных граждан к отечественным социальным реалиям. Должна действовать так называемая «вторичная социализация», посредством которой будет происходить просветительско-образовательная деятельность в отношении иностранных граждан, которые являются активными участниками трудовой деятельности.

Несмотря на крупномасштабные изменения, которые претерпела нормативно-правовая база стран ЕАЭС в сфере регулирования миграционных потоков, совершенно очевидно, что властные элиты, входящих в союз государств, пока не достигли желаемых результатов, а процесс трансформации правовой базы в сфере трудового законодательства остается незавершенным [3].

Привлечение иностранной рабочей силы работодателями российского рынка труда уже превратилось в неотъемлемое условие функционирования нашей экономики. Во многих российских регионах, особенно в мегаполисах, динамично развивающихся регионах, приграничных областях, мигранты заняли экономические ниши, которые в будущем будут только расширяться. В таких регионах труд иностранных работников уже стал структурообразующим фактором экономики, которая не в состоянии полноценно функционировать без привлечения мигрантов.

Проблемы правового регулирования трудовой деятельности мигрантов берут свое начало с несоответствия содержания дефиниции «иностраный работник», содержащейся в Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», положениям действующего трудового законодательства. В этих федеральных законах усматривается дифференцируемый подход по отношению к иностранным работникам в зависимости от времени и оснований их нахождения на территории РФ.

Так, ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определяет иностранного работника в качестве иностранного гражданина, временно пребывающего в Российской Федерации и осуществляющего в установленном порядке трудовую деятельность. Кроме того, в соответствии с

указанной нормой иностранный гражданин должен осуществлять трудовую деятельность, т. е. работать на основании трудового договора или гражданско-правового договора. В то же время ст. 327.1 Трудового кодекса РФ предусматривает, что между работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства, и работодателем заключается трудовой договор на неопределенный срок, а в случаях, предусмотренных ст. 59 настоящего Кодекса, возможно заключение срочного трудового договора. А также ст. 327.2 ТК РФ предусматривает возможность заключения трудового договора с «постоянно проживающими в Российской Федерации иностранными гражданами».

Таким образом, правовая категория «иностраный работник», используемая Федеральным законом № 115-ФЗ, в полной мере не соответствует категории «работник», определенной трудовым законодательством, что существенно может нарушать трудовые права мигрантов. Всё это определяет необходимость исключения из содержания легальной дефиниции «иностраный работник» словосочетания «временно пребывающий».

Необходимо отметить, что, несмотря на появление в структуре Трудового кодекса Российской Федерации отдельного института, посвященного регулированию особенностей трудовых отношений с участием иностранных граждан, многие фундаментальные положения не получили своей регламентации. В частности, нормы главы 50.1 ТК РФ практически не предусматривают проблемы реализации прав и обязанностей иностранных граждан, которые являются участниками трудовых правоотношений. Тем самым законодатель просто проигнорировал факт того, что субъективные права и юридические обязанности иностранного гражданина как участника трудового правоотношения не могут быть реализованы в общем порядке в условиях административно-правовых ограничений[4].

Хотелось бы также обратить внимание и на отсутствие в действующем трудовом законодательстве особого порядка заключения трудового договора с иностранным работником, а также организационно-правовых механизмов обеспечения поддержки интеграции иностранных граждан в российский социум, о котором выше уже упоминалось. Относительно этого законодатель лишь определил перечень необходимых дополнительных документов для заключения трудового договора.

Позитивным положением представляется закрепленная в законодательстве возможность оказания иностранным гражданам консультативная помощь. Но при этом остаются неопределенными требования к организационно-правовой форме, статусу и финансированию организации на уровне субъекта РФ, которая уполномочена на оказание такой помощи.

Представляется, что эффективность механизма защиты прав и свобод иностранных граждан, которые состоят в трудовых отношениях с работодателями на территории РФ, зависит от четко выстроенной системы

противодействия нелегальной трудовой миграции и созданной для этих целей правовой основы. Существующие на сегодняшний день средства по противодействию нелегальной миграции, которые выражены преимущественно в административно-правовых санкциях, явно недостаточны, поскольку до конца не проработана процедура их реализации в отношении конкретного работодателя [5].

Сегодня возникает острая необходимость принятия важных решений, которые могут быть связаны как с институциональными изменениями (образованием федеральной службы по контролю за трудовой миграцией), так и с правовыми (принятием отдельного федерального закона, регулирующего общественные отношения, возникающие в сфере трудовой миграции).

В решении проблем нелегальной миграции необходим поиск баланса интересов между странами, бизнес-сообществами и работниками-мигрантами. Регулирование процессов трудовой миграции сейчас стоит на ступени совершенствования, но проблемы, связанные с миграцией, не исчезнут, поэтому международное сотрудничество в этой сфере будет развиваться. Возможно, что появятся новые интеграционные объединения, которые смогут оперативно решать возникающие вопросы и задачи в сфере миграционных процессов.

---

1. Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2016 году: меняющийся характер занятости: доклад Международной организации // Справочная правовая система «ГАРАНТ» <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.02.2020).

2. Миграция населения: теория и практика исследований / под ред. С.В. Тимофеева. – М., 2016. – С. 18.

3. Самхарадзе Д.Г. Интеграция в рамках ЕАЭС /Д. Г. Самхарадзе // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 20.

4. Абдуллаев Э.Э. Современные проблемы регулирования трудовых правоотношений с участием иностранных граждан на территории Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11. – С. 205.

5. Там же. – С. 206.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА⁴

К.А. Пономарева

TAXATION OF DIGITAL ECONOMY IN CONTEXT OF THE TAX SECURITY OF THE STATE

К.А. Ponomareva

Рассмотрены особенности цифровизации экономики, играющие важную роль для налоговой безопасности государства. На основе анализа предложений ОЭСР, ЕС и односторонних мер национальных государств в сфере налогообложения цифровой экономики сформулированы решения по разработке новых правил распределения доходов и определения экономической взаимосвязи с учетом объема, пороговых показателей, убытков и других факторов, которые будут использоваться совместно с методами распределения прибыли.

Ключевые слова: налоговое право, цифровая экономика, ОЭСР, план BEPS, цифровые услуги, налоговая безопасность

The article considers features of digitalization of the economy that play an important role for tax security of the state. Based on the analysis of the proposals of the OECD, the EU and unilateral measures of national states in the area of taxation of digital economy, decisions are formulated to develop new rules of distribution of income and of determination of nexus, taking into account the volume, thresholds, losses and other factors that will be used in conjunction with the methods of profit distribution.

Keywords: tax law, digital economy, OECD, BEPS Action Plan, digital services, tax security

Новым важным вопросом в повестке дня международного сообщества стало развитие цифровой экономики, существенно изменившее налоговое регулирование по всему миру. В окончательном отчете ОЭСР о действии 1 плана BEPS (далее – окончательный отчет ОЭСР) отмечено, что цифровизация экономики вызвала ряд комплексных проблем в сфере прямого налогообложения, связанных главным образом с вопросом распределения между государствами права на налогообложение прибыли, полученной в результате трансграничной деятельности в цифровую эпоху [1]. Говоря о новой взаимосвязи, основанной на цифровом присутствии, речь идет не только о противодействии размыванию налоговой базы и выводу прибыли, но, что более важно, о новом распределении налоговых прав.

Основной характеристикой цифровой экономики является снижение необходимости физического присутствия на рынках [2]. Стоимость создается за счет взаимодействия с пользователем и концентрируется в нематериальных активах, которые легко переносятся в налоговые гавани с

---

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00292 «Правовое обеспечение налоговой безопасности государства в условиях международной экономической интеграции».

целью минимизации налогооблагаемой прибыли. Системы же корпоративного налогообложения по-прежнему основаны на экономической реальности 1920-х гг., когда были заложены основы налогообложения по территориальному и резидентскому принципам. В отсутствие консенсуса многие государства начали формулировать односторонние правила налогообложения цифровой экономики. Несогласованность этих правил будет увеличивать налоговое бремя транснациональных корпораций с учетом того, что каждое государство стремится защитить свои интересы.

В начале 2020 г. актуальность этих вопросов подчеркивал на тот момент глава ФНС России Михаил Мишустин: «Цифровые технологии и глобализация породили новые модели бизнеса, создающие новые угрозы для бюджетных поступлений. Едва международному сообществу удалось прийти к согласию относительно необходимости решения проблемы налоговой прозрачности офшоров в материальном мире, как бизнес начал уходить в виртуальный мир и опять становится невидимым для налоговых органов. Отдельные страны в одностороннем порядке совершают попытки решения проблемы налогообложения цифрового бизнеса, однако они усиливают налоговую неопределенность и создают угрозу двойного налогообложения» [3].

16 марта 2018 г. ОЭСР представила промежуточный отчет о налоговых вызовах, возникающих в связи с цифровизацией (далее – промежуточный отчет) [4]. 21 марта 2018 г. Европейская комиссия опубликовала предложения по налогообложению цифровой экономики [5].

Предложенные решения включают налоговые меры, указывающие на юрисдикцию источника или назначения [6]. Соответствующие варианты налогообложения для решения проблем цифровой экономики, обсуждаемые на уровне ОЭСР, ООН и ЕС, включают также краткосрочные решения, направленные на адаптацию существующей международной налоговой системы к цифровой реальности [7] (введение налога у источника и уравнительного платежа на цифровые транзакции или на оборот цифровых компаний) до тех пор, пока не будет достигнуто глобальное скоординированное решение.

ОЭСР рассмотрела следующие варианты налогообложения для цифровой экономики:

налоговая привязка в виде значительного экономического присутствия;
подоходный налог с определенных видов цифровых операций;

уравнительный платеж, взимаемый с оборота предприятий-нерезидентов со значительным экономическим присутствием в качестве средства обеспечения равного режима для национальных и иностранных предприятий [8].

Показатели для установления значительного экономического присутствия могут включать наличие пользовательской базы и связанного с ней ввода данных; объем цифрового контента, полученного из юрисдикции; выставление счетов в местной валюте или с использованием местной формы

оплаты; ведение веб-сайта на местном языке; ответственность за конечную поставку товаров пользователям (клиентам) или предоставление вспомогательных услуг, например, послепродажное обслуживание или ремонт и техническое обслуживание; устойчивая активность продаж.

В 2019 г. ОЭСР опубликовала программную записку с целью изучения предложений по двум основным направлениям. В рамках первого компонента основное внимание уделяется распределению налоговых прав, а в рамках второго компонента рассматриваются остающиеся вопросы, связанные с BEPS и несогласованными односторонними действиями государств [9].

В документе содержатся три предложения по пересмотру правил распределения прибыли, связанные с цифровизацией:

предложение «участия пользователей» (the «userparticipation» proposal), в котором основное внимание уделяется стоимости, создаваемой предприятиями за счет развития активной и заинтересованной пользовательской базы и получения от них данных и материалов;

вариант, основанный на концепции нематериальных активов, связанных с коммерческим использованием товаров, работ, услуг (themarketingintangiblesalternative): после распределения дохода по всем другим функциям с применением существующих принципов распределения прибыли, доход от нематериальных активов будет распределяться между юрисдикциями на основании согласованных показателей;

модель существенного экономического присутствия (significanteconomicpresencealternative).

Все названные альтернативы будут отклоняться от современного применения принципа «вытянутой руки» и существующих правил трансфертного ценообразования, обновленных в соответствии с отчетом ОЭСР по действиям 8-10 BEPS. Распределение прибыли компании, имеющей значительное экономическое присутствие в юрисдикции, будет осуществляться формальным образом с уделением внимания глобальной норме прибыли компании и факторам распределения продаж, активов, сотрудников и (потенциально) пользователей.

Критерий значительного экономического присутствия учитывает следующие факторы:

фактор, основанный на доходах,

цифровые факторы и

пользовательские факторы (раздел 7.6.1. окончательного отчета ОЭСР).

В проекте директивы Совета ЕС представлены долгосрочные и краткосрочные меры. Наиболее важными долгосрочными целями являются определение присвоения создаваемой добавленной стоимости, а также корректировка международных правил налогообложения постоянного представительства. Краткосрочные предложения комиссии критически оцениваются учеными [10]. Одна из наиболее важных проблем, на наш взгляд, заключается в том, что с учетом расхождений в позициях стран,

отраженных в промежуточном докладе ОЭСР, ЕС пытается навязать решение странам, входящим в ОЭСР.

Определение цифрового постоянного представительства, данного в ст. 4 проекта Директивы, основано на существовании «значительного цифрового присутствия» (significant digital presence). Оно привязано к государству, если предприятие за налоговый период вместе с ассоциированными предприятиями этого субъекта:

предоставляет цифровые услуги пользователям в этом государстве-члене, что приводит к получению дохода свыше 7 млн евро; или

предоставляет цифровые услуги более чем 100 тысячам пользователям в этом государстве-члене, определяемым местоположением (IP-адресом) устройства, используемого для доступа к цифровому интерфейсу, через который предоставляются цифровые услуги; или

заключает более 3 тысяч контрактов на поставку цифровых услуг в этом государстве-члене, в процессе ведения бизнеса.

По мнению ряда европейских исследователей, решение сосредоточить предложение на пользователях и их данных в качестве определяющих факторов стоимости для большинства высокодифференцированных бизнес-моделей представляет собой позитивный шаг, но за этим должно последовать тщательное изучение процесса создания стоимости в рамках этих бизнес-моделей и анализ места осуществления значительной экономической деятельности [11].

Введение понятия цифрового постоянного представительства, по нашему мнению, является предпочтительным способом налогообложения компаний, занятых в цифровой экономике. Проблема, связанная с концепцией цифрового постоянного представительства, заключается в том, что для её применения необходимо внесение в СИДН.

Отсутствие всеобъемлющего решения приведет к глобальной фрагментации и созданию путей обхода налогового законодательства. Важным недостатком односторонних действий является возможность двойного налогообложения. В отсутствие налоговых льгот, предоставляемых домашней юрисдикцией, налог будет уплачиваться дважды с любой прибыли, выделенной виртуальному постоянному представительству: один раз с прибыли, выделенной постоянному представительству, и второй раз в домашней юрисдикции. Факторы распределения прибыли могут включать число пользователей в государстве, объем данных, собираемых в государстве, а также расходы на исследования и разработки, маркетинг и др. Европейская комиссия приняла во внимание рекомендации промежуточного отчета ОЭСР, в котором предлагается рассматривать пользователей и данные в качестве факторов, создающих ценность для цифровых компаний.

Одна из наиболее важных проблем заключается в том, что с учетом расхождений в позициях стран, отраженных в промежуточном докладе ОЭСР, ЕС пытается навязать решение странам, входящим в ОЭСР и во всеобщую рамочную программу BEPS. При этом налоговые системы

государств-членов будут по-прежнему уязвимы для BEPS от платежей за услуги и роялти государствам-нерезидентам. Альтернативой пересмотру всех существующих СИДН могло бы стать осуществление на уровне ЕС многостороннего документа, аналогичного Многосторонней конвенции ОЭСР, в соответствии с которой существующие СИДН между государствами-членами были бы изменены для осуществления определения цифрового постоянного представительства.

Таким образом, в сфере налогообложения цифровых компаний ОЭСР и ЕС движутся в одном направлении, однако Европейская комиссия сделала решительный шаг вперед.

Полагаем, что любые проблемы, создаваемые централизацией бизнеса, не являются уникальными для предприятий в цифровой экономике, даже если эти проблемы обострены в рамках дематериализованных цифровых групп. Однако необходимость подготовки ответов на вызовы цифровой экономики в новых условиях на уровне российского законодательства не вызывает сомнений. Кроме того, эффективность новых правил можно обеспечить лишь при условии гармонизации мер, имплементируемых в законодательства как можно большего числа государств. В противном случае будет невозможно обеспечить единообразное регулирование трансграничных налоговых отношений.

Как отмечено в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов, следует тщательно проработать положения налогового законодательства, которые бы позволили декларировать для целей налогообложения прибыли в тех юрисдикциях, где находятся пользователи (клиенты) цифровых компаний, где прибыль образуется в результате привлечения, взаимодействия и вкладов пользователей, а также выработать новые правила распределения прибылей в странах использования нематериальных маркетинговых активов [12].

Обобщая предложения по реформированию концепции постоянного представительства, можно определить общие критерии определения постоянного представительства – значительного экономического присутствия в государстве:

- 1) осуществление деятельности по оказанию цифровых услуг;
- 2) достижение порогового значения количества пользователей в данном государстве;
- 3) достижение временного порога регулярности (продолжительности) осуществления деятельности в данном государстве;
- 4) достижение минимального порога дохода.

---

1. OECD (2015), Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, Action 1 - 2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264241046-en>

2. *Petruzzi R., Buriak S.* Addressing the Tax Challenges of the Digitalization of the Economy – A Possible Answer in the Proper Application of the Transfer Pricing Rules? 72 Bull. Intl. Taxn. 4a (2018), Journals IBFD. p. 91-116; *Martín Jiménez A.* BEPS, the Digital(ized) Economy and the Taxation of Services and Royalties (2018) 46 Intertax, Issue 8/9, pp. 620–638.
3. РИА Новости. Глава ФНС Мишустин расскажет о налоговых вызовах в цифровую эпоху // <https://ria.ru/20200111/1563318758.html> (дата обращения: 04.02.2020).
4. OECD, Tax Challenges Arising from Digitalisation – Interim Report 2018, OECD Publishing, Paris <https://dx.doi.org/10.1787/9789264293083-en>
5. European Commission, Proposal for a Council Directive Laying Down Rules Relating to the Corporate Taxation of a Significant Digital Presence, COM (2018) 147 final (21 Mar. 2018); European Commission, Proposal for a Council Directive on the common system of a digital services tax on revenues resulting from the provision of certain digital services, COM (2018) 148 final (21 Mar. 2018); European Commission, Communication from the Commission to the European Parliament and the Council - Time to establish a modern, fair and efficient taxation standard for the digital economy, COM (2018) 148 final (21 Mar. 2018).
6. *Пономарева К.А., Зарипов В.М.* Проблемы налогообложения глобальной прибыли цифровых компаний // *Налоговед.* –2020. –№ 3. –С. 58–66.
7. European Commission, Proposal for a Council Directive Laying Down Rules Relating to the Corporate Taxation of a Significant Digital Presence, COM (2018) 147 final (21 Mar. 2018).
8. European Commission, Proposal for a Council Directive Laying Down Rules Relating to the Corporate Taxation of a Significant Digital Presence, COM (2018) 147 final (21 Mar. 2018).
9. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project Addressing the Tax Challenges of the Digitalisation of the Economy – Policy Note, as approved by the Inclusive Framework on BEPS on 23 January 2019 <http://www.oecd.org/tax/beps/policy-note-beps-inclusive-framework-addressing-tax-challenges-digitalisation.pdf> (дата обращения: 12 февраля 2019).
10. *Kemmeren E.* Should the Taxation of the Digital Economy Really Be Different?, 27 EC Tax Review, 2018, Issue 2, pp. 72–73.
11. *Kofler G.; Mayr G.; Schlager C.* Taxation of the Digital Economy: A Pragmatic Approach to Short-Term Measures, in: European Taxation, 2018 (Volume 58), No 4, p. 125.
12. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов [электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности – Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/802503-7> (дата обращения: 01.10.2019).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВИЛ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

И.Г. Рагозина, Ю.С. Пестерева

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL RULES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

I.G. Ragozina, Yu.S. Pestereva

Рассматриваются сравнительно правовые и исторические аспекты установления уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Проводится дифференциация зарубежного законодательства в зависимости от особенностей закрепления исследуемых норм и их видовой специфики. Делается вывод о необходимости изменения конструкции ст. 236 УК РФ с формального на материальный.

Ключевые слова: уголовная ответственность, санитарно-эпидемиологические правила, зарубежный опыт.

The article deals with the comparative legal and historical aspects of establishing criminal liability for violations of sanitary and epidemiological rules. Differentiation of foreign legislation is carried out depending on the features of fixing the studied norms and their specific characteristics. It is concluded that it is necessary to change the design of article 236 of the criminal code from formal to material.

Keywords: criminal liability, sanitary and epidemiological rules, foreign experience.

Для принятия эффективных управленческих решений, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, необходима обширная нормативная база, позволяющая обеспечивать результативность профилактических мероприятий, оптимизировать систему работы в данной области и сосредоточить её на приоритетных факторах риска.

Для большинства зарубежных стран (как и для России) характерно гибкое и разветвленное законодательство в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологической защиты. Уголовное законодательство является, по сути, самым инерционным из всех рубежей этой защиты. Оно не «подстраивается» под конкретные эпидемии и массовые заболевания и осуществляет функции маркера «постоянной опасности».

Обратимся к опыту зарубежных стран. Для начала необходимо выяснить особенности закрепления исследуемых норм и их видовую специфику. Анализ зарубежных источников позволяет выделить две группы стран, отличающихся по вышеназванным критериям. Первая: в большинстве Уголовных кодексов нормы о нарушении санитарно-эпидемиологических правил располагаются в разделах или главах, предусматривающих ответственность за преступления против общественной безопасности или здоровья населения (УК Киргизии, УК Белоруссии, УК Армении, УК

Казахстана, УК Узбекистана, УК Болгарии, УК Китая и т.д.). Вторая: в ряде стран (УК Франция, УК Турция, УК Таиланд, УК ФРГ, УК Австрии, УК Дании и др.) данные преступления отнесены к проступкам или созданию ситуаций, опасных для других лиц.

Необходимо отметить, что объективные и субъективные признаки исследуемых деяний существенно разнятся в зависимости от того, говорим мы о первой или второй группе.

Уголовные кодексы первой группы прямо закрепляют в качестве объективной стороны нарушение санитарно-эпидемиологических правил. При этом в диспозиции статьи используются следующие обороты «нарушение санитарно-эпидемиологических, гигиенических требований и процедур» (ст. 336 УК Белоруссии [1]); «нарушение санитарных правил или гигиенических нормативов» (ст. 304 УК Казахстана [2]); «нарушение пограничных санитарно-эпидемиологических правил» (ст. 330 УК КНР [3]) и т.д. Все нормы носят бланкетный характер и отсылают к соответствующей нормативно-правовой базе. Конструкции составов отличаются, чаще всего они сконструированы по принципу материальных составов. В качестве последствий указываются: «заболевания или отравления людей» (ст. 336 УК Белоруссии, ст. 280 УК Киргизии [4]); «массовое заболевание, заражение, облучение или отравление людей» (ст. 304 УК Казахстана) и т. д.

В УК КНР ч. 1 ст. 330 сконструирована как формально-материальный состав «вызвавшее распространение эпидемии инфекционного заболевания или создавшее серьезную угрозу его распространения».

Субъективная сторона всех анализируемых составов характеризуется неосторожностью в отношении наступивших последствий. Определение субъекта преступления вызывает определенную сложность, поскольку признаки специального субъекта прямо не закреплены не в одной из анализируемых норм, что дает основание полагать, что его можно отнести к числу общих.

Более интересными, с точки зрения отличий от российского уголовного законодательства, представляются уголовно-правовые нормы второй группы стран. Первое, на что следует обратить внимание – это объективная сторона анализируемых преступлений. В законодательстве ряда государств она носит характер не конкретизированных действий, способных причинить любой вред. «Лицо, создавшее каким-либо образом, даже в результате невнимательности или неопытности, опасность причинения вреда лицам или существенного ущерба имуществу» (ст. 566 УК Турции [5]). «Прямое поставление другого человека в непосредственную опасность смерти или причинения телесных повреждений, способных повлечь увечье или хроническое заболевание, совершенное путем явного, умышленного невыполнения определенной обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом или регламентом» (223-1 ст. УК Франции [6]). Как можно заметить, это общие составы поставления в опасность, которые не дифференцируются в зависимости от содержания этой

опасности. Поскольку в УК Турции и УК Франции нет отдельной уголовной ответственности за нарушение конкретных санитарно-эпидемиологических правил применяются вышеназванные общие нормы.

Существует и другой подход к решению данной проблемы. Так, в УК Дании и УК Австрии выделены отдельные составы поставления в опасность, связанные именно с заболеваниями различной этиологии. УК Австрии предусматривает ответственность за «умышленное создание угрозы людям посредством распространения заразных заболеваний» (ст. 178 УК Австрии) [7] и «неосторожное создание угрозы людям путем распространения заразных заболеваний» (ст. 179 УК Австрии) [8]. УК Дании закрепляет, что «любое лицо, которое в нарушение положений, предусмотренных законом, или во исполнение закона о предупреждении или борьбе с инфекционными заболеваниями вызовет опасность передачи или распространения заболевания в обществе, подлежит наказанию ...» [9].

Отличительными особенностями анализируемых норм уголовного законодательства второй группы стран являются: во-первых, конструирование составов по типу формального и, во-вторых, безусловно, общий субъект преступления. Все преступления носят умышленный характер, за исключением специфической ст. 179 УК Австрии.

Таким образом, анализ зарубежного законодательства показывает, что существует два основных подхода защиты общества уголовно-правовыми средствами от массового распространения инфекций и различных заболеваний. Первый – конструирование специальных норм обеспечивающих функционирование санитарно-профилактических режимов и правил (по этому пути идет абсолютное большинство стран). Вторым – использование общих норм о поставлении в опасность. Полагаем, что наличие специальных норм, сконструированных по принципу формальных составов является наиболее оптимальным.

Российскому законодательству уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических норм известна достаточно давно. В Уставе благочиния, подписанном Екатериной II в 1782 г., впервые были объединены в одну группу «преступления против общенародного здравия» и получили название «разнос заразы» и «продажа испорченного припаса пропитания» [10]. Это может свидетельствовать о том, что уголовное законодательство предприняло попытку урегулировать вопросы, связанные с нарушением санитарно-эпидемиологических правил. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. также включало в себя норму, предусматривающую уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Традиционно данные нормы находились в главе, объединяющей преступления против здоровья населения. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. статья о нарушении санитарно-эпидемиологических правилах входила в главу 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». Так, в соответствии со ст. 216 ответственность наступала за не

извещение властей со стороны лиц, к тому обязанных, о случаях заразной болезни людей и заразного заболевания или падежа скота. Обязанность извещения властей о случаях заразных болезней людей предусматривалась обычно в тех случаях, когда соответствующая заразная болезнь принимала характер эпидемии [11].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. нарушение санитарно-эпидемиологических правил предусматривалось ст. 181, входившей в главу 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок». Статья 181 УК была сформулирована по типу формального состава и для привлечения к уголовной ответственности было достаточно факта нарушения правил по охране народного здоровья, при отсутствии каких-либо последствий [12]. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года содержал ст. 222 «Нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил, если оно повлекло или могло повлечь распространение эпидемических и других заразных заболеваний» [13]. Статья находилась в главе 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Исходя из диспозиции статьи, в объективную сторону преступления входили нарушения санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил, которые влекли или могли повлечь эпидемию либо распространение иных заразных заболеваний. В настоящее время в УК РФ содержится ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», которая сформулирована по типу материального состава преступления. Объективная сторона анализируемого преступления включает в себя 1) деяние в виде нарушения санитарно-эпидемиологических правил 2) последствия, в виде массового заболевания или отравления людей (ч. 1 ст. 236 УК РФ) либо смерти человека (ч. 2 ст. 236 УК РФ) и 3) причинно-следственную связь. Диспозиция ст. 236 УК РФ, как и статьи зарубежного законодательства, является бланкетной. Преступление может совершаться как путем действия, так и бездействия, рассмотрим характерные особенности каждой формы поведения применительно к анализируемому составу. По изученным нами приговорам преступления, совершаемые путем активного поведения, составили 50 %, т. е. не одна из форм преступного поведения не оказалась доминирующей.

Преступление признаётся оконченным, если нарушение санитарных правил повлекло массовое заболевание (эпидемию) или отравление. Таким образом, основной состав преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, включает в себя перечень альтернативных последствий. Для наступления уголовной ответственности достаточно наступления хотя бы одного из них.

Ранее действовавшая ст. 222 УК РСФСР 1960 г. в качестве последствия предусматривала только эпидемические и другие заразные заболевания. Толкование ст. 236 УК РФ позволяет говорить о любых массовых заболеваниях или отравлениях. Указанные последствия, которые являются обязательным признаком анализируемого преступления, характеризуются

оценочными признаками, уяснение которых вызывает определенную сложность у правоприменителей.

Если относительно наличия признаков заболевания вопросов, как правило, не возникает, то понятие «массовость» толкуется не так однозначно.

Проведенный нами социологический опрос показал, что 73 % из числа респондентов, в качестве которых выступили следователи и судьи, испытывают затруднения при применении данного признака. При этом, как правило, затруднения испытывают правоприменители, чей опыт работы превышает 10 лет. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что у этой категории правоприменителей уже накоплен определенный не только личный опыт, но и опыт применения нормы в судебной практике в целом, а его и нельзя назвать стабильным. По изученным нами уголовным делам наименьшим числом потерпевших, когда действия виновных квалифицировались по ч. 1 ст. 236 УК РФ, было 11 человек.

В диспозиции ст. 236 УК РФ отсутствует прямое указание на признаки субъекта; т.е. на лицо, на которое возложены обязанности соблюдения санитарно-эпидемиологических правил либо для которого эта обязанность вытекает из его компетенции и правового статуса, характера осуществляемой деятельности. В теории права относительно статуса субъекта данного преступления высказываются различные точки зрения.

Интерес, на наш взгляд, представляет мнение Г.Н. Борзенкова, который указывает, что «субъектом санитарных преступлений являются должностные лица и отдельные граждане, допустившие нарушение санитарно-эпидемиологических правил, достигшие 16-летнего возраста. К их числу могут относиться как сами заболевшие, явившиеся источником распространения инфекции, так и специалисты лица, не выполняющие требований, обусловленных спецификой их должностной или профессиональной деятельности. Должностные лица за нарушение санитарных правил должны отвечать не только по ст. 236 УК РФ, но и по ст. 285, 286 или 293 УК РФ, а лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной негосударственной организации – по ст. 201 УК РФ [14].

Мы придерживаемся такой же позиции, поскольку редакция статьи не предусматривает квалифицирующего обстоятельства, которое бы усиливало уголовную ответственность должностных лиц и уравнивает её с ответственностью граждан, которые обязаны соблюдать указанные правила, более того, злоупотребления должностными полномочиями и нарушение санитарно-эпидемиологических правил посягают на различные объекты. Выход из этой ситуации может быть только один – дополнить ст. 236 УК РФ квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за те же действия с использованием служебного положения.

С учетом неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки в стране и явно негативной тенденции к её ухудшению, интерес представляет предложение В.Ю. Ряднева реанимировать уголовную ответственность за

создание угрозы наступления массового заболевания, отравления, закрепив за это ответственность в ч. 1 ст. 236 УК РФ, а в ч. 2 предусмотреть ответственность за нарушения, которое сопровождается уже самими заболеваниями [15].

-
1. Уголовный кодекс Белоруссии. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840
  2. Уголовный кодекс Казахстана. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840
  3. Уголовный кодекс КНР. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840
  4. Уголовный кодекс Киргизии. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840
  5. Уголовный кодекс Турции. – URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>
  6. Уголовный кодекс Франции. – URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>
  7. Уголовный кодекс Австрии. – URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>
  8. Там же
  9. Уголовный кодекс Дании. – URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>
  10. *Козаченко И.Я., Незнамова З.А., Новоселов Г.П.* Уголовное право. Особенная часть. – М., 1997. – С. 422.
  11. <http://музейреформ.рф/node/13810>
  12. <http://музейреформ.рф/node/13973>
  13. <https://base.garant.ru/10107062/>
  14. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – Т. 4. – М., 2002. – С. 407–410.
  15. *Ряднев В.Ю.* Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил: дис... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. С. 107.

ПОНЯТИЕ И УСЛОВИЯ НАСТУПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В.М. Сайфутдинова

THE CONCEPT AND CONDITIONS OF LIABILITY

V.M. Sayfutdinova

Специфичность такого вида юридической ответственности, как материальная ответственность сторон трудового договора, выражается не только в том, что этот вид свойственен именно трудовым отношениям, но и своими условиями наступления. Актуальность исследования подчеркивается именно тем, что, несмотря на традиционный перечень имеющихся условий, каждое из них содержит отдельные аспекты при применении в практической действительности.

Ключевые слова: трудовой договор, специфика материальной ответственности, условия наступления материальной ответственности, работник, работодатель

Abstract: the specificity of this type of legal liability as material liability of the parties to the employment contract is expressed not only in the fact that this type is peculiar to labor relations, but also by its conditions of occurrence. The relevance of the study is emphasized by the fact that, despite the traditional list of available conditions, each of them contains separate aspects when applied in practical reality.

Keywords: employment contract, specifics of liability, conditions of liability, employee, employer

В ст. 232 Трудового кодекса РФ легально определена обязанность стороны трудового договора возместить ущерб, причиненный ею другой стороне этого договора, т. е. установлена материальная ответственность сторон трудового договора [1]. При этом расторжение трудового договора после подтвержденного факта причинения ущерба не влечет за собой освобождение виновной стороны этого договора от определенной в законодательстве ответственности.

Специфичность материальной ответственности рассмотрим через следующие положения.

1. Субъектами являются стороны трудовых отношений: работник и работодатель.

2. Взыскивать с работника допускается прямой действительный ущерб, но не полученные доходы (упущенная выгода) (ст. 238 ТК РФ).

3. Взыскивать ущерб с работника допускается в размере, не превышающим средний месячный заработок (ст. 248 ТК РФ).

4. В отношении долевой материальной ответственности ст. 245 ТК РФ определяется, что возмещаемый ущерб, причиненный по вине нескольких работников, рассчитывается для каждого с учетом степени его вины.

5. Возлагать материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба на работника при исполнении работником трудовых

обязанностей; недостачи ценностей, вверенных ему на основании специального письменного договора или полученных им по разовому документу (ст. 243 ТК РФ).

6. Статья 239 ТК РФ предоставляет возможность освобождения работников от материальной ответственности за ущерб, устанавливая конкретные случаи, речь идет о нормальном хозяйственном риске, крайней необходимости или необходимой обороне, неисполнении работодателем обязанности по обеспечению надлежащих условий для хранения имущества, вверенного работнику.

7. Право обращения в суд по спорам о возмещении работником вреда, причиненного организации, для работодателя определено сроком в 1 год со дня обнаружения причиненного вреда (ст. 392 ТК РФ).

Таким образом, материальная ответственность для работника и работодателя предполагает обязанность возместить ущерб, причиненный другой стороне трудового договора в результате совершения виновного противоправного неисполнения или ненадлежащего исполнения своих трудовых обязанностей.

К числу обязательных условий наступления материальной ответственности сторон трудового договора, указанных в ст. 233 ТК РФ, относятся следующие.

1. Наличие имущественного ущерба потерпевшей стороны.

Немаловажной проблемой в данном аспекте является отсутствие в трудовом законодательстве общего определения понятия «ущерб». Такое определение содержит в ст. 15 Гражданский кодекс РФ: «Убытки – это сумма реального ущерба и упущенной выгоды» [2]. Между тем Трудовым кодексом в ст. 232 применяется единый термин – «возмещение ущерба». Такая трактовка не дает возможности однозначно сделать вывод о существенных характеристиках данной дефиниции относительно работника и работодателя. Ведь работодатель в соответствии с ТК РФ возмещает работнику как реальный ущерб, так и упущенную выгоду (ст. 234, 235 ТК РФ) – убытки. А работник возмещает работодателю только реальный (прямой действительный) ущерб (ст. 238 ТК РФ). Следует учесть, что ущерб должен быть реальным, а не мнимым.

Также отметим, что в трудовом праве в размер ущерба не включаются не полученные организацией доходы. Но необходимо отметить, что в судебной практике при определении размера материального ущерба, причиненного работниками самовольным использованием в личных целях технических средств, принадлежащих организациям – работодателям, исходит из того, что такой ущерб, как причиненный не при исполнении трудовых (служебных) обязанностей, подлежит возмещению с применением норм гражданского законодательства, а значит, возмещается в полном объеме, включая и не полученные организацией доходы от использования указанных технических средств (в случае поломки «рабочего» принтера, будет возмещен не только прямой ущерб – ремонт принтера, но и материальный

ущерб –простой во время ремонта).

Бремя доказывания размера причиненного вреда возлагается на потерпевшую сторону, однако п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 52 от 16.11.2006 г. «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работника за ущерб, причиненный работодателю» определяет, что именно работодатель обязан доказать противоправность поведения (действия/бездействия) причинителя вреда [3].

Так, в одном из дел с исковым заявлением в суд обратилось Кизнерское потребительское общество к Э.Р. Тиминой о взыскании материального ущерба, причиненного недостатками товарно-материальных ценностей в размере 58618 рублей 71 копейка и расходов по уплате госпошлины в размере 1958, 56 рублей [4]. Э.Р. Тимина работала продавцом в одном из магазинов данного потребительского общества и с ней был заключен трудовой договор и договор о полной индивидуальной материальной ответственности, содержащий условие об ответственности за недостачу вверенного ей работодателем имущества. Между тем, доказывая противоправность действий Э.Р. Тиминой, ответчик провел две инвентаризации, которые показали, что в магазине была выявлена недостача на общую сумму 81648 руб. 66 коп. В ходе рассмотрения суд удовлетворил требования истца, хотя и истец уменьшил исковые требования, учитывая некоторые объективные обстоятельства.

2) Противоправность поведения (действия или бездействия), повлекшая причинение ущерба. Подчеркнем, что в данном аспекте бездействие стороны трудового договора может быть признано противоправным, при условии несоблюдения действий, которые в соответствии с установленными требованиями должны были быть совершены в данных конкретных условиях: работник не выключил электрическую печь, и вся выпечка, предназначенная для продажи, сгорела, что повлекло за собой выплату неустойки работодателем контрагенту за несвоевременную поставку продукции.

3) Вина в причинении ущерба.

В силу отсутствия понятий форм вины – умысла и неосторожности – в Трудовом кодексе РФ будем применять известные толкования данных терминов Уголовным кодексом РФ (ст. 25, 26), учитывая, что любая из форм вины достаточна для возложения ответственности на сторону трудовых отношений. Однако размер возмещаемого ущерба зависит от формы вины (ст. 236 ТК РФ)» [5].

При умышленной форме виновный осознает, что поступает противоправно, предвидит последующий ущерб работодателю, например тем, что копировальная техника будет выведена из строя и работник желает наступления таких последствий (прямой умысел). Отсутствие прямого желания, но сознательное допущение неблагоприятных последствий или безразличное отношение соотносится с косвенным умыслом работника: он не

соблюдает нормы загрузки, хотя не желает поломки техники.

Неосторожность виновного – это неосознание и невозможность предвидения, что может быть причинен ущерб (например, парикмахер по неосторожности использовал не то средство, которое сожгло волосы клиента), хотя работник мог и должен был это предвидеть, в силу исполнения своих профессиональных обязанностей.

Неосторожная вина может быть в виде самонадеянности: предвидение вредных последствий своих действий, но расчет на их предотвращение (сварщик не сразу сварил поломанную трубу, надеясь, что ничего не произойдет, но произошла поломка и как следствие – авария. А неосторожность в форме небрежности: виновный не предвидел таких последствий, хотя должен был и мог их предвидеть (например, устроитель пиротехнического шоу складывает возгорающиеся или использованные атрибуты шоу на деревянные скамейки, не предвидя, что возможно возгорание, хотя должен был и мог предвидеть такие последствия).

Факт противоправности действий и наличие вины можно проиллюстрировать следующим судебным разбирательством. Тимофеева А.В. приказом о приеме на работу от 01.03.2017 принята ведущим специалистом в Иркутский филиал САО «Надежда», в трудовом договоре от 01.03.2017 была прописана (п. 7.3) материальная ответственность работника [6]. 23.11.2018 администратором баз данных была составлена докладная записка о наличии суммы задолженности у агента Тимофеевой А.В. в размере 90 659 рублей 66 коп., которую агент обязуется погасить в срок до 29.11.2018. Тем не менее в соответствии со справкой о задолженности № 789 от 29.01.2019 по состоянию на 28.01.2019 задолженность агента Тимофеевой А.В. по несданным страховым премиям составляла 80 659 рублей 66 коп. То есть Тимофеева А.В. перевела на счет САО «Надежда» денежные средства в сумме 10 000 рублей, что подтвердило её осведомленность о наличии у неё задолженности перед работодателем по оформленным полисам страхования.

Из анализа представленных суду документов следует, что ответчиком оформлялись страховые полиса, взималась плата за выдачу страхового полиса с клиентов САО «Надежда», но в дальнейшем денежные средства не были переданы работодателю. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52 указано, что: «если работодателем доказаны правомерность заключения с работником договора о полной материальной ответственности и наличие у этого работника недостачи, последний обязан доказать отсутствие своей вины в причинении ущерба». В данном случае презумпция вины у данных материально ответственных лиц определена законодательством и такие работники, а не работодатель должны доказать свою невинность. Исковые требования Страхового акционерного общества «Надежда» были удовлетворены.

4) Причинная связь между противоправным поведением и наступившим ущербом. В п. 4 Постановления от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении законодательства, регулирующего материальную ответственность

работников за ущерб, причиненный работодателю» Пленума Верховного Суда РФ [7] особо акцентируется внимание на данном условии.

Так, в одном из судебных дел общество с ограниченной ответственностью «Алькор и Ко» 8 апреля 2016 г. обратилось в суд с иском к Борцовой К.И., Гнездовской М.И., Головановой Е.М., Гонгапшевой А.З., Гусевой Я.А., Грыщышеной О.Б., Екимияни Л.Д., Железняковой Е.С., Исламовой Г.Р., Лавриненко М.А., Токаревой Н.А., Янбухтиной К.А. о возмещении ущерба. В обоснование исковых требований истец указал, что в подразделении розничной торговли № 896 с 17 ноября 2014 г. по 9 апреля 2015 г. данные лица работали в составе бригады. ООО «Алькор и Ко» с каждым из ответчиков были заключены трудовые договоры, при приеме на работу ответчики были ознакомлены под роспись с должностными инструкциями и включены в договор о коллективной (бригадной) материальной ответственности. 9 апреля 2015 г. сличительная ведомость результатов инвентаризации товарно-материальных ценностей показала сумму прямого действительного ущерба в размере 3 703 498 руб. 36 коп. Тем не менее, разрешая спор по существу и отказывая решением от 3 ноября 2016 г. ООО «Алькор и Ко» в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 242 ТК РФ п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2016 г. № 52, пришел к выводу о том, что истцом не доказаны обстоятельства, необходимые для возложения на ответчиков (работников) материальной ответственности за причиненный работодателю ущерб: противоправность поведения ответчиков, причинная связь между их поведением и причиненным ООО «Алькор и Ко» ущербом, правомерность заключения с работниками договора о полной материальной ответственности, а также факт передачи им имущества, недостача которого обнаружена в ходе инвентаризации товарно-материальных ценностей 9 апреля 2015 г. [8].

В итоге отметим, что привлечение стороны трудового договора к материальной ответственности возможно только при наличии одновременно всех указанных выше условий. Отсутствие в действиях стороны трудового договора хотя бы одного из перечисленных условий ведет к полному освобождению от обязательств компенсировать вред, причиненный имуществу потерпевшей стороне. При этом исключения могут быть предусмотрены Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами. Таким образом, в целях соблюдения законодательства, при наступлении материальной ответственности необходимо исследовать все условия проанализированные выше. Также следует отметить, что законодательство особым образом защищает работника как более экономически слабого субъекта, чем работодателя. Работодатель как субъект хозяйственной деятельности несет перед работником полную ответственность за причиненный ему ущерб в полном объеме, а возможно и в более высоком размере, закрепляя это в соответствующих трудовому законодательству актах.

---

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 дек. 2001 г.: одобр. Сов. Федер. 26 дек. 2001 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (Ч.1). – Ст. 3.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октяб. 1994 г. // СЗ РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

3. О применении законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Решение Кизнерского районного суда № 2-541/2018 2-541/2018-М-456/2018 М-456/2018 от 30 октября 2018 г. по делу № 2-541/2018 Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc/6OncW3ybkCgK/>.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 дек. 2001 г.: одобр. Сов. Федер. 26 дек. 2001 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (Ч.1). – Ст. 3.

6. Решение Свердловского районного суда г. Иркутска (Иркутская область) № 2-3442/2019 от 29 июля 2019 г. по делу № 2-3442/2019 Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc/2MvhbLRVFGzX/>.

7. О применении законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2018 № 5-КГ18-161 Электронный ресурс: <http://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vs-rf-ot-20-08-2018-5-kg18-161/>.

**ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОВЕСТКА ДНЯ,
ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА ЧЕЛОВЕКА:
ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА**

А.В. Серова

**DOCUMENTS OF THE STRATEGIC PLANNING OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE HUMAN-ORIENTED AGENDA: THE FACES
OF CONTACT IN THE WORLD OF WORK**

A.V. Serova

Проведен анализ федеральных документов стратегического планирования России, в которых затрагиваются вопросы достойного труда, на предмет их соответствия повестке дня, ориентированной на человека. Делается вывод о том, что они содержательно не соответствуют трем основным направлениям инвестиций, определенным Глобальной комиссией по вопросам будущего сферы труда.

***Ключевые слова:** достойный труд, качество трудовой жизни работников, повестка дня, ориентированная на человека, документы стратегического планирования.*

The article analyzes the federal strategic planning documents of Russia, which address decent work issues, in terms of their relevance to the human-centered agenda. The conclusion is made that they do not substantively correspond to the three main areas of investment identified by the Global Commission on the Future of Work.

***Keywords:** decent work, quality of working life, human-oriented agenda, documents of the strategic planning.*

В 1999 г. в рамках Международной организации труда (далее – МОТ) была сформулирована концепция достойного труда, которая предполагает достижение результатов по следующим основным четырем стратегическим направлениям: основополагающие принципы и права в сфере труда, занятость, социальная защита и социальный диалог [1]. В течение последующих 20 лет данная концепция непрерывно развивалась. В настоящее время она является как никогда актуальной, особенно если учесть происходящие цифровые трансформации во всех сферах жизни общества. В 2019 г. в докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда [2], основные положения которого нашли свое отражение в Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда 2019 г. [3], сформулирована повестка дня, ориентированная на человека, которая по своей сути является «новым прочтением» концепции достойного труда. Теперь в качестве главного ориентира для общественного прогресса и улучшения качества трудовой жизни признаётся не рост производительности труда, а развитие самого человека. В центре внимания политики любого государства должны быть права, желания и способности конкретных людей. Основываясь на этих идеях, МОТ определены следующие три направления инвестиций

государства и бизнеса: развитие способностей человека, институты рынка труда, достойная и стабильная занятость [4].

Не ставя перед собой цели их подробного изучения, стоит отметить, что Российская Федерация, будучи страной-участницей МОТ, должна соответствовать общемировому тренду развития отношений в сфере труда. Поскольку в национальных документах стратегического планирования фиксируются приоритетные цели и задачи социально-стратегического развития российского государства, вследствие чего они задают вектор реформирования действующего законодательства, в том числе и трудового, постольку с прогностической точки зрения интересным представляется провести их анализ на предмет соответствия повестке дня, ориентированной на человека.

Так, согласно п. 30 и п. 31 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» повышение качества жизни российских граждан, равно как и экономический рост, определены в качестве национальных интересов и соответствующих стратегических национальных приоритетов. В силу п. 50 данного Указа «стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов». Исходя из этого, а также принимая во внимание последовательность изложения правового материала в данном документе и его содержание в целом, можно заключить, что в России имеются правовые предпосылки для реализации повестки дня, ориентированной на человека. Однако так ли это на самом деле – вот, с чем следует определиться.

В 2010 г. был утвержден перечень государственных программ РФ (Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 № 1950-р), в соответствии с которым документы стратегического планирования были подразделены на несколько блоков последующим направлениям: новое качество жизни, инновационное развитие и модернизация экономики, обеспечение национальной безопасности, сбалансированное региональное развитие, эффективное государство. В рамках первого из указанных направлений были приняты такие государственные программы, как, например, «Содействие занятости населения» (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 298) и «Социальная поддержка граждан» (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 296). Что касается первой программы, то она включает в себя 3 действующие подпрограммы, которые посвящены проблемам активной политики занятости населения и социальной поддержки безработных граждан, развития институтов рынка труда, безопасности труда. Анализ содержания данной государственной программы позволяет сделать вывод о том, что она только частично затрагивает вопросы, связанные с реализацией повестки дня, ориентированной на человека. Программа в

основном направлена на реализацию таких мер, которые охватывают преимущественно этапы привлечения и высвобождения рабочей силы. Что касается сохранения и поддержания уже достигнутой занятости, то в этой части данная программа затрагивает только проблему безопасности труда. Относительно государственной программы «Социальная поддержка граждан» следует указать, что она включает в себя 7 подпрограмм, причем только некоторые из них касаются вопросов достойного труда в части обеспечения социальной поддержки отдельных категорий работников.

Одновременно с этим документы стратегического планирования в России имеют также несколько иную классификацию. Согласно п. 2 Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» все принимаемые на сегодняшний день документы стратегического планирования сгруппированы по нескольким направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт. Среди таковых особого внимания в рамках проводимого исследования заслуживают Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» (далее – Указ Президента РФ № 203), национальный проект (программа) «Производительность труда и поддержка занятости», паспорт которой утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16), а также национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», паспорт которой утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 04.06.2019 № 7). Что касается первого национального проекта, то он, судя по его тематике, один из немногих документов стратегического планирования, который призван комплексно охватить и проблему повышения качества трудовой жизни работников, и проблему роста производительности труда в их неразрывной взаимосвязи. Но при всем при этом он, к сожалению, в полной мере не соответствует повестке дня, ориентированной на человека, поскольку в его содержании сквозной нитью прослеживается идея о том, что приоритет отдается именно росту производительности труда, а не повышению качества трудовой жизни граждан. Как определено в п. 6.2 паспорта названного национального проекта, «производительность труда является ключевым индикатором экономического развития и конкурентоспособности страны, а также детерминантом уровня жизни населения». Являющийся его частью федеральный проект «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» в общем виде

нацелен на достижение следующих показателей: подготовка кадров в целях повышения производительности труда, обучение работников, которые были высвобождены или находятся под риском высвобождения, совершенствование деятельности центров занятости населения. Другие показатели достойного труда не включены в содержание данного документа. Остальные два федеральных проекта «Системные меры по повышению производительности труда» и «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» преимущественно направлены на финансовое стимулирование роста производительности труда посредством гарантирования субъектам предпринимательской деятельности льготных кредитов и займов, предоставления налоговых преференций и мер государственной поддержки, снижение административно-правовых ограничений для роста производительности труда и развитие экспортного потенциала участников пилотных проектов. Вопросы обучения работников они также затрагивают, но только в части подготовки тех кадров, которые относятся к управленческому звену организаций и служб занятости населения.

В докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда «Работать ради лучшего будущего» проблемы, возникающие на рынке труда в связи с развитием цифровой экономики, рассматриваются в качестве одних из основных. Этому вопросу уделено особое внимание в рамках отдельного параграфа «Технологии в интересах достойного труда». Кроме того, он затрагивается так или иначе во всех остальных частях доклада. 20 февраля 2019 г. Президент РФ в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ обозначил в качестве первого приоритета при решении системных проблем в экономике «опережающий темп роста производительности труда, прежде всего на основе новых технологий и цифровизации, формирование конкурентоспособных отраслей» [5]. В следующем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г. эта идея также прослеживается [6]. Поэтому следующие документы стратегического планирования, которые должны быть подвергнуты критическому анализу, – Указ Президента РФ № 203 и Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Очевидно, что реализация определенных в них мероприятий способна существенным образом одновременно повлиять и на качество трудовой жизни работников, и на производительность труда.

Как определено в п. 39 Указа Президента РФ № 203, «целью создания новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы является повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного

развития». «Защита интересов российских граждан, обеспечение их занятости (развитие цифровой экономики не должно ущемлять интересы граждан)» обозначены в качестве одного из национальных интересов в области цифровой экономики (п. 42 Указа Президента РФ № 203). В рамках развития цифровой экономики приоритетным является развитие и внедрение в практику следующих информационных и коммуникационных технологий: конвергенция сетей связи и создание сетей связи нового поколения; обработка больших объемов данных; искусственный интеллект; доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации, в том числе в кредитно-финансовой сфере; облачные и туманные вычисления; интернет вещей и индустриальный интернет; робототехника и биотехнологии; радиотехника и электронная компонентная база; информационная безопасность (п. 36 Указа Президента РФ № 203). Применительно к сфере труда наиболее значимыми представляются следующие задачи их применения, определенные в п. 40 и п. 41 Указа Президента РФ № 203: создание различных технологических платформ для дистанционного обучения в целях повышения доступности качественных образовательных услуг; стимулирование российских организаций в целях обеспечения работникам условий для дистанционной занятости; развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления наряду с сохранением возможности взаимодействия граждан с указанными организациями и органами без применения информационных технологий; создание основанных на информационных и коммуникационных технологиях систем управления и мониторинга во всех сферах общественной жизни; внедрение систем повышения эффективности труда в государственных и коммерческих организациях и др.

Данные положения должны быть претворены в жизнь посредством реализации комплекса мероприятий, сформулированных в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации». Она состоит из 6 федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление». Так, например, в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» одним из ожидаемых результатов является «обеспечение нормативного регулирования цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства, в том числе в части: учета сведений о трудовой деятельности работника в электронном виде («электронная трудовая книжка»); заключения, изменения, расторжения и хранения трудовых договоров, внедрения кадрового документооборота в электронном виде. Таким образом, данная программа в основном обеспечивает технический аспект взаимодействия субъектов трудовых отношений, упуская, к сожалению, из виду качественный элемент последствий внедрения в практику их деятельности различных цифровых

технологий. Непосредственно к сфере труда относятся также отдельные запланированные мероприятия в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». К ним, в частности, относятся: определение приоритетных для развития цифровой экономики специальностей для подготовки кадров, увеличение их количества на рынке труда, актуализация профессиональных стандартов, повышение цифровой грамотности населения и др.

Самостоятельным направлением исследования в контексте реализации повестки дня, ориентированной на человека, может быть изучение государственной политики в сфере охраны труда. Как указывается в Докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда, 2,78 миллионов человек ежегодно умирает в результате несчастных случаев на производстве или профессиональных заболеваний [7]. Развитие цифровых технологий значительным образом будет способствовать снижению обозначенных показателей. Частично это будет достигнуто за счет демографической и экологической политики и пр. Очевидно, что данная проблема требует комплексного подхода в её решении. Однако в настоящее время вопросы охраны труда включены преимущественно в повестку дня в рамках демографической политики государства, а координирует их Департамент условий и охраны труда в структуре Минтруда России. Так, например, в соответствии с Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве одного из целевых индикаторов определено «сокращение уровня смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний за счет перехода в сфере охраны труда к системе управления профессиональными рисками (включая информирование работников о соответствующих рисках, создание системы выявления, оценки и контроля таких рисков), а также за счет экономической мотивации для улучшения работодателем условий труда». Похожее положение содержится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р) в разделе про приоритетные направления государственной демографической политики. Думается, что в свете реализации повестки дня, ориентированной на человека, вопросам охраны труда должен быть уделен более высокий уровень внимания посредством придания им самостоятельного приоритетного значения.

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо отметить следующее. Систематизация действующих на сегодняшний день в России документов стратегического планирования представляет собой весьма трудоемкую задачу. Во-первых, их очень много. Во-вторых, такие документы принимаются в разнообразных формах (концепции, стратегии развития, государственные программы, национальные проекты, федеральные проекты и пр.). В-третьих, с точки зрения территории их действия, они утверждаются

как на федеральном уровне, так и на региональном уровне, что ещё больше усложняет задачу их систематизации. При этом в рамках настоящего исследования в силу ограниченности его объема были проанализированы только документы стратегического планирования федерального уровня. В-четвертых, ввиду отсутствия нормативного закрепления таких понятий, как «достойный труд», «качество трудовой жизни», а также ввиду отсутствия определенности в решении вопроса об их индикаторах крайне сложным становится выделение каких-то конкретных логически правильных оснований для систематизации всего массива документов стратегического планирования. Тем более что по своему содержанию они очень часто друг с другом пересекаются в различных вариациях, причем не всегда уместных. Зачастую это приводит к тому, что формально провозглашаются такие стратегические цели национального развития, которые по существу соответствуют повестке дня, ориентированной на человека, однако фактические мероприятия, направленные на их реализацию, достигают иных целей. Думается, что выстроить каркас для определения основных направлений государственной политики и развития трудового законодательства способны те три направления инвестиций, которые предложены Глобальной комиссией по вопросам будущего сферы труда: развитие способностей человека, институты рынка труда, достойная и стабильная занятость.

---

1. Decent Work: Report of the Director-General of the International Labour Conference. 87th Session of the ILC, Geneva, June 1999. – URL: <https://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc87/rep-i.htm> (дата обращения: 12.02.2020).

2. Работать ради лучшего будущего : доклад Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда. – Женева: МБТ, 2019. – С. 24, 32.

3. Итоговый документ столетия МОТ : доклад IV 108-й сессии Международной конференции труда. – Женева: МБТ, 2019. – С. 5–9.

4. Работать ради лучшего будущего : доклад Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда. – Женева: МБТ, 2019. – С. 24, 32.

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Работать ради лучшего будущего : доклад Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда. – Женева: МБТ, 2019. – С. 24, 32.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.А. Симонов

PROSPECTS OF CONSTITUTIONALISM IN THE MULTI-ETHNIC RUSSIAN FEDERATION

V.A. Simonov

Исследуется содержание статей Конституции Российской Федерации, анализируется их соответствие принципам конституционализма как верховенства справедливой реальной юридической Конституции. Оценивается значение предложенных Президентом России В.В. Путиным поправок в формировании конституционно-правовой основы национальных (этнических) и связанных с ними отношений. Формулируются предложения по дальнейшему совершенствованию нормативной правовой базы конституционализма в многонациональной Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, поправки, национальные отношения, федерация, государствообразующий народ, права человека и гражданина.

The article examines the content of articles of the Constitution of the Russian Federation, analyzes their compliance with the principles of constitutionalism as the supremacy of a fair real legal Constitution. The significance of the amendments proposed by Russian President Vladimir Putin in forming the constitutional and legal basis of national (ethnic) and related relations is assessed. Proposals are formulated for further improvement of the normative legal base of constitutionalism in the multinational Russian Federation.

Keyword: Constitution, amendments, national relations, Federation, state-forming people, human and civil rights.

Внимание общественности к качеству конституционного регулирования существенно возросло под влиянием послания Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г., внесение в Государственную Думу проекта закона Российской Федерации № 885214-7 «О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», наконец, принятие этого закона, зарегистрированного как 1-ФКЗ от 14 марта 2020г.

В ходе обсуждения этих поправок высказывалось немало рекомендаций по корректировке действующего Основного закона. Однако не все они в равной степени оказались бы способными поднять отечественный конституционализм на новый качественный уровень. Тем более что некоторые дефекты Конституции 1993 г. невозможно устранить парламентским путем за счет принятия закона Российской Федерации, а отдельные авторы предложений не обладали достаточным уровнем юридической подготовки.

Дискуссионно и само понимание конституционализма, по-разному интерпретируемое представителями как юридической, так и других отраслей

науки [1]. Определяя конституционализм как основанный на реальной юридической конституции особый режим функционирования публичной власти, следует помнить, что сама по себе эта конституция как нормативный правовой акт, даже при высочайшей юридической технике, формальна. Одно её наличие ещё не порождает справедливого государственного строя, всё зависит от содержания, вложенного в этот документ. Чтобы иметь правовой характер, он должен быть наполнен идеями гуманизма, демократизма, справедливости.

Обобщив имеющиеся в литературе различные характеристики конституционализма, его можно определить как особый режим функционирования государственной власти и построенную на нём сложную политико-правовую систему, предполагающую формирование отношений между государством и обществом в рамках политического управления (согласования интересов сторон), базирующегося на реальной юридической конституции, закрепляющей принципы демократического, правового, социального государства.

Именно это и есть справедливый конституционализм, позволяющий создать реальный демократический конституционный строй.

Оценивая содержание принятого, но не вступившего в силу Закона Российской Федерации № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. «О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», согласимся с позицией С.Н. Бабурина в том, что конституционные преобразования современной России требуют решения не столько юридических, сколько социальных задач. Это касается основанного на здравом смысле подхода к прожиточному минимуму, пенсиям и социальным пособиям, который в дальнейшем следовало бы распространить и на заработную плату трудящихся, на само право на труд [2]. Реализация данных новелл будет, безусловно, полезна всех граждан Российской Федерации и понята ими как проявление справедливости, не зависимо от этнической, расовой или религиозной принадлежности каждого.

Устранение конституционных дефектов непосредственно политико-правового требует как минимум принципиальной корректировки содержания ст. 2, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 19 и даже Преамбулы Конституции Российской Федерации. На данное обстоятельство указывали многие участники обсуждения, отметив, в частности, что положения о Боге, сохранении исторических, нравственных и культурных ценностей, роли русского народа лучше всего закрепить в Преамбуле [3]. Некоторые авторы рекомендовали осуществить такое закрепление путем его включения в содержание выдвинутого Президентом законопроекта. Очевидно, они мотивировали свою позицию тем, что, если процедура изменения специально не обозначена в законе, а само изменение не запрещено, оно допустимо в любом порядке. Как заявил Депутат Госдумы В. Гартунг, это не требует внесения изменений ни в 1, 2 и 9-ю главы, ни в другие главы, для корректировки которых есть

особый порядок. А в преамбулу Конституции можно внести некоторые фразы, которые бы ответили бы на современные вызовы и дали бы понять всем, что мы дорожим своей историей и культурой[4].

Данный вывод ошибочен. Отсутствие в ст. 135–137 Конституции и процедуры изменения Преамбулы, и запрета на его осуществление совершенно не означает произвольного порядка корректировки вводной части Основного закона по принципу «можно всё, что не запрещено». Данный принцип применим в частно-правовых отраслях, а отношения по изменению структуры и содержания Конституции имеют публичный характер. Регламентирующая их отрасль конституционного (государственного) права России относится к разряду публично правовых. Это значит, что она допускает только те поведенческие возможности субъектов, и только в тех рамках, которые предписываются юридической нормой. Поэтому Преамбулу Конституции Российской Федерации можно изменить только путем принятия новой Конституции.

Оно регламентировано ст. 134–135 Конституции Российской Федерации, Федеральным законом от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» и требует созыва Конституционного Собрания. Несмотря на то, что его формирование было предусмотрено ещё в переходный период 1993–1995 гг., а соответствующие проекты федеральных конституционных законов с тех пор пятикратно вносились в Государственную Думу, на деле этого органа до сих пор не существует. И хотя 6 марта 2020 г. депутаты от фракции Коммунистической партии Российской Федерации в шестой раз внесли законопроект о нём на рассмотрение Государственной Думы [5], сопредседатели рабочей группы Т. Хабриева, П. Крашенинников и А. Клишас подтвердили приверженность изначальной модели конституционных преобразований, и что преамбула Конституции корректироваться не будет [6].

Требует исправления содержание ст. 2 Конституции Российской Федерации. Оно может быть неверно истолковано в противоречии не только с нравственными принципами межличностных человеческих отношений, но и с основами социальной кибернетики. Подчас его ложно интерпретируют как юридическое оправдание индивидуализма, противопоставление отдельного индивида человеческим сообществам – государству, народу, этносу, даже семье. Тем самым подрывается заложенный самой природой гармоничный характер отношений общества как целостной социальной системы и человека как его первичного элемента. Хотя именно такой порядок заложен в исторических и культурных традициях каждого народа России, ориентируя людей на взаимопомощь и взаимное уважение. Они служат важнейшим фактором формирования и укрепления социальных связей, а исторический опыт показывает, что только то общество в состоянии успешно противостоять энтропии, где в решающий момент каждый индивид способен подчинить свои личные интересы интересам социума.

С учетом сказанного, второе предложение ст. 2 Конституции следует изложить в такой редакции: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение гармоничного сочетания его прав с интересами и ценностями общества – обязанность государства».

Ввиду семантического многообразия термина «народ», используемого Конституцией как в единственном (ст. 3), так и во множественном (ч. 3 ст. 5, ч. 1 ст. 9. ст. 69) числах, необходимо раскрыть его смысловое наполнение в каждом из конкретных случаев. Провозглашая народ носителем власти и источником государственного суверенитета, ст. 3 должна толковать его как цивилизационный союз населяющих Российскую Федерацию её граждан различной этнической принадлежности, объединенных общей исторической судьбой, традициями, политической и правовой культурой. Часть 3 ст. 5, закрепляющая «равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации» в качестве принципа федеративной организации многонационального государства, должна интерпретировать слово «народы» в этническом ключе, как этнические общности. А сам принцип должен формулироваться как «равноправие и самоопределение наций, народностей, национальных, этнических и этнографических групп в Российской Федерации». В этническом ключе, на наш взгляд, следует говорить о народах в ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации, провозглашающей землю и природные ресурсы основой их жизни и деятельности. Такое же толкование должно применяться для ст. 69 о коренных малочисленных народах.

Требует корректировки содержание ст. 13 Конституции, особенно ч. 2, о невозможности установления государственной или общеобязательной идеологии. Тезис неверен политически и совершенно безграмотен теоретически, поскольку государства без собственной идеологии быть не может. В условиях идеологического плюрализма всё равно должен быть главный, системообразующий идеологический курс, системообразующий, подчиняющий все идеологические течения единой цели обеспечения поступательного развития общества. Это тем более важно в условиях полиэтнического и многоконфессионального состава населения страны, где каждая национальная или религиозная общность имеют собственные идеологические платформы. К сожалению, некоторые из них могут носить ортодоксальный характер и содержать идеи, реализация которых оборачивается нарушением прав человека, нанесением вреда здоровью и даже жизни людей. Подчас такую деятельность пытаются оправдать традиционным укладом, даже обвиняя критиков в посягательстве на культурно-бытовые и сакральные составляющие этничности того или другого народа.

Подобные аномалии в последнее время становятся предметом международных обсуждений на самом высоком уровне, включая Организацию Объединённых Наций [7]. Конституция Российской Федерации (ч. 5 ст. 13 и ч. 2 ст. 29) запрещает разжигание расовой, национальной и религиозной розни и пропаганду расового, национального, религиозного или

языкового превосходства. Более того, ч. 3 ст. 55 даже разрешает ограничивать федеральным законом права и свободы человека и гражданина в целях защиты, в том числе нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Это фактически и есть одно из проявлений государственной идеологии, но снятие официального запрета на её существование придаст новый созидательный импульс российской государственной политике.

В аспекте совершенствования конституционного строя в нашем полиэтническом многоконфессиональном государстве следует ещё раз указать на необходимость корректировки ст. 19 Конституции Российской Федерации [8]. Воспроизведение в ч. 2 этой статьи положений ст. 1 Международной конвенции ООН «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» от 25 декабря 1965 г. ориентировано на политическую практику зарубежных государств и не учитывает подход к определению расовой принадлежности в отечественной науке. В силу этого, а также неудовлетворительной редакции самой ст. 19 Конституции, из содержания ч. 2 этой статьи вытекает запрет на ущемление по расовым признакам только российских граждан. Он не распространяется на иностранцев и апатридов, что оправдывает возможные ограничения их прав по критерию, обусловленному не противозаконным поведением самого человека, а его природно-биологическими особенностями. Закрепляющая такие ограничения нормативная формулировка не правомерна.

К сожалению, несмотря на важность и целесообразность вышеуказанных корректив, их осуществление не охватывалось содержанием предложенной Президентом Российской Федерации концепцией поправок в Конституцию России. Вместе с тем некоторые из новелл, вошедших в закон Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г., в той или иной степени касаются этно-политической проблематики.

Например, ч. 2 вновь введенной ст. 67¹ говорит о памяти «предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», в чем некоторые участники обсуждения, включая известных юристов и даже членов рабочей группы по подготовке предложений о поправках в Конституцию, усмотрели усиление влияния церкви и подрыв принципа светского государства [9]. Однако содержание закрепляющей данный принцип ст. 14 Конституции осталось прежним, а формулировка призвана лишь подчеркнуть факторы, обеспечившие преемственность в развитии Российского государства. Думается, в значительной мере её появление можно объяснить отсутствием в Российской Федерации так называемой «национальной идеи», т. е. общепризнанной идеологической конструкции, содержащей систему ценностей, ориентация на которые способна сплотить многонациональный народ России.

Часть 1 ст. 68 усиливает гарантии русского языка как государственного языка на всей территории Российской Федерации, называя его «языком государствообразующего народа». Это уточнение вызвало не только категорическое отторжение в зарубежных антироссийских кругах, но и, мягко говоря, недопонимание у некоторых общественных, религиозных и государственных лидеров, деятелей искусства и культуры в самой России [10]. Среди несогласных – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи А. Файзрахманов, член комитета Госсовета Татарстана по государственному строительству Р. Ратникова, муфтий Татарстана К. Самигуллин, российский кинорежиссер К. Шахназаров и даже председатель комитета Государственной Думы по конституционному законодательству П. Крашенинников и руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН доктор исторических наук Л.М. Дробижева. Черкесский общественный деятель из Иордании, писатель и историк А. Башкави по поводу новой редакции Конституции России даже направил обращение в Парламентскую Ассамблею Совета Европы [11].

Их основные контраргументы основывались на личных впечатлениях, воспитании и жизненном опыте, убеждающих в существовании доброжелательных отношений между людьми разной национальной принадлежности; на констатации фактического признания всеми этническими общностями России лидирующей роли русских в российском социуме; на уверенности в том, что подавляющее большинство населения ощущает себя, прежде всего, гражданами Российской Федерации, считая национальную принадлежность вторичной; на признании термина «многонациональный народ» без «русского» уточнения исторически оправданным и проверенным временем, доказавшим свою целесообразность в ликвидации межэтнической напряженности в годы «парада суверенитетов» конца XX в.; на опасении того, что конституционное упоминание о «государствообразующей» роли русских способно ущемить этническое самочувствие других народов, реанимировать межнациональную напряженность и конфликты.

Однако приведенные аргументы, даже отражая некую часть реальной действительности, отвергать «русскую» формулировку оснований не дают. Во-первых, Россия, как и любое государство имперского типа, развивалось за счет усилий государствообразующего этноса, освоения им новых земель, вовлечения в сферу российского государственного, экономического и культурного влияния население этих территорий. Таким народом в России исторически являлись и являются русские.

Во-вторых, государствообразующий этнос как правило, является титульным, т. е. его этноним (этническое самоназвание) кладется в основу названия государства, а его язык приобретает статус государственного.

В-третьих, учитывая, что уровень патриотизма у государствообразующего этноса выше, чем у других граждан этого государства, в переломные моменты истории, когда государство испытывает

существенные трудности, для их преодоления власти мобилизуют именно государствообразующую (титულную) этническую общность.

В-четвертых, по мнению специалистов в области военной демографии и военной статистики, именно государствообразующий (титулный) этнос является наиболее лояльным к своему государству и наиболее стойким его защитником в случае нападения агрессора. Он же является источником рекрутирования наиболее боеспособной части личного состава рот, батальонов и полков. Не случайно в годы Великой Отечественной войны части и подразделения отправлялись на переформирование, если русских в них насчитывалось меньше половины.

Именно осознание системообразующей роли русских в России и побудило поставить на повестку дня вопрос о необходимости конституционного закрепления государствообразующей роли русского народа. Позитивность такого шага, тем более без предоставления русским связанных с национальной принадлежностью льгот и привилегий, признают даже те, кто не является носителями русской этничности. Среди них, например, Верховный муфтий России Талгат Таджуддин [12] и известный израильский публицист Авигдор Эскин [13].

Часть 4 новой редакции ст. 68 Конституции содержит важное положение о культуре в Российской Федерации как об уникальном наследии многонационального народа, поддерживаемом и охраняемом государством.

Требуется уточнение соотношения понятий «народы» и «этнические общности» в ч. 2 новой редакции ст. 68 Конституции о государственной защите культурной самобытности «всех народов и этнических общностей» Российской Федерации, гарантированности их «этнокультурного и языкового многообразия». Из содержания данной нормы следует однозначный вывод об этнической семантике этих терминов, но не понятно, с какой целью законодатель прибегает к тавтологии, ибо в этносоциологии содержания понятий «народ» и «этническая общность» идентичны.

Новый пункт – «ж-1» ч.1 ст. 72 Конституции содержит материально-правовую конституционную гарантию социального воспроизводства как первоочередного направления национальной и в целом социальной политики. Оно направлено на обеспечение этнофорам возможности воспроизводить себе подобных, продолжать не только собственный свой род, но и существование своего этноса в будущем. Это определение института брака как союза мужчины и женщины, в связи с чем новая редакция п. «в» ч. 1 ст. 114 возлагает на правительство Российской Федерации обеспечение проведения политики поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

К сожалению, осталась не урегулированной коллизия между п. «в» ст. 71 и п. «б» ст. 72 Конституции Российской Федерации о том, к какой сфере ведения – федеральной или сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, относить защиту прав национальных меньшинств.

Думается, данное полномочие должно находиться в сфере совместного ведения.

В связи с тем, что Россия является не просто многонациональным государством, а федерацией, часть субъектов которой составляют национально-государственные образования, следует обратить внимание на изменения в механизме представительства субъектов на федеральном уровне. Речь идет о порядке формирования Совета Федерации – палаты, которая должна специально объединять посланцев от субъектов для учета и реализации интересов субъектов на федеральном общегосударственном уровне.

Изначально Совет Федерации, как и положено кантональной палате, объединял только равное число представителей (по два) от каждого субъекта Российской Федерации. Затем их состав расширился за счет назначаемых Президентом «представителей Российской Федерации» из расчета не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации – представителей субъектов Российской Федерации,

В соответствии с поправками образца 2020 г. численность представителей назначаемых лично Президентом увеличится до 30 человек, из которых до 7 человек может назначаться пожизненно. Пожизненным статусом будет наделяться и Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока пребывания в должности или досрочно в случае отставки. Появление в Совете Федерации представителей от федерации в целом, а точнее – от федеральных органов государственной власти сложно объяснить с позиций классических представлений о структуре кантональной палаты. Учитывая, что новая редакция ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации допускает, наряду с субъектами федерации, образование федеральных территорий, обоснованно судить о предстоящем реформировании формы государственного единства России. Вполне вероятно, что существующие сегодня в составе Совета Федерации «представители Российской Федерации» могут быть частично переориентированы на представительство от федеральных территорий. Впрочем, нельзя исключить и дальнейшую унитаризацию Российской Федерации.

Закон Российской Федерации 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. «О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» вносит существенные изменения и дополнения в действующую Конституцию полиэтнической России. Хотя в целом президентская концепция конституционных преобразований внутренне противоречива, ибо для обеспечения верховенства реально действующей справедливой (правовой) Конституции, нужны изменения в статьях глав 1 и 2. Хотелось бы верить, что такие перспективы реальны. Стране нужны перемены, и пусть нынешние поправки станут их началом.

1. *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России. – М., 2003; *Кравец И.А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005; *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. – М., 2008; *Мамут Л.М.* Правовое государство: идеологема и современные конституционные тексты // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2. – С. 101–108.; *Чиркин В.Е.* Вызовы современности и российский конституционализм: общее, особенное, единичное // Проблемы реализации Конституции. Международное исследование. – М., 2008. – С. 34–47; *Шайо Л.* Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. – М., 1999, и др. работы.

2. *Горшенин В.* Сергей Баурин: безоговорочно приветствую реформы, хотя они неоднозначны [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pravda.ru/politics/1483408-Sergey_Baburin/ (дата обращения: 25.03.2020).

3. На это, в частности, указали члены рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию О. Амельченкова, К. Малофеев, В. Гартунг и сопредседатель группы, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Т. Хабриева (Бог велит закрепить в Конституции православную духовно-нравственную основу жизни [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2020/01/25/bog_velit_zakreplit_v_konstitucii_pravoslavnyuyu_duhovnonravstvennyuyu_osnovu_zhizni?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 25. 01.2020.)

4. Цит. по: Бог велит закрепить в Конституции православную духовно-нравственную основу жизни [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2020/01/25/bog_velit_zakreplit_v_konstitucii_pravoslavnyuyu_duhovnonravstvennyuyu_osnovu_zhizni?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 25.01.2020).

5. 6 марта 2020 г. депутаты от фракции Коммунистической партии Российской Федерации в шестой раз внесли подобный законопроект на рассмотрение Государственной Думы. Он разработан в полном соответствии с положениями Конституции, регламентирует порядок созыва, полномочия и порядок работы Конституционного Собрания. В его состав предполагается включить 335 членов, из которых 225 – по избранию, 100 – по назначению, 10 – по должности (Законопроект о конституционном собрании внесен в Госдуму [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2877368.html> (дата обращения: 06.03.20).

6. *Трифонова Е.* Соотечественникам места в Конституции не находится [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/turbo?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Ffacts%2F2020-02-04%2F9_480_constitution.html (дата обращения 25.02.2020); Изменения в Преамбулу российской Конституции передумали вносить [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/news/2020/02/19/vera/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3DSpecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 19.02.2020).

7. Например, в марте 2020 г., специальный докладчик по вопросам свободы религии и убеждений Ахмед Шахид, выступая с ежегодным отчётом в Совете ООН по правам человека, отверг любые утверждения о том, что религиозные убеждения могут служить основанием для законного оправдания насилия или дискриминации. Его мнение от имени 21 организации поддержал Всемирный евангелический альянс (ВЕА), заявив, что насилие, принуждение и дискриминация не должны оправдываться даже во имя религии. (Позняк О. ООН отделила права человека от религии – Международная организация требует не оправдывать насилие традиционным укладом [Электронный ресурс]. – URL:

https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fkartblansh%2F2020-03-18%2F3_7820_kartblansh.html (дата обращения: 17.03.2020).

8. Мы обращали внимание на её проблемный характер ещё в 90-е гг. XX в. (Симонов В.А. Проблемы конституционно-правового регулирования статуса индивида в Российской Федерации // Становление человека как субъекта социального творчества: материалы философской секции Всероссийской научно-практической конференции «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек». Омск, 6-7 февраля 1997 года. – Омск: Диалог-Сибирь, 1977; Симонов В.А. Преподавание курса государственного (конституционного) права в Омском государственном университете и НОУ «Институт права и экономики»// Актуальные проблемы преподавания государственного (конституционного) права в юридических вузах: материалы научно-практической конференции. – М.: МГУ, 1998).

9. Это, например, заместитель председателя Совета при Президенте по правам человека Ирина Киркора и экс-заместитель председателя Конституционного суда, доктор юридических наук Т. Морщакова. (Цит. по: В СПЧ сочли некорректным упоминать бога в Конституции [Электронный ресурс]. – URL: // <https://www.interfax.ru/russia/693721>. (дата обращения: 02.02.2020); Зубов А., Касьянов М., Рыжков В. Зачем Владимиру Путину политический кризис? [Электронный ресурс]. – URL: // <https://zen.yandex.ru/media/svoboda.org/zachem-vladimiru-putinu-politicheskii-krizis-5e60ed371dd12f5e5cedf335> (дата обращения: 05.03.2020).

10. Дюрягина К., Антонов К. Русские и другие: эксперты рассказали “Б”, почему при правке Конституции не стоит отказываться от термина «многонациональный народ» // Коммерсантъ. – 2020. – 21 февр. – С.3; Романов Я. Крашенинников усомнился в необходимости подчеркивать роль русского народа в Конституции [Электронный ресурс]. – URL: // https://www.znak.com/2020-02-07/krashennnikov_usomnilsya_v_neobhodimosti_podcherkivat_rol_russkogo_naroda_v_konstitucii (дата обращения: 10.02.2020); Муфтий Татарстана выступил против поправки в Конституцию о народе [Электронный ресурс]. – URL: // <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2020/5e6105799a79474fd00b76d1> (дата обращения: 03.03.2020); Шахназаров против упоминания только русского народа в Конституции [Электронный ресурс]. – URL: // <https://zen.yandex.ru/media/culturmultur/shahnazarov-protiv-upominaniia-tolko-russkogo-naroda-v-konstitucii-5e4a8103aad38b32664b1661> (дата обращения: 17.02.2020).

11. Черкесский общественник из Иордании обратился в Совет Европы по поводу поправок в Конституцию РФ [Электронный ресурс]. – URL: // https://www.kavkazr.com/a/30496869.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.co (дата обращения: 19.03.2020).

12. Верховный муфтий поддержал поправку о народе к Конституции [Электронный ресурс]. – URL: // https://russian.rt.com/russia/news/724639-verhovnyi-muftii-popravka?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 04.03.2020).

13. Эскин А. Зачем русским нужно особое положение в Конституции: еврейский взгляд [Электронный ресурс]. – URL: // <https://www.ridus.ru/news/319551> (дата обращения: 11.02.2020).

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИИ РЕПРЕССИИ В МЕРАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ИХ НАЗНАЧЕНИИ

В.М. Степашин

REALIZATION OF REPRESSION SAVINGS IN MEASURES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND THEIR PURPOSE

V.M. Stepashin

Приводятся основные выводы диссертационного исследования принципа экономии репрессии и реализации этого принципа в мерах уголовной ответственности и их назначении. Выводы разделены на две группы. В первой из них представлены понятие, содержание и сущность принципа экономии репрессии; его место в системе принципов уголовного права и сфера действия; названы параметры строгости репрессии. Во второй – сформулированы возможные направления совершенствования видов и системы наказаний и других мер уголовной ответственности, а также правил их назначения с учетом идеи экономии репрессии.

Ключевые слова: экономия репрессии; наказание; назначение наказания.

The article presents the main conclusions of the dissertation research on the principle of saving repression and implementing this principle in criminal liability measures and their purpose. The findings are divided into two groups. The first of them presents the concept, content and essence of the principle of saving repression; his place in the system of principles of criminal law and scope; the parameters of severity of repression are named. In the second, possible directions for improving the types and system of punishments and other measures of criminal liability, as well as the rules for their appointment, taking into account the idea of saving repression, are formulated.

Keywords: saving repression; punishment; sentencing.

I. Выводы о содержании и сфере действия принципа экономии репрессии

1. Идея экономии репрессии заключается не в минимизации репрессии, не в отрицании необходимости применения наиболее жестких карательных мер, а в достижении целей уголовной ответственности наиболее экономными мерами и, следовательно, максимальной оптимизации уголовно-правового воздействия. Сущность принципа экономии репрессии заключается в обеспечении эффективности уголовно-правового воздействия наиболее экономными мерами при их достаточности, но не в минимизации репрессии как таковой. Содержание принципа экономии репрессии в широком смысле заключается в привлечении к уголовной ответственности только в случае, если иным путем её цели недостижимы. В узком смысле и в контексте настоящего исследования экономия репрессии заключается в том, что: 1) применяемая репрессивная уголовно-правовая мера должна быть

минимально необходима и достаточна для достижения задач и целей уголовно-правового воздействия; 2) наказание применяется лишь при **недостаточности альтернативных мер уголовной ответственности**.

2. При определении оптимума карательного воздействия следует руководствоваться совокупностью критериев необходимости и достаточности: 1) принципы права представляют собой предельно обобщенные требования, которые реализуются в конкретных правилах; 2) понятия «достаточность» и «необходимость» являются устоявшимися и признанными, активно используются в естественнонаучных и гуманитарных отраслях знания; 3) они широко используются и при конструировании правовых норм, в том числе уголовно-правовых.

3. Условиями экономии репрессии являются: 1) обоснованность уголовно-правового запрета; 2) наличие эффективных, т. е. необходимых и достаточных репрессивных мер; 3) возможность выбора оптимального решения из определенного множества; 4) наличие механизма обеспечения реализации репрессии; 5) минимизация негативного влияния репрессии на правовое и фактическое положение других участников возникающих при этом отношений, включая потерпевшего.

4. Системообразующий характер экономии репрессии заключается в том, что именно этот принцип обуславливает необходимость измеримости и конкретизации строгости мер уголовной ответственности путем установления критериев (параметров) репрессивности, построения – с их учетом – эффективной системы мер уголовной ответственности, оптимизации правил их назначения, обеспечивая реализацию иных принципов уголовного права.

5. Реализация принципа экономии репрессии выступает в качестве одной из важнейших гарантий эффективности уголовно-правового воздействия, поскольку необходимая и достаточная минимизация репрессии позволяет: 1) избежать издержек репрессии или нивелировать их значение; 2) в большей степени реализовать идеи справедливости и гуманизма; 3) максимально обеспечить возможность достижения целей уголовной ответственности (уголовного наказания); 4) полностью исключить издержки избыточной репрессии.

6. Сфера применения принципа экономии репрессии – меры уголовной ответственности. Мера уголовной ответственности (репрессия) – это предусмотренная уголовным законом мера государственного принуждения, назначаемая судом лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

7. Реализация требований экономии предполагает необходимость оптимизации таких мер и правил их назначения: 1) меры ответственности должны обеспечивать минимально необходимую для достижения целей уголовной ответственности репрессивность и 2) достаточность уголовно-правового воздействия, возможность изменения его интенсивности; 3)

должны обладать качественным своеобразием, представляющим возможность выбора оптимальной (достаточной и необходимой), отличной от других меры; 4) необходимость и достаточность репрессии должны быть обеспечены количественными параметрами таких мер; 5) должны быть созданы условия для применения необходимых и достаточных мер ответственности к любому лицу (независимо от пола, возраста, состояния здоровья и т. д.); 6) важно учесть возможность уклонения осужденного от отбывания мер ответственности и обеспечить фактическую реализацию репрессии. Требование экономии репрессии предполагает, таким образом, качественно новый подход к реформированию всей системы мер уголовной ответственности и механизма их применения.

8. Содержание и строгость репрессии могут быть конкретизированы и определяются всей совокупностью следующих качественно-количественных параметров: 1) качество – минимальная совокупность правоограничений; 2) интенсивность – степень ограничения или лишения прав, либо/и их вариативность; 3) количество – продолжительность и/или размер репрессивного воздействия; 4) универсальность – применимость с учетом установленных в законе ограничений; 5) условность – возможность изменения указанных выше параметров или замены меры ответственности на другую.

Эти параметры могут служить критериями сравнительной строгости репрессивных мер, относящихся как к одной подсистеме (виды наказания), так и к разным (наказание и другие меры ответственности).

9. Выделенные параметры репрессивности – это также взаимодействующие качественно-количественные характеристики, которые: 1) фактически нашли или могут найти отражение в УК и УИК; 2) характерны для всех или большей части мер ответственности; 3) подлежат формализации и могут быть учтены в правилах применения таких мер; 4) юридически значимы, их игнорирование приводит к судебным ошибкам (например, при сложении штрафов, предполагающих разные последствия уклонения).

10. Применение наименее репрессивной меры, но достаточной для достижения целей уголовной ответственности, должно компенсироваться механизмом обеспечения её реализации. Возможность замены назначенного наказания более строгим должна учитываться уже при выборе и назначении репрессивной меры.

Замена наказания более строгим предопределена условностью репрессии и обеспечивает реализацию репрессии и её экономии. Необходимыми направлениями модернизации этого субинститута являются: 1) унификация уголовно-правовых последствий злостного уклонения от отбывания наказания, включая отказ от криминализации злостного уклонения; 2) формализация замены наказания: установление императивности, многоступенчатости, пропорциональности замены, обязательности учёта фактически отбытого наказания; 3) обеспечение фактического ужесточения наказания, предполагающего гарантии

реализации новой меры. Предложена новая модель замены наказания в виде штрафа.

II. Выводы о реализации принципа экономии репрессии в системе мер уголовной ответственности и правилах их назначения по уголовному законодательству Российской Федерации

1. Принцип экономии репрессии должен быть основополагающим при реформировании системы наказаний, обеспечивая возможность выбора оптимального вида наказания из необходимой и достаточной системы, элементы которой качественно различны и способны обеспечить допускающий максимальную индивидуализацию уровень репрессивности.

2. Невозможно построение точно и бесспорно ранжированного перечня наказаний в зависимости от их репрессивности, что обуславливает необходимость качественного реформирования всех норм уголовного закона, учитывающих взаимодействие наказаний (назначение более мягкого наказания, замену, зачет, сочетание и сложение наказаний и т. д.). Важно признать, что перечень (по существу – список) наказаний объективно не способен взять на себя функции системы, в том числе не способен предопределять строгость наказаний, а может служить лишь ориентиром в этом, представляя в общем виде структуру системы наказаний и *относительное, а не безусловное* распределение по строгости.

Учет фактической строгости конкретной меры наказания возможен применительно к конкретному осужденному и исключительно при её назначении.

3. В качестве критерия *условной* классификации наказаний по строгости может выступить качественный параметр репрессивности – минимальная совокупность правоограничений. Обособлены в перечне наказаний могут быть: 1) меры государственного принуждения, исключительная строгость которых бесспорна; 2) виды наказания, которые могут быть назначены в сочетании с другими; 3) виды наказаний, назначение которых не обусловлено их наличием в санкции; 4) специальные виды наказаний, имеющие узкую сферу применения.

4. Анализ качества репрессии уголовных наказаний доказал необходимость: 1) исключения дублирующих видов наказаний (ограничения по военной службе, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части); 2) объединения однородных по качественному признаку видов наказаний (ограничения по военной службе с наказанием в виде исправительных работ, принудительных работ и лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении); 3) учета требований законодательства о труде при назначении обязательных, исправительных и принудительных работ; 4) применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с учетом того, что оно включает в себя три самостоятельных подвида наказания.

5. Анализ интенсивности репрессии уголовных наказаний показал необходимость признания и развития вариативности отдельных видов

наказаний в целях более тщательной индивидуализации наказания и оптимизации уголовно-правовых последствий злостного уклонения от их отбывания путем замены на более строгую разновидность того же наказания (например, оплачиваемых обязательных работ на бесплатные, исправительных работ по основному месту работы на исправительные работы в иных местах).

6. Количественные пределы наказаний нуждаются в дифференциации в зависимости от: а) категории преступления; б) признаков субъекта преступления; в) отнесения наказания к числу основных или дополнительных видов. Обосновывается необходимость исчисления штрафа кратно минимальному размеру оплаты труда при назначении этого наказания лицам, не имеющим постоянного заработка (дохода) и имущества, на которое возможно обращение взыскания, а в остальных случаях – кратно фактическим заработной плате и/или доходу. Предложено упорядочить правила УК о сроках наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обосновано предложение об установлении повышенных минимальных пределов лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

7. Универсальность репрессивности наказания должна быть усовершенствована путем оптимизации ограничений для применения отдельных видов наказаний. В случаях запрета назначения наименее репрессивных видов наказания при сохранении возможности применения самых строгих мер необходим компенсационный механизм, в связи с чем предложено дополнить ст. 64 УК частями четвертой и пятой, предусматривающими правила назначения наказания при наличии запрета назначения всех наименее строгих либо всех видов наказаний, представленных в санкции.

8. Наиболее уязвима существующая система уголовно-правовых последствий неуплаты штрафа. Аргументирована новая редакция ч. 5 ст. 46 УК, в которой представлена модель пропорциональной замены невыплаченной части штрафа: а) иным наказанием, за исключением лишения свободы, в пределах санкции; б) либо лишением свободы, но не свыше пределов, установленных ст. 15 УК для соответствующей категории преступления. При невозможности замены штрафа более строгим видом наказания, а также в случае неуплаты штрафа родителем или законным представителем несовершеннолетнего взыскание штрафа предлагается производить в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Система замены штрафа не может быть в полной мере унифицирована с правилами замены иных видов наказания в силу специфики этого наказания (широкие количественные пределы, разнообразные способы исчисления, возможность добровольной уплаты и т. д.).

9. Специальные правила назначения наказания должны обеспечивать экономию репрессии: 1) в их применении необходимо учесть ограничения в

назначения восьми видов; 2) формализованные пределы следует распространять на дополнительное наказание; 3) при их применении к несовершеннолетним следует исходить из пределов санкции нормы, а только затем учитывать ограничения, установленные ст. 88 УК.

10. Предложен алгоритм назначения наказания при сочетании специальных правил, позволяющий избежать избыточной экономии репрессии, включающий: а) назначение наказания с учетом прерванности преступления и б) применение одного из специальных правил назначения наказания с наибольшим коэффициентом смягчения.

11. Обоснована возможность распространения условного осуждения на дополнительное наказание, поскольку: 1) репрессивность дополнительных видов наказания значительно возросла; 2) дополнительное наказание по репрессивности может существенно превосходить само условное осуждение как основную меру государственного принуждения. При этом режим условного осуждения не должен автоматически распространяться на дополнительный вид наказания, поскольку: 1) условное осуждение не обладает всем потенциалом возмездных и превентивных качеств дополнительных наказаний; 2) ряд санкций включает в себя дополнительное наказание в качестве обязательного; 3) условное осуждение не представляет собой формы смягчения наказания, а выступает в качестве самостоятельной меры ответственности.

12. Различия в интенсивности репрессивного воздействия условного осуждения заключаются в том, что помимо минимальной совокупности правоограничений, которые определяют качественный показатель репрессии, суд обязан установить дополнительные ограничения/лишения прав. Такие обязанности должны: 1) быть конкретизированы; 2) преследовать цели уголовной ответственности; 3) исключать ограничения, присущие самостоятельным видам наказания; 4) исключать обязанности, уже установленные законодательством для условно осужденных; 5) учитывать возможность реального контроля над исполнением/соблюдением осужденным возложенной обязанности; 6) учитывать возможность реального выполнения соответствующих обязанностей осужденными.

13. Необходимо установить разумные границы предельного срока лишения свободы, допускающие применение условного осуждения. Определённым ориентиром могут служить те *показатели* общественной опасности, которые использованы законодателем при категоризации преступления (но не сама по себе категория преступления): форма вины и установленный приговором суда срок наказания. Именно в последнем отражена окончательная совокупная оценка индивидуальной общественной опасности как содеянного виновным, так и его личности, при этом она может существенно отличаться от типовой, определяемой самой категорией преступления. Достаточность условного осуждения как альтернативной меры ответственности обусловлена прежде всего *относительно невысокой*

общественной опасностью преступника и совершённого им преступления, соответствующей границам, определяющим категорию преступлений небольшой тяжести, т. е. трем годам лишения свободы. Презюмируемая законодателем меньшая опасность неосторожных преступных деяний позволяет установить более высокую планку лишения свободы, дающую возможность применить условное осуждение, а именно пять лет лишения свободы (как следующий количественный показатель, используемый при формальной категоризации преступлений).

14. Необходимо установление минимальной продолжительности отсрочки, которая может быть дифференцирована в зависимости от: 1) тяжести совершённого преступления; 2) истечения определенного минимального периода, зависящего от вида назначенного наказания; 3) достижения ребенком определенного возраста.

15. С точки зрения принципа экономии репрессии оценка эффективности *отсрочки отбывания наказания лицам, больным наркоманией*, должна осуществляться с позиции оптимизации базовых показателей её репрессивности.

Отсрочка не может быть применена к несовершеннолетним, поскольку согласно ч. 6 ст. 88 УК наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. Предлагается исключить из ч. 1 ст. 82.1 УК слова «к лишению свободы» и «в виде лишения свободы», а слова «изъявившему желание добровольно» заменить словами «добровольно изъявившему желание».

16. Уголовный закон не устанавливает основания досрочной отмены отсрочки в связи с правопослушным поведением осужденного (в случае наступления устойчивой ремиссии, длящейся свыше двух лет, ранее установленного судом общего срока продолжительности отсрочки). Исключается возможность продления отсрочки в случае необходимости более длительного лечения и/или медицинской и социальной реабилитации, нежели установлено судом при предоставлении отсрочки. Она не предусмотрена и в случае, если результаты лечения и медико-реабилитационных мер позитивны, однако на момент истечения срока, на который предоставлялась отсрочка, продолжительность объективно подтверждённой ремиссии и/или излечения составит менее двух лет. В подобных ситуациях продление отсрочки должно быть допустимо до предельного (пятилетнего) срока лишь в случае установления судом меньшей продолжительности отсрочки при её предоставлении.

КАРАНТИН ЗАСТРАХОВАННОГО ЛИЦА КАК ОСНОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСОБИЕМ ПО ВРЕМЕННОЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ

Д.А. Сторожук

SEQUESTRATION OF THE INSURED PERSON AS A REASON FOR GRANT SICKNESS BENEFIT

D.A. Storozhuk

Анализируются проблемы правового регулирования отношений, возникающих при обеспечении пособием по временной нетрудоспособности в связи с карантином. Отмечается несогласованность норм законодательства об обязательном социальном страховании, законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, а также трудового законодательства, что существенно затрудняет реализацию права на указанное пособие. Делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства в данной области.

Ключевые слова: *застрахованное лицо; пособие по временной нетрудоспособности; карантин; санитарно-эпидемиологическое благополучие населения; отстранение от работы.*

In this paper the problems of legal regulation of relations for the payment of sickness benefit in connection with sequestration are researched. Legislation on disability insurance, legislation on sanitary and epidemiological welfare of the population, as well as labor legislation are not harmonized. The exercise of the right to sickness benefit is difficult. Conclusions are drawn about the need to improve legislation in this area.

Keywords: *the insured person; sickness benefit; sequestration; sanitary and epidemiological welfare of the population; suspension from work.*

Временная нетрудоспособность как страховой случай в обязательном социальном страховании представляет собой собирательную категорию, поскольку включает в себя несколько достаточно разнородных обстоятельств, к числу которых относится, в том числе карантин. Признание данного обстоятельства одним из случаев временной нетрудоспособности является традиционным для отечественного законодательства о социальном обеспечении. В частности, назначение пособия по временной нетрудоспособности в связи с карантином предусматривалось ещё Временным положением о пособиях, выдаваемых органами социального страхования, утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 28 декабря 1927 г. [1]. Статья 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [2] (далее – Закон о социальном страховании на случай временной нетрудоспособности) также включает карантин в число случаев временной нетрудоспособности. При этом, помимо карантина самого застрахованного лица, к случаям временной нетрудоспособности указанная норма относит также карантин ребенка в

возрасте до 7 лет, посещающего дошкольную образовательную организацию, или другого члена семьи, признанного в установленном порядке недееспособным. Однако объем настоящей работы, к сожалению, не позволяет рассмотреть проблемы, возникающие применительно ко всем обозначенным случаям. Поэтому дальнейший анализ охватывает вопросы, касающиеся пособия по временной нетрудоспособности, выплачиваемого при карантине только самого застрахованного лица.

Следует отметить, что среди причин временной нетрудоспособности карантин до последнего времени не обладал каким-либо значимым удельным весом. Достаточно указать, что в имеющихся статистических исследованиях приводится динамика случаев и количества дней временной нетрудоспособности только по заболеваниям и травмам, а также уходу за больными членами семьи [3], т. е. по двум наиболее распространенным причинам временной нетрудоспособности. Соответственно, и вопросы правового регулирования отношений по обеспечению пособием по временной нетрудоспособности в случае карантина не были предметом специального исследования. Однако появившаяся в начале 2020 г. угроза распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) и принимаемые в связи с этим ограничительные мероприятия, в числе которых присутствует и возможность введения карантина, в значительной степени актуализировали обозначенные вопросы.

Легальное определение понятия «карантин» содержится в ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4] (далее – Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии). В силу данной нормы карантин признаются административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных. В свою очередь ст. 31 названного закона устанавливает правовые основы карантина как ограничительных мероприятий, в том числе определяет субъектов, полномочных их устанавливать.

Анализ приведенных норм, а также положений Закона о социальном страховании на случай временной нетрудоспособности позволяет прийти к выводу, что карантин застрахованного лица как случай временной нетрудоспособности существенно отличается от аналогичного понятия, используемого в законодательстве о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. В силу ст. 6 названного закона карантин можно считать *отстранение от работы застрахованного лица, которое контактировало с инфекционным больным или у которого выявлено бактерионосительство*. Таким образом, карантин как причина временной нетрудоспособности застрахованного лица имеет комплексный характер, поскольку его содержание не исчерпывается только медицинскими

факторами, как это имеет место, например, в случае обычного заболевания или травмы застрахованного лица. В данном случае существенное значение отводится трудовому аспекту, поскольку право на пособие по временной нетрудоспособности возникает при условии *отстранения от работы* по одной из двух обозначенных причин. Следовательно, наступление рассматриваемого страхового случая тесно связано с применением ст. 76 Трудового кодекса РФ [5] (далее – ТК РФ), устанавливающей основания и порядок отстранения работодателем работника от работы.

В ст. 76 ТК РФ такое основание для отстранения от работы, как контакт работника с инфекционным больным или выявление у работника бактерионосительства, непосредственно не названо. При этом, поскольку, как отмечается в литературе, отстранение от работы влечет приостановление действия условий трудового договора и прежде всего лишение работника возможности выполнять обусловленную договором трудовую функцию, данный правовой акт работодателя может применяться только по основаниям, которые установлены законом [6]. Таким образом, отстранение работника от работы в связи с названными обстоятельствами также должно быть связано с применением какого-либо установленного законом основания.

Полагаем, что из всех содержащихся в предусмотренной норме оснований к рассматриваемому случаю относится отстранение по требованию органов или должностных лиц, уполномоченных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Именно данное основание отстранения от работы всегда связывается с возникновением права на пособие по временной нетрудоспособности при карантине. Причем ранее соответствующее основание непосредственно упоминалось в законодательстве, регулирующем обеспечение пособиями по временной нетрудоспособности. Так, в силу п. 19 Положения о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию, утв. постановлением Президиума ВЦСПС от 12 ноября 1984 г. № 13-6 [7], пособие при карантине выдавалось, если рабочий или служащий был отстранен от работы органами санитарно-эпидемиологической службы вследствие заразного заболевания лиц, окружавших его. В рамках действующего правового регулирования отстранение от работы также должно происходить по требованиям должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. В этом смысле положения трудового законодательства корреспондируют с правилами ст. 33 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии, устанавливающей меры в отношении больных инфекционными заболеваниями. Однако данная статья не в полной мере соотносится со ст. 6 Закона о социальном страховании на случай временной нетрудоспособности, согласно которой карантин застрахованного лица может быть вызван двумя обстоятельствами:

- контакт застрахованного лица с инфекционным больным;

- выявленное у застрахованного лица бактерионосительство.

В то же время п. 2 ст. 33 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии предусматривает, что лица, являющиеся носителями возбудителей инфекционных заболеваний, если они могут явиться источниками распространения инфекционных заболеваний в связи с особенностями производства, в котором они заняты, или выполняемой ими работой, при их согласии временно переводятся на другую работу, не связанную с риском распространения инфекционных заболеваний. А при невозможности перевода на основании постановлений главных государственных санитарных врачей и их заместителей они временно отстраняются от работы с выплатой пособий по социальному страхованию. Одновременно подп. 6 п. 1 ст. 51 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии закрепляет полномочие главных государственных санитарных врачей и их заместителей при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, выносить мотивированные постановления, в том числе о временном отстранении от работы лиц, которые являются носителями возбудителей инфекционных заболеваний и могут являться источниками распространения инфекционных заболеваний в связи с особенностями выполняемых ими работ или производства.

Таким образом, законодательство о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения содержит только одно основание для отстранения от работы – установленное бактерионосительство. Последнее рассматривается обычно как носительство человеком возбудителей заразной болезни, нередко при отсутствии признаков заболевания. Данное состояние существенно отличается от простого контакта застрахованного лица с инфекционным больным, что подтверждается и Международной классификацией болезней МКБ-10, в которой подобного рода обстоятельства приведены в Классе XXI «Факторы, влияющие на состояние здоровья и обращения в учреждения здравоохранения», рубрики которого (Z00 – Z99) предназначены для случаев указания в качестве диагноза или проблем не заболеваний, травм или внешних причин, относящихся к разделам A00 – Y89, а иных обстоятельств, которые могут замещать диагнозы в медицинской документации. Контакт с больным или возможность заражения разного рода инфекционными болезнями относится к разделу Z20. В свою очередь носительство возбудителей различных инфекционных болезней – это раздел Z22 [8].

Не предусмотрена возможность отстранения от работы в случае контакта с инфекционным больным и разного рода санитарными правилами, соблюдение которых является обязанностью граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в соответствии с п. 3 ст. 39 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии. В частности, п. 10.2 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1/3.2.3146-13 «Общие требования по профилактике инфекционных и паразитарных болезней», утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 16

декабря 2013 г. № 65 [9], фактически воспроизводит упоминавшиеся положения п. 2 ст. 33 Закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии. Аналогичный подход используется и в пункте 7.8 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.1.3473-17 «Профилактика брюшного тифа и паратифов», утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 8 июня 2017 г. № 84 [10].

Следует отметить, что вопрос, каким образом должно происходить отстранение от работы застрахованного лица, контактировавшего с инфекционным больным, не может быть разрешен и на основании Порядка выдачи листков нетрудоспособности, утв. приказом Минздравсоцразвития России от 29 июня 2011 г. № 624н [11]. Пункт 42 данного нормативного правового акта определяет лишь медицинского работника, имеющего право выдавать листок нетрудоспособности при карантине застрахованного лица – врач-инфекционист, а в случае его отсутствия – лечащий врач. При этом остаются неясными процедуры, которые должны предшествовать выдаче листка. Например, в п. 6.1 ранее действовавшей Инструкции о порядке выдачи документов, удостоверяющих временную нетрудоспособность граждан, утв. приказом Минздравмедпрома РФ № 206 и постановлением ФСС РФ № 21 от 19 октября 1994 г. [12], предусматривалось, что выдача листка нетрудоспособности обозначенными медицинскими работниками осуществляется в этом случае по представлению врача – эпидемиолога. В действующем порядке аналогичных правил не закреплено. Также весьма странными представляются нахождение в разделе, посвященном правилам выдачи листка временной нетрудоспособности при карантине, п. 44, согласно которому гражданам, работающим в организациях общественного питания, водоснабжения, детских учреждениях, при наличии у них гельминтоза листок нетрудоспособности выдается на весь период дегельминтизации. Согласно упоминавшейся Международной классификации болезней МКБ-10 гельминтозы отнесены к классу инфекционных и паразитарных болезней (разделы В65 – В83). Однако независимо от причин, обуславливающих отстранение от работы при карантине (контакт с инфекционным больным или выявленное бактерионосительство), нетрудоспособность в этом случае является только презюмируемой. Если же имеет место уже развившееся заболевание, основания для выдачи листка временной нетрудоспособности как при карантине отсутствуют. Это должен быть другой случай временной нетрудоспособности – заболевание.

Помимо изложенного, необходимость включения в содержание карантина застрахованного лица как основания возникновения права на пособие по временной нетрудоспособности такого правового акта работодателя, как отстранение от работы, в целом вызывает определенные сомнения.

Во-первых, это ограничивает круг застрахованных лиц, которым может быть выплачено пособие по рассматриваемому основанию. Среди застрахованных по обязательному социальному страхованию на случай

временной нетрудоспособности и в связи с материнством есть лица, реализация которыми способности к труду не опосредуется трудовым законодательством, в том числе даже путем его субсидиарного применения к соответствующим отношениям. Например, члены производственного кооператива, принимающие личное трудовое участие в его деятельности. Они обладают статусом застрахованных лиц в силу п. 4 ч. 1 ст. 2 Закона об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности. Однако в соответствии с п. 1 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» [13] их трудовые отношения регулируются данным законом и уставом кооператива. При этом названный закон не предусматривает для членов кооператива механизма, аналогичного отстранению от работы наемного работника, оставляя данный вопрос, по всей видимости, на усмотрение самого кооператива, который может необходимые правила включить в свой устав. Однако обязательного требования по их включению нет. Также на случай регулирования данного вопроса уставом кооператива нет требований относительно перечня оснований отстранения, которые следует закрепить в уставе.

Схожая проблема возникает в отношении такой категории застрахованных лиц, как священнослужители (п. 5 ч. 1 ст. 2 Закона об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности). В силу ст. 24 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [14] трудовое законодательство распространяется только на граждан, работающих в религиозной организации на основании трудового договора. Что касается священнослужителей, то условия их деятельности определяются внутренними установлениями религиозной организации.

Из числа лиц, замещающих разного рода государственные должности, также относящихся к застрахованным (п. 3 ч. 1 ст. 2 Закона об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности), вопрос о возможности отстранения от работы в связи с карантином, пожалуй, может быть поставлен лишь в отношении судей, поскольку на них в силу ст. 22 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [15] в части, не урегулированной названным законом, распространяется законодательство о труде.

Кроме того, ст. 2 Закона об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности допускает возможность добровольного приобретения статуса застрахованного лица в данном виде социального страхования различными категориями так называемых «самозанятых граждан» (индивидуальные предприниматели, члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, нотариусы и т. д.). С учетом самостоятельной организации ими своей деятельности постановка вопроса об отстранении их от работы, полагаем, в принципе невозможна.

Во-вторых, это приводит к противоречиям между разными нормами Закона об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности. С одной стороны, ч. 6 ст. 6 определяет период выплаты пособия как период отстранения от работы застрахованного лица в связи с карантином. С другой стороны, п. 2 ч. 1 ст. 9 исключает назначение пособия застрахованному лицу за период его отстранения от работы в соответствии с законодательством РФ, если за этот период не начисляется заработная плата, что как раз имеет место при отстранении в связи с карантином. При этом никаких изъятий из приведенного правила данная норма не содержит.

Следует отметить, что недостатки в правовой регламентации отношений, связанных с карантином как случаем временной нетрудоспособности, вынуждают в текущей ситуации прибегать к достаточно спорным с позиции действующего законодательства механизмам. Примером тому могут служить недавно изданные Временные правила оформления листков нетрудоспособности, назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности в случае карантина [16]. Несмотря на то, что данные правила являются временным нормативным правовым актом (действуют до 1 июля 2020 г.), во-первых, не ясны правовые основания его принятия. Ни Закон об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности, ни какой-либо иной законодательный акт подобных полномочий Правительства РФ не предусматривают. Во-вторых, правилами по большей части урегулированы процедурные правоотношения, связанные с выдачей листков временной нетрудоспособности, назначением и выплатой пособия по временной нетрудоспособности. Вопрос же, что из себя представляет карантин как основание обеспечения пособием, в этих правилах остался по сути неразрешенным. Из п. 2 правил косвенно можно сделать вывод, что таковым является прибытие застрахованного лица в Российскую Федерацию с территории стран, где зарегистрированы случаи заболевания новой коронавирусной инфекцией (2019-nCoV). Однако неясной остается необходимость его отстранения от работы с соблюдением установленного порядка. В-третьих, почему-то, кроме указанного лица, правила распространяются только на застрахованных, которые совместно проживают с ним, тогда как согласно ранее рассмотренным положениям Закона об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности при карантине должны изолироваться все контактировавшие лица.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что в правовом регулировании отношений по обеспечению пособием по временной нетрудоспособности в связи с карантином застрахованного лица присутствует явная несогласованность законодательства об обязательном социальном страховании, трудового законодательства и законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Кроме того, использование правовой конструкции отстранения от работы как элемента страхового случая при карантине приводит к невозможности или, по

меньшей мере, к затруднениям реализации права на пособие отдельными категориями застрахованных лиц. Представляется, что, в сущности, карантин застрахованного лица как случай временной нетрудоспособности имеет достаточно много общего с другим случаем – заболеванием. В обеих ситуациях нетрудоспособность обусловлена физиологическими причинами. Только при заболевании она является фактической, а при карантине – презюмируемой. Поэтому при заболевании сроки освобождения от работы определяются периодом выздоровления застрахованного лица или установления ему стойкой утраты трудоспособности, а при карантине – сроками изоляции лиц, перенесших инфекционные заболевания и соприкасавшихся с ними. В связи с этим полагаем возможной некоторую унификацию правил освобождения от трудовой деятельности и обеспечения пособием по временной нетрудоспособности при заболевании и при карантине застрахованного лица.

-
1. Собрание законов СССР. – 1928 – № 4. – Ст. 33.
  2. СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 18.
  3. См., напр.: Здоровоохранение в России. 2017: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2017. – С. 31.
  4. СЗ РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.
  5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
  6. Трудовое право России: учебник / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. – М.: Юристъ, 2002. – С. 313 – 314.
  7. Библиотека «Российской газеты». – 1995. – № 4.
  8. Международная классификация болезней МКБ-10. М.: НИИ им. Н.А.Семашко, 1999 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
  9. Российская газета. – 2014. – 6 мая.
  10. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
  11. Российская газета. – 2011. – 11 июля.
  12. Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств РФ. – 1995. – № 1.
  13. СЗ РФ. – 1996. – № 20. – Ст. 2321.
  14. СЗ РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
  15. Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.
  16. Об утверждении Временных правил оформления листков нетрудоспособности, назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности в случае карантина : постановление Правительства РФ от 18 марта 2020 г. № 294 // СЗ РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1787.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.А. Султанова

COMPLIANCE FOR HUMAN RIGHTS IN CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

T.A. Sultanova

Задача данной статьи рассказать про права и свободы человека, которые нарушаются уголовно-исполнительной системой. В этой статье указаны, какие международные акты приняты в защиту лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. Приведены нормативно-правовые акты Российской Федерации, призванные защищать права данной категории граждан. Кроме того, речь пойдет о финансировании уголовно-исполнительной системы. Также будет затронута проблема контроля над органами уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, финансировании уголовно-исполнительной системы, отдел по обеспечению соблюдения прав человека в уголовно-исполнительной системе.*

The purpose of this article is to tell about human rights and freedoms that are violated by the criminal Executive system. This article indicates which international acts have been adopted to protect persons in prison. Legal acts of the Russian Federation designed to protect the rights of this category of citizens are presented. In addition, we will discuss the financing of the criminal Executive system. The issue of control over the bodies of the criminal Executive system will also be addressed.

Keywords: *criminal Executive system, Department of the criminal Executive system, Department for ensuring the observance of human rights in the criminal Executive system.*

Статья 2 Конституции Российской Федерации устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства [1].

Права и свободы, о которых пойдет речь в данной статье, не могут быть отменены и не перестанут быть менее важными, даже в том случае, если человек стал частью уголовно-исполнительной системы. Создание достойных условий для содержания и исправления преступников, с одной стороны, является задачей, которую каждое государство решает на пути своего развития, исходя из финансовых возможностей. С другой стороны, на этот процесс, безусловно, влияет количество заключенных [2].

Финансовое обеспечение уголовно-исполнительной системы оказывает сильное влияние на соблюдение прав человека и гражданина, находящегося в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации.

В соответствии со ст. 9. Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения

свободы» финансовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительной системы, прав, социальных гарантий её сотрудникам является расходным обязательством Российской Федерации [3].

Доходы от производственной деятельности учреждений, исполняющих наказания, и прибыль федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы после уплаты обязательных платежей в соответствующие бюджеты расходуются в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

Несмотря на известное улучшение с 2000 г. ситуации с текущим финансированием УИС из федерального бюджета, есть все основания утверждать, что нынешнее состояние системы не только не позволяет ей выполнять возложенные на нее функции, но и порождает новые проблемы, такие как рост криминализации общественной жизни и обострение эпидемиологической обстановки. Во многих аспектах деятельность УИС не отвечает принятым Россией международным обязательствам и признаваемым нашей страной стандартам.

Несмотря на это, ряд международных правовых актов применяется Российской Федерацией для улучшения содержания и обращения с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Таковыми являются Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» 1984 г., Европейская конвенция по пыткам и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г.

Распространение на себя требования Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г., Рекомендаций № R(87)3 Комитета министров Совета Европы «Относительно европейских пенитенциарных правил» 1987 г., Правил Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 г. и многих других, не может гарантировать подозреваемым, обвиняемым и осужденным хорошего обращения с ними и улучшения условий их содержания.

Таким образом, 25 октября 2001 г. приказами Министра юстиции Российской Федерации Ю.Я. Чайки в составе управления следственных изоляторов и тюрем Главного управления исполнения наказаний создан отдел по соблюдению прав человека в следственных изоляторах и тюрьмах, а также введен институт помощников начальников территориальных органов УИС Минюста России по соблюдению прав человека в УИС.

Задачами отдела по обеспечению соблюдения прав человека в УИС является организация соблюдения прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, соответствия условий их содержания, нормам международного права, положениям международных договоров Российской Федерации и федеральных законов, организация взаимодействия ФСИН России с институтами гражданского общества и общественными

организациями по вопросам соблюдения прав человека в УИС, организация проведения визитов и подготовки учреждений и органов УИС к визитам Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и др.

Огромное влияние на обстановку в местах лишения свободы оказывает человеческий фактор, а непосредственно сами сотрудники УИС, действующие в рамках должностных регламентов, которые в свою очередь не могут соответствовать международным договорам и соглашениям в силу тех или иных обстоятельств.

Имеет место необоснованное применение к осужденным и лицам, содержащимся под стражей, мер взыскания. В ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации закреплен принцип рационального применения к осужденным мер принуждения, однако он не всегда соблюдается на практике.

Обвиняемые, подозреваемые и осужденные ограничены в реализации своих прав и свобод, но в свою очередь они не должны быть ограничены в правовых средствах их защиты. Наоборот, чем жестче и суровее ограничения, налагаемые законом, тем разнообразнее и действеннее должна быть система защиты имеющих у них прав.

По-прежнему продолжается практика грубых нарушений прав человека в изоляторах временного содержания (ИВС) органов внутренних дел. Неудовлетворительное материально-бытовое и медико-санитарное состояние, рукоприкладство, грубость, нарушения прав, гарантированных Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

По мнению чиновников, если убрать недобросовестных сотрудников и оставить только высококвалифицированных, то будет возможность не только повысить оклады, но и добиться значительных улучшений. Также эксперты полагают, что благодаря таким действиям удастся привлечь в ФСИН молодое поколение специалистов, более грамотных и готовых соблюдать нормы международного права.

Это улучшение могло быть возможным лишь в процессе реформирования органов УИС. Сообщалось, что реформа в ФСИН будет проведена в период с 2018 по 2019 гг. Однако правительство тормозило это решение, говоря о том, что данный вопрос нужно более тщательно проработать. Президент В. Путин заявил, что слияние ФСИН и МВД не может произойти в 2019 г. По мнению главы государства, все ранее принятые решения были преждевременными. Главным вопросом было то, что в результате реформирования будет возможность повысить оклады для тех сотрудников, которые продолжают работу в структуре.

Самое главное в сложившейся ситуации, чтобы и персонал, и сами осужденные, зная свои права и обязанности, также имели представление о правовых средствах защиты своих прав. В 2002 г. Уполномоченным по правам человека опубликованы памятки: для сотрудников исправительных

учреждений; для подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей; для несовершеннолетних в местах лишения свободы. Подготовлены и издаются материалы в серии «Библиотека Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации». Изданы сборник нормативных актов и официальных документов «Защита прав человека в местах лишения свободы», а также Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации с постатейными международными стандартами в области прав человека, изложенными в документах ООН и Совета Европы.

Российская Федерация далека от безупречного обеспечения прав человека в уголовно-исполнительной системе. Без знания и понимания международных и национальных стандартов в этой области добиться их соблюдения невозможно.

Важна деятельность по совершенствованию национального законодательства и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Генеральная прокуратура и прокуроры на местах реализовали за последнее время комплекс весьма значимых и масштабных мероприятий, направленных на соблюдение прав осужденных и лиц, заключенных под стражу, приведение условий их содержания в соответствие с требованиями внутреннего законодательства и общепринятых международных стандартов. О положении дел в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, причинах нарушений прав содержащихся в этих учреждениях лиц, неудовлетворительном финансировании Федеральной программы строительства и реконструкции этих учреждений Генеральный прокурор неоднократно информировал Президента, Правительство, Федеральное Собрание, а также Председателя Верховного суда страны [4].

Целесообразным представляется внесение дополнений в служебные и должностные инструкции сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы всех уровней о том, что они обязаны обеспечивать соблюдение прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, а также осужденных к лишению свободы, и нести ответственность за неисполнение этих обязанностей.

Задачей государства является дальнейшее совершенствование законодательной и нормативно-правовой базы в указанной сфере с учетом инициатив, возникающих на местах, поскольку они, как правило, выдвигаются с учетом реальных проблем учреждений уголовно-исполнительной системы, осложняющих процесс её успешного реформирования.

В случае улучшения качества кадров и повышении заработной платы не стоит забывать, что и требования к специалистам таких подразделений необходимо повысить. Так человек и гражданин, будучи профессионально подготовленным, востребованным и, имея достойную заработную плату, будет надлежащим образом исполнять свои должностные обязанности. И

применять к осужденным только те меры, которые соответствуют требованиям национального законодательства и общепринятым международным стандартам.

---

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Леонов А.В.* Соблюдение прав человека в уголовно-исполнительной системе Минюста России // Бюллетень министерства юстиции Российской Федерации. – 2002. – № 5.

3. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Патичев Н.В.* Обеспечение прав осужденных и заключенных, содержащихся в местах лишения свободы, в условиях реформирования УИС России // Пробелы в российском законодательстве. – М.: Издательский дом «Юр-Вак», 2009. – С. 281–283.

МЕСТО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

А.Р. Сысенко

THE PLACE OF THE LINGUISTIC EXAMINATION IN THE SYSTEM OF FORENSIC EXAMINATIONS

A.R. Sysenko

Увеличение количества зарегистрированных преступлений экстремистского характера обуславливает криминалистическую оценку различных материалов, распространяемых средствами массовой коммуникации, а также агитационных и пропагандистских материалов на предмет наличия в них признаков экстремизма. Диагностировать признаки экстремизма в содержании материалов, имеющихся у правоприменителя, зачастую бывает крайне сложно, а потому важность возможности проведения лингвистической экспертизы трудно переоценить.

Ключевые слова: судебная экспертиза, специальные знания, лингвистика, классификация.

The increase in the number of registered crimes of an extremist nature leads to a forensic assessment of various materials distributed by the mass media, as well as agitation and propaganda materials for the presence of signs of extremism in them. It is often extremely difficult to diagnose signs of extremism in the content of materials available to law enforcement officers, and therefore the importance of the possibility of conducting linguistic expertise can not be overestimated.

Keyword: forensic expertise, special knowledge, linguistics, classification.

Основой для всех видов судебных экспертиз является общая теория судебной экспертизы, а потому необходимым считается выделить лингвистическую экспертизу экстремистских материалов в существующей системе родов или видов судебных экспертиз. Существуют и некоторые основания, критерии определения экспертизы в класс, род или вид.

Более целесообразным представляется производить деление на роды и виды комплексно, согласно мнению Т.В. Аверьяновой, сюда входят объекты, задачи экспертного исследования, а также представление об объектах и задачах экспертизы определенного вида, что является традиционным [1].

Лингвистическая экспертиза экстремистских материалов зародилась относительно недавно – в конце 90-х гг. прошлого века. Обусловлено такое появление прежде всего развитием права свободы слова. Неизбежно подобный принцип будет толковаться превратно, поскольку та граница, которая означает вторжение в правовое пространство другого человека, не всегда и не всеми является ощутимой.

Правоохранительные органы тут столкнулись с проблемой, которая выражена в том, что, обладая бытовыми познаниями невозможно произвести верную квалификацию деяния, т. е. определить наличие или отсутствие

признаков, указывающих на содержание в материале словесного экстремизма. Лингвистическая экспертиза формировалась путем от практики к теории. Нормативно уже была закреплена позднее, в 2005 г. [2].

Рассматривая лингвистическую экспертизу как самостоятельную в классификации судебных экспертиз, интересна точка зрения Е.И. Галяшиной, предлагающей включить её в класс речеведческих экспертиз. Общее основание для речеведческих экспертиз – исследование продуктов речевой деятельности человека [3].

Необходимо также рассмотреть видовые классификации лингвистической экспертизы. По этому вопросу ни в теории, ни в практике судебных экспертиз до сих пор не сложилось единого мнения. В Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ [4], род (вид) лингвистической экспертизы называют «Исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания». Вид лингвистической экспертизы, выполняемой в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [5], указан как «Исследование продуктов речевой деятельности».

Судебные экспертизы, выполняемые в экспертных подразделениях органов ФСБ России, к типовым задачам лингвистической экспертизы относят «интерпретацию смысла высказываний и их лингвистическую квалификацию, в частности, выявление в текстах высказываний экстремистской и террористической направленности» [6].

В учебнике под общей редакцией Т.П. Москвиной к видам лингвистической экспертизы предлагают относить автороведческие и семантические исследования, а также исследования наименований [7]. В тоже время автороведческая экспертиза является самостоятельным родом судебных экспертиз. Экспертиза же наименований производится с целью анализа имен собственных или наименований, с точки зрения их соответствия нормам литературного языка. Семантические исследования занимают выявлением смыслов, выраженных в исследуемых текстах и анализом этих смыслов с разных точек зрения [8].

Название такой экспертизы объясняется прежде всего тем, что научную основу этого вида экспертизы составляет семантика. Семантика представляет собой значение языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений и т. д.).

Определяющим является то, что экспертиза, решающая задачи по выявлению признаков экстремизма в языковых единицах, уже имеет отношение к семантическим исследованиям.

Следует здесь и оговориться: во-первых, название вида экспертизы «лингвистическая экспертиза экстремистских и террористических материалов» условно – как было указано выше, не выделяет такой вид лингвистической экспертизы; во-вторых, лингвистическая экспертиза таких

материалов не означает априорность материалов, являющимися таковыми – прежде всего это компетенция суда [9].

В то же время Т.В. Губаева предлагает называть экспертизу по делам об экстремизме текстологической [10], указывая на дополнительные признаки высказываний – изображения, жесты и прочие невербальные знаки, что по общему смыслу к слову «лингвистический» не относится. Вместе с тем М.Л. Подкатилина указывает на несостоятельность такой позиции, поскольку наименование «лингвистическая экспертиза» является устоявшимся [11].

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день нет единственно верной точки зрения на положение лингвистической экспертизы в классификации судебных экспертиз. Спорным является и деление лингвистической экспертизы на виды. Научное сообщество в этой области не пришло к общему мнению относительно места экспертизы в системе. Лингвистическая экспертиза экстремистских материалов является условным явлением, поскольку конкретно на её объективное существование нормативно-правовые акты различных ведомств не указывают, что лишний раз подтверждает её «подвешенность».

---

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М., 2008. – С. 317.

2. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. – 2005.– № 191.

3. *Галяшина Е.И.* Методологические основы судебного речеведения: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – С. 168.

4. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. – 2005.– № 191.

5. Приказ Минюста России от 27.12.2012 №237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Российская газета. – 2013.– № 24.

6. Приказ ФСБ России от 23.06.2011 г. №277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2011.– № 40.

7. *Москвина Т.П.* и др. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. – М.: АНТИДОР, 2004. –С. 422.
8. Там же.
9. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. // Российская газета. – 2002. – Ст. 13. – № 138–139.
10. *Губаева Т.В.* Практические проблемы судебной экспертизы по делам об экстремизме. – URL: <http://siberia-expert.com/publ/konferencii/> (дата обращения: 15.03.2020).
11. *Подкатилина М.Л.* Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2012.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.В. Тарасенко

CONSTITUTIONAL DETERMINATION OF PERSONALITY OF COLLECTIVE SUBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: REALITY AND PROSPECTS

V.V. Tarasenko

Сопоставляются изменения, вносимые Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и действующая редакция Основного закона в части закрепления правосубъектности коллективных субъектов.

Ключевые слова: коллективные субъекты, правосубъектность, Конституция, права человека, большинство, меньшинство.

The amendments introduced by the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of Organization and Functioning of Public Power" and the current version of the Constitution in terms of strengthening the legal capacity of collective entities are compared.

Keywords: minority, majority, collective person of law, legal personality, human rights, Constitution.

В конституционном (государственном) праве признаётся существование не только индивидуальных, но и коллективных субъектов права и участников правоотношений [1]. К последним относят социальные формирования, которые, состоя из индивидуальных субъектов (физических лиц), выступают во вне как единое целое. Кроме организационно объединенных (структурированных), существующих в виде публично-властных и общественных объединений, существуют неструктурированные объединения людей, или социальные общности. Их специфической разновидностью являются социальные меньшинства.

Одну из основных проблем в решении вопроса о возможности нахождения этих общностей в сфере конституционно-правового регулирования (конституционной правосубъектности) создает отсутствие в Конституции прямых упоминаний о каких-либо социальных общностях, кроме народа (ст. 3), народов (ст. 68), коренных малочисленных народов (ст. 69), национальных меньшинств (ст. 71, 72), малочисленных этнических общностей (ст. 72). Обоснование конституционно-правовой правосубъектности других коллективных субъектов, в частности иных меньшинств, затруднительно в связи с тем, что текст Конституции позволяет только предположить их существование. Специфика содержания

правосубъектности таких коллективных субъектов может раскрываться в других нормативных правовых источниках, отнесение которых собственно к конституционному праву может вызвать дискуссию [2].

Например, ст. 19 Конституции запрещает дискриминацию индивидов в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Статья 13 закрепляет принцип политического многообразия, а ст. 30 – право каждого на объединение. Статья 14 объявляет Россию светским государством, ст. 28 гарантирует свободу совести, ст. 26 – свободу выбора языка и национальной принадлежности. Статья 32 говорит об участии в управлении делами государства, ст. 33 о коллективных обращениях. Статьи 38 и 39 защищают материнство и детство, гарантируют социальную защиту в связи с возрастом, инвалидностью и другими основаниями.

В подобной связи важно, что права общностей как совокупностей отдельных людей можно рассматривать не только как качественно новые величины, существующие и осуществимые только коллективно (право этнической общности на самоопределение, на создание собственного государства, на создание собственной культуры и т. д.), но и как совокупность индивидуальных прав составляющих эти общности индивидов. Поэтому, проанализировав вышеназванные конституционные статьи, можно сделать вывод о существовании общностей (социальных меньшинств), выделенных по одному из названных в них критериев. Они могут самоорганизовываться, создавать объединения, участвовать в управлении государством, если иное не установлено законом. При этом одним общностям (женщинам, детям, инвалидам) нужна, прежде всего, защита, а другим (религиозным объединениям и национально-культурным автономиям) – установление и гарантии границ дозволенного поведения.

Независимо от потребностей и интересов данных общностей именно их правосубъектность раскрывается нередко в законах иной отраслевой принадлежности.

Конституционные нормы развиваются и усиливаются в подписанном Президентом Российской Федерации Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (№ 885214-7) [3]. Часть 4 вновь введенной ст. 67¹ говорит об укреплении конституционных гарантий статуса возрастной социальной общности «дети»; а её ч. 2 – о вере в Бога в качестве духовно-исторического фактора укрепления социального единства российского народа. Новые редакции ст. 68 и 69 усиливают защиту народов и этнических общностей, причем положение новой редакции ч. 1 ст. 68 Конституции называет русских государствообразующим народом Российской Федерации.

Пункт «е» ч.1 ст. 72 призван усилить защиту прав молодежи, отнеся общие вопросы молодежной политики к сфере совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Пункт «ж-1» ч.1 той же статьи включает в эту сферу защиту института брака как союза мужчины и женщины, поднимая на уровень Основного закона правовую базу социального воспроизводства. Корреспондирующая ему новая редакция п. «в» ч. 1 ст. 114 возлагает на правительство Российской Федерации обеспечение проведения политики поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Пункт 6 новой редакции ст. 75 способствует укреплению социального единства народа Российской Федерации, провозглашая принцип солидарности поколений, т. е. общностей, объединенных возрастным критерием.

Структурированным коллективным субъектам конституционного права специально посвящен дополнивший содержание ч. 1 ст. 114 п. «е.1». Он возлагает на правительство осуществление мер по поддержке институтов гражданского общества, включая некоммерческие организации, обеспечение их участия в выработке и проведении государственной политики.

Если взять за основу подход к определению институтов гражданского общества на основании критериев формы, общих целей, негосударственного порядка образования и функционирования, самоорганизации и самоуправления, добровольности, равноправия и отсутствия иерархии в системе [4], то коллективными субъектами, которые прямо названы в Конституции, можно считать любые организованные (не обязательно как юридическое лицо) группы граждан, участвующие в общественной жизни и выражающие интересы членов своего сообщества. При этом не имеет значения, по какому признаку данное сообщество объединилось, главное, чтобы деятельность таких активистов не противоречила закону.

Если бы не формулировка «институты гражданского общества», то можно было бы предположить, что речь идет о реализации права граждан на объединение. Объединения граждан по смыслу Федерального закона «Об общественных объединениях», а также политические партии и религиозные объединения – все они являются институтами гражданского общества. Однако то обстоятельство, что перечень общественных и религиозных объединений, при всей своей универсальности, закрытый, а юридического определения понятия «институт гражданского общества» до сих пор нет, дает свободу для создания и деятельности различных инициативных групп.

Таким образом, полагаем, что изменения, обозначенные в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», позволят шире взглянуть на проблему коллективных субъектов конституционного права. Они станут дополнительным аргументом в пользу того, что выделенные по каким-либо

признакам различные социальные меньшинства следует считать субъектами конституционного права.

Конституционный Суд Российской Федерации в Заключении от 16.03.2020 № 1-3 по Закону о поправке к Конституции и порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона одобрил предложенные новеллы. Вместе с тем отмечалось в том же документе, некоторые из них активно обсуждаются и поэтому требуют более развернутого выражения позиции с учетом общественной значимости [5]. Тем более что в обществе эти изменения получили неоднозначную оценку.

Противники упоминания в Конституции о Боге аргументировали свою позицию ссылкой на светский характер Российской Федерации [6], а также на законодательное закрепление влияния церкви на власть и угрозу превращения России в клерикальное государство [7]. Однако никакой угрозы в содержащей это упоминание ч. 2 ст. 67¹ нет. Содержание ст. 14 Конституции о светском государстве остается неизменным, ст. 28 о свободе совести и вероисповедания тоже. Само же положение о вере в Бога есть лишь указание на один из факторов формирования системы ценностей народа России, и каждый сам вправе определять свое отношение к Богу.

Основные возражения против конституционного закрепления государствообразующей роли русского народа сводились к тому, что: а) все этнические общности России и так признают лидирующую и системообразующую роль русских в российском обществе; б) подавляющее большинство населения считает национальную принадлежность вторичным признаком, рассматривая себя прежде всего, гражданами Российской Федерации; в) юридическое закрепление «государствообразующей» роли русских может быть воспринято как принижение значимости других народов и вновь возбудить межнациональные конфликты [8].

Однако словосочетание «государствообразующий народ» следует рассматривать не как дискриминацию, а как констатацию реального исторического факта. Оно же служит обоснованием для наделения русского языка статусом государственного на всей территории России, тем более что русский этнос входит в союз равноправных народов Российской Федерации.

Умеренные оппоненты конституционной характеристики брака как союза мужчины и женщины исходят из нецелесообразности наделять высшей юридической силой нормы, уже существующей в Семейном кодексе Российской Федерации. Радикальные противники усматривают в «брачной» поправке отступление от либеральной модели социальной организации, грубое нарушение прав человека и общечеловеческих ценностей, вплоть до угрозы уголовного преследования членов ЛГБТ [9].

Признание на уровне Конституции брака как союза мужчины и женщины направлено на воспроизводство и дальнейшее антиэнтропийное развитие российского социума. Однополые браки такими свойствами не обладают. Данная норма повышает гарантированность содержания ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации и полностью отвечает интересам

общества в целом. При этом лица, чьи индивидуальные особенности не позволяют заключать традиционные браки, не должны подвергаться каким-либо репрессиям только по причине таких биологических особенностей (ст. 19 Конституции).

Таким образом, приведенные выше изменения, вносимые в Конституцию, полностью отвечают целям устойчивого поступательного развития российского многонационального народа и Российской Федерации, при оптимальном соотношении интересов социума с интересами отдельных индивидов и их сообществ, что соответствует законам организации и функционирования целостной социальной системы.

---

1. См., напр.: *Лукашова А.Е.* Права человека: учебник для вузов / отв. ред. А.Е. Лукашова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 136–139; *Велиева Д.С.* Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства / Д.С. Велиева // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 17–20; *Кряжков В.А.* Законодательство об общинах коренных малочисленных народов Севера как развивающаяся система / В.А. Кряжков // Государство и право. – 2015. – № 11. – С. 49–58.

2. О правосубъектности меньшинств как социальных общностей в конституционном праве см. нашу работу: *Тарасенко В.В.* Социальное меньшинство в конституционном праве / под ред. С.Н. Бабурина. – Омск: Полигр. центр «Татьяна», 2016. – С. 10–46.

3. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 11.03.2020).

4. *Никитина Е.Е.* Система институтов гражданского общества в России (конституционно-правовой аспект) // Журнал российского права. – 2017. – № 6.

5. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации, режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/court> (дата обращения: 20.03.2020).

6. В СПЧ сочли некорректным упоминать бога в Конституции // <https://www.interfax.ru/russia/693721> (дата обращения: 02.02.2020).

7. Позиция принадлежит бывшему заместителю председателя Конституционного суда, доктору юридических наук Т. Морщаковой. [Цит. по: Андрей Зубов, Михаил Касьянов, Владимир Рыжков. Зачем Владимиру Путину политический кризис? // <https://zen.yandex.ru/media/svoboda.org/zachem-vladimiru-putinu-politicheskii-krizis-5e60ed371dd12f5e5cedf335> (дата обращения: 05.03.2020).

8. Цит. по: Я. Романов. Крашенинников усомнился в необходимости подчеркивать роль русского народа в Конституции // https://www.znak.com/2020-02-07/krasheninnikov_usomnilsya_v_neobhodimosti_podcherkivat_rol_russkogo_naroda_v_konstitucii. Дата обращения: 10 февраля 2020; Шахназаров против упоминания только русского народа в Конституции // <https://zen.yandex.ru/media/culturmultur/shahnazarov-protiv->

upominaniia-tolko-russkogo-naroda-v-konstitucii-5e4a8103aad38b32664b1661 (дата обращения: 17.02.2020).

9. В Госдуме не все согласны с необходимостью запрета однополых браков в Конституции.// <http://www.xgay.ru/news/rainbow/2020/02/05-41644.htm> (дата обращения: 05.02.2020); Поправки в конституцию дискриминируют ЛГБТ-граждан. // <https://parniplus.com/news/popravki-v-konstitutsiyu-diskriminiruyut-lgbt-grazhdan/> (дата обращения: 17.02.2020).

НЕТИПИЧНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

К.С. Тишкович

ATYPICAL LABOR RELATIONS: ENFORCEMENT ISSUES

K.S. Tishkovich

Актуальность статьи обусловлена наличием пробелов в правовом регулировании новых форм использования зависимого труда. *Целью* настоящей статьи служит освещение проблем правоприменения в сфере применения нетипичных форм занятости. *Методология.* В статье используются общие и частнонаучные методы исследования: толкование правовых норм, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, производится анализ действующего законодательства и судебной практики. *Результаты.* Увеличение новых форм нетипичной занятости и их стремительное распространение свидетельствует о необходимости включения новых форм использования труда с целью предупреждения прекаризации занятости. Анализ правоприменительной практики на примере дистанционного труда свидетельствует о недостаточном правовом регулировании в этой сфере, порождающем новые поводы к нарушению трудовых прав работника и злоупотреблению правом работодателя. *Заключение.* Сделан вывод о назревшей необходимости изменения действующего законодательства, как в части регулирования дистанционного труда, так и в части закрепления новых форм занятости, ранее не регулируемых законом.

Ключевые слова: нетипичные трудовые отношения, дистанционный трудовой договор, модификация признаков трудовых отношений, прекаризация занятости, условия трудового договора, место работы

The relevance of the article is due to the presence of gaps in the legal regulation of new forms of use of dependent labor. *The purpose* of this article is to highlight the problems of law enforcement in the application of atypical forms of employment. *Methodology.* The article uses general and particular scientific research methods: interpretation of legal norms, comparative legal method, formal legal method, analysis of current legislation and judicial practice is carried out. *Results.* The increase in new forms of atypical employment and their rapid spread indicates the need to include new forms of labor use in order to prevent precarization of employment. An analysis of law enforcement practice on the example of distance labor indicates a lack of legal regulation in this area, giving rise to new reasons for violation of the employee's labor rights and abuse of the employer's right. *Conclusion* It is concluded that there is an urgent need to amend existing legislation, both in terms of regulating distance labor and in securing new forms of employment that have not previously been regulated by law.

Keywords: atypical labor relations, distance employment contract, modification of signs of labor relations, precarious work, conditions of the employment contract, place of work

1. Введение. Классические формы использования зависимого труда, имевшие место быть в индустриальный период развития человечества, постепенно отходят на второй план, уступая место новым нестандартным формам применения труда. Развитие цифровых технологий обуславливает появление новых способов применения труда, и переориентацию старых, позволяя традиционным работодателям сэкономить на создании рабочих

мест, предоставлении ряда социально-трудовых гарантий и на оплате труда. Цифровизация экономики бросает новые вызовы отрасли трудового права, испытывая классические механизмы в новых экономических условиях. На практике законодательство не успевает отреагировать на стремительно множасьщиеся виды трудовых отношений, в силу чего за границами Трудового кодекса рискует оказаться целый пласт фактически трудовых отношений.

В представленном в январе 2020 г. Европейским фондом улучшения условий жизни и труда отчете о меняющихся правила игры технологиях делается прогноз о том, что продвинутая робототехника, аддитивное производство (3D-печать для промышленных целей), «интернет вещей», электрические и автономные транспортные средства, промышленные биотехнологии, блокчейн, виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) способны подорвать европейский сектор производства и услуг в течение следующих 10 лет [1].

В 2018 г. Еврофонд предложил типологизацию онлайн-платформ. В зависимости от масштаба задач, формата предоставления услуг, уровня навыков, необходимых для выполнения этих задач, стороны, определяющей распределение заданий, и прочих условий выделено 10 типов платформ.

Коллективные работодатели и работники, случайная работа, «нулевые» контракты, особую категорию представляют собой самозанятые, чей экономический статус близок к положению наемного работника, получившие название «экономически зависимого самозанятого» [2].

Все это свидетельствует о том, что появление новых форм нетипичной занятости и их распространение находится в фазе экспоненциального роста. Фактически трудовым законодательством России из вышеобозначенных способов использования зависимого труда урегулирован в той или иной мере только труд дистанционных работников.

2. Методология. В статье используются общие и частнонаучные методы исследования: толкование правовых норм, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, производится анализ действующего законодательства и судебной практики.

3. Отдельные проблемы правоприменительной практики на примере дистанционных трудовых правоотношений.

3.1. Проблема установления факта дистанционных трудовых отношений.

Действующие нормы, регулирующие применение дистанционного труда, очевидно, нуждаются в корректировке. Анализ судебной практики приводит к выводу о том, что вопрос перекалфикации отношений из гражданско-правовых отношений в трудовые не теряет своей актуальности. Решение вопроса об установлении факта стандартных трудовых отношений вполне успешно разрешается судами с учетом позиции Конституционного суда, изложенной в Определении от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, разъясняющей, что при разрешении подобного рода споров и признании сложившихся отношений между работодателем и работником либо

трудовыми, либо гражданско-правовыми, необходимо не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т. п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 Трудового кодекса Российской Федерации [3]. Однако при решении вопроса о переквалификации судебная практика традиционно ориентирована на процесс труда и на критерий организационной зависимости от работодателя. В связи с чем количество оставленных без удовлетворения требований о переквалификации отношений в дистанционные трудовые отношения неуклонно растет. При типичном для дистанционных отношений отсутствии линейной организационной зависимости от предполагаемого работодателя, а также отсутствии формализующих трудовые отношения актов работодателя, что характерно в частности и для ситуации намеренного сокрытия работодателем признаков трудовых отношений, установить истинный характер правовой связи оказывается практически невыполнимой задачей. Признак экономической зависимости также может не вполне четко прослеживаться, например, если работник состоит не в единственной правовой связи, получая доход от дистанционной работы у нескольких работодателей. Часто при принятии решения о наличии или отсутствии дистанционных трудовых отношений главным аргументом становится отсутствие формального указания на дистанционный характер отношений. Критически оценивая представленные истцами доказательства, суды также ссылаются на невозможность идентифицировать участников переписок без соблюдения обязательного требования к обмену электронными документами посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет» – наличия усиленной электронной цифровой подписи [4]. По мнению некоторых правоприменителей, отсутствие ЭЦП свидетельствует об отсутствии самой возможности для выполнения такого вида работы истцом. Таким образом, с учетом некоторой модификации личностного, организационного и имущественного признаков, установление факта трудовых отношений дистанционного характера существенно осложнено. Новые формы нетипичной занятости не позволяют четко идентифицировать признаки трудовых отношений, в силу чего эти формы фактически выведены за пределы действия трудового законодательства, что способствует неизменному росту прекаризации занятости.

3.2 Проблема злоупотребления правом в сфере нетипичной занятости.

Высокий уровень диспозитивности норм трудового права, регулирующих дистанционные трудовые отношения, на практике может породить проблемы злоупотребления правом со стороны работодателя. Так, работодатель вправе, обосновав организационными изменениями условий труда, перевести любого работника на дистанционный режим работы,

позволяющий в договорном порядке предусмотреть любое основание для прекращения трудового договора. Так, Ворошиловским районным судом г. Ростова-на-Дону был рассмотрен иск о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, выплате компенсации за вынужденный простой [5]. Работодатель в порядке, предусмотренном ст. 74 Трудового кодекса РФ, не предполагающем для работника возможности продолжать работу на прежних условиях, изменил «стационарный» характер трудового договора на дистанционный, предусмотрев в дополнительном соглашении также основание для прекращения трудового договора – «нецелесообразность дальнейшего сотрудничества». Спустя три месяца трудовые отношения с работником были прекращены. С учетом неукоснительного соблюдения процедур изменения и прекращения трудового договора, увольнение признано законным.

Действующее законодательство в соответствии со ст. 312.5 Трудового кодекса РФ позволяет расторгнуть трудовой договор о дистанционной работе по инициативе работодателя по основаниям, предусмотренным трудовым договором. На практике такими основаниями становятся: предоставление недостоверного отчета о своей работе, несоответствие и необъективность предоставленной информации, невыполнение задания, отказ выйти на связь по обозначенному каналу связи, производственная необходимость. Таким образом, при переводе работника на дистанционный режим работы существенно упрощается процедура прекращения трудовых отношений с работниками и в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением трудовых обязанностей при закреплении соответствующих оснований в дополнительном соглашении к трудовому договору. Фактически речь идет о появлении нового повода к более внимательному исследованию обстоятельств дела на предмет злоупотребления правом работодателя.

Дисциплина труда для работника, состоящего в нетипичных трудовых отношениях, также имеет существенные отличия от дисциплины в условиях стандартной занятости. Понятие дистанционной работы в том виде, в каком оно сформулировано в Трудовом кодексе, допускает значительную свободу сторон в определении порядка взаимодействия. С одной стороны, действующее законодательство закрепляет возможность самостоятельного определения рабочего времени и времени отдыха, если иное не предусмотрено трудовым договором, что практически исключает возможность быть уволенным, например, за прогул. Впрочем, в судебной практике существует достаточно примеров признания действий работодателя законными в случаях, когда договором местом выполнения обязанностей был указан конкретный населенный пункт в пределах его административно-территориальных границ, а работник, о чем стало известно работодателю, покинул его пределы, направившись в другой город или страну [6]. С другой стороны, отсутствие конкретизации в этом вопросе может повлечь за собой систематическое нарушение трудовых прав работника, например, при поручении работнику такого объема работы, на выполнение которого будет

затрачиваться время, превышающее нормальную продолжительность, установленную Трудовым кодексом РФ. При условии самостоятельного определения работником режима рабочего времени, доказать факт сверхурочной работы представляется весьма затруднительным. В случае отсутствия специального договорного регулирования и несовпадения рабочих графиков работника и работодателя остается не совсем ясным и вопрос об обязанности отвечать на письма, звонки, сообщения в то время, которое работник определил себе, как время отдыха. Конечно, указанные выше проблемы вполне преодолимы, например, в случае обязывания работника использовать специальное программное обеспечение (внедрение биллинговых программ или даже программ, отслеживающих движение курсора) [7], однако, думается, что обеспечение дисциплины труда такими средствами контроля не всегда выполнимо.

3.3 Проблема «комплексных» трудовых договоров

Сложившаяся судебная практика позволяет сделать вывод, что при разрешении споров суды, в полном соответствии с действующим трудовым законодательством, четко разграничивают понятия надомного труда, дистанционного труда, разъездного характера работ и проч. Однако в связи с изменениями рынка профессий невозможно отрицать появление комплексных – «смешанных» – договоров, не имеющих, однако, достаточных правовых оснований ввиду отсутствия подобных конструкций в трудовом законодательстве. Так, европейской практике известно весьма значительное число видов дистанционной работы: telecommuting, smartwork, remotework, mobile e-work, telework и ICT-mobilework. Н.Л. Лютов отмечает, что действующее трудовое законодательство регулирует «только на 100 % дистанционные либо «стационарные» трудовые отношения» [8]. В то же время организация труда некоторых работников может предполагать выполнение работ как на территории работодателя, так и вне его территории без указания на определенное рабочее место или с указанием сетевых рабочих мест, возможность вызова по распоряжению руководителя к месту нахождения работодателя, дистанционное выполнение части обязанностей с использованием информационно-коммуникационных технологий и в то же время очное присутствие в подконтрольном работодателю месте. Российские работодатели находят выход в заключении нескольких договоров с одним и тем же работником на условиях неполного рабочего времени, предусматривающих разные условия организации труда и разные рабочие места. В апелляционном определении СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан суд указал на то, что поскольку оба представленных в деле трудовых договора имеют одинаковый период действия, заключены между одними и теми же лицами, то, предполагается, что эти трудовые договоры должны были действовать одновременно. «Однако одновременное действие указанных договоров, заключенных с одним работодателем, невозможно, поскольку осуществление работы на месте или дистанционно является лишь способом исполнения работником

трудовой функции и заключение еще одного трудового договора противоречит указанным выше нормам Трудового кодекса Российской Федерации» [9]. В связи с обозначенной проблемой видится необходимым преодоление этого пробела, путем внесения изменений в действующее законодательство, регулирующее дистанционный труд.

Заключение. В связи с распространением коронавирусной инфекции и рекомендованным переводом работников на удаленный режим работы в случае наличия организационных и технических возможностей для организации такой работы, по усредненным данным аналитиков спрос на нестандартный труд вырос в 1,6 раза. Многие компании, которые прежде придерживались консервативного подхода к организации труда, были вынуждены перейти к использованию дистанционных технологий, и, предположительно, число таких компаний будет только возрастать. В этот трудный переходный период, когда рынок труда переживает крайнюю нестабильность, особенного внимания к себе как правоприменителей, так и законодателя требуют нестандартные формы занятости. Новые условия рынка говорят о назревшей необходимости изменения действующего законодательства, как в части регулирования дистанционного труда, так и в части закрепления новых форм занятости, ранее не регулируемых законом.

---

1. Исследовательский отчет Eurofound (2020), Технологии, изменяющие правила игры: Преобразование производства и занятости в Европе, Бюро публикаций Европейского Союза, Люксембург https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19047en.pdf

2. *Зайцева Л.В.* Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 212–222.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации № 597-О-О от 19 мая 2009 года [Электронный ресурс]. – URL://<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29412.pdf>

4. Решение Грязовецкого районного суда Вологодской области по делу № 2-25/2019 от 08.02.2019 [Электронный ресурс]. – URL://https://griazovecky-vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8367862&delo_id=1540005&new=0&text_number=1; Решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 2-3352/2015 от 10.08.2015 [Электронный ресурс]. – URL://https://leninsky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=48558829&delo_id=1540005&new=0&text_number=1

5. Решение Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 2-1645/2018 от 16.05.2018 [Электронный ресурс]. – URL://https://voroshilovsky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33674548&delo_id=1540005&new=0&text_number=1

6. Апелляционное определение СК по гражданским делам Волгоградского областного суда по делу № 33-3875/2018 от 14.03.2018 [Электронный ресурс]. – URL:<https://oblsud-->

vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1815028&delo_id=5&new=5&text_number=1

7. *Лескина Э.И.* Об обеспечении дисциплины труда дистанционного работника средствами контроля работодателя // Российский юридический журнал. – 2018. – № 4. – С.128

8. *Люттов Н.Л.* Дистанционный труд: опыт европейского союза и проблемы правового регулирования в России//Lexrussica (Русский закон). – 2018. – № 10 (143). – С. 34.

9. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 33-17750/2019 от 10.10.2019 [Электронный ресурс]. – URL://https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=17503785&_uid=d5fcf750-8f68-48a0-ae8e-c1e4de04daa5&_deloId=1540005&_caseType=&_new=5&_doc=1&srv_num=1

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОСРОЧНЫХ ВИДОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.А. Урусов

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF APPLYING EARLY TYPES OF RELEASE FROM IMPRISONMENT

A.A. Urusov

Предметом исследования является практика применения досрочных видов освобождения от наказания. На основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации проведен сравнительный анализ условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Ключевые слова: *условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания.*

The subject of the research is the practice of applying early types of release from punishment. On the basis of statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal penitentiary service of the Russian Federation, a comparative analysis of conditional early release from serving a sentence and replacement of the unserved part of the sentence with a more lenient type of punishment was carried out.

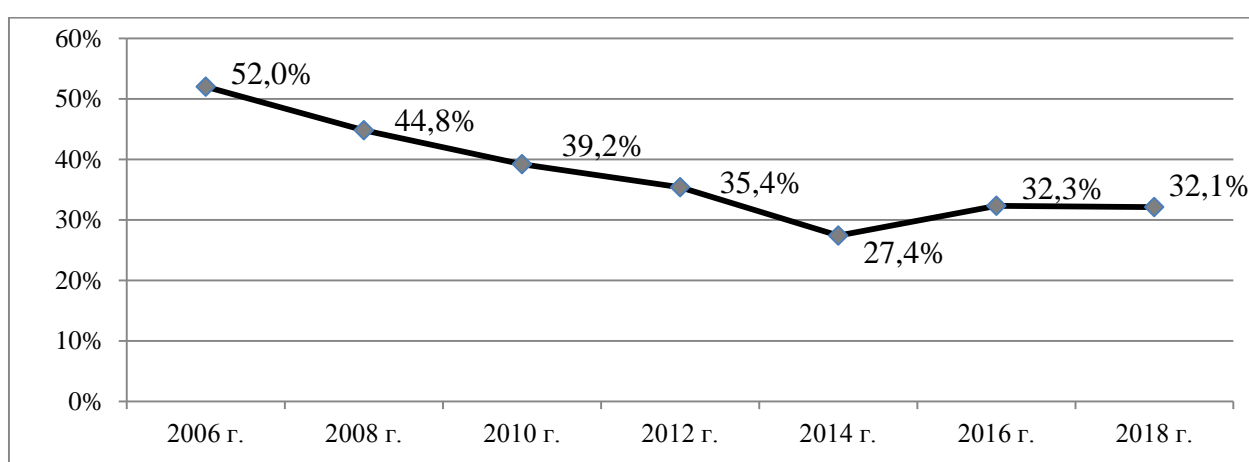
Keywords: *early parole, replacing the unserved part of the sentence with a more lenient form of punishment, release from punishment.*

Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство сочетает в себе «жестокость и суровость» в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, и в то же время регламентирует разнообразные меры поощрения, стимулирующие правопослушное поведение. Группа мер поощрения, которая существенно изменяет правовое положение осужденных, связана с их досрочным освобождением от наказания. Досрочное освобождение от наказания представляет собой способ индивидуализации наказания, который реализуется судом в стадии отбывания осужденным наказания [1].

Из анализа практики исполнения наказания в виде лишения свободы видно, что самыми распространенными видами досрочного освобождения от наказания являются условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО) (ст. 79 УК РФ [2]) и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ). Данные виды досрочного освобождения от наказания прочно заняли свое место в действующем уголовном законодательстве и судебной практике. Межотраслевой характер института досрочного освобождения от наказания обусловлен рядом практических проблем правового регулирования, на часть из которых уже обращалось внимание в юридической литературе [3].

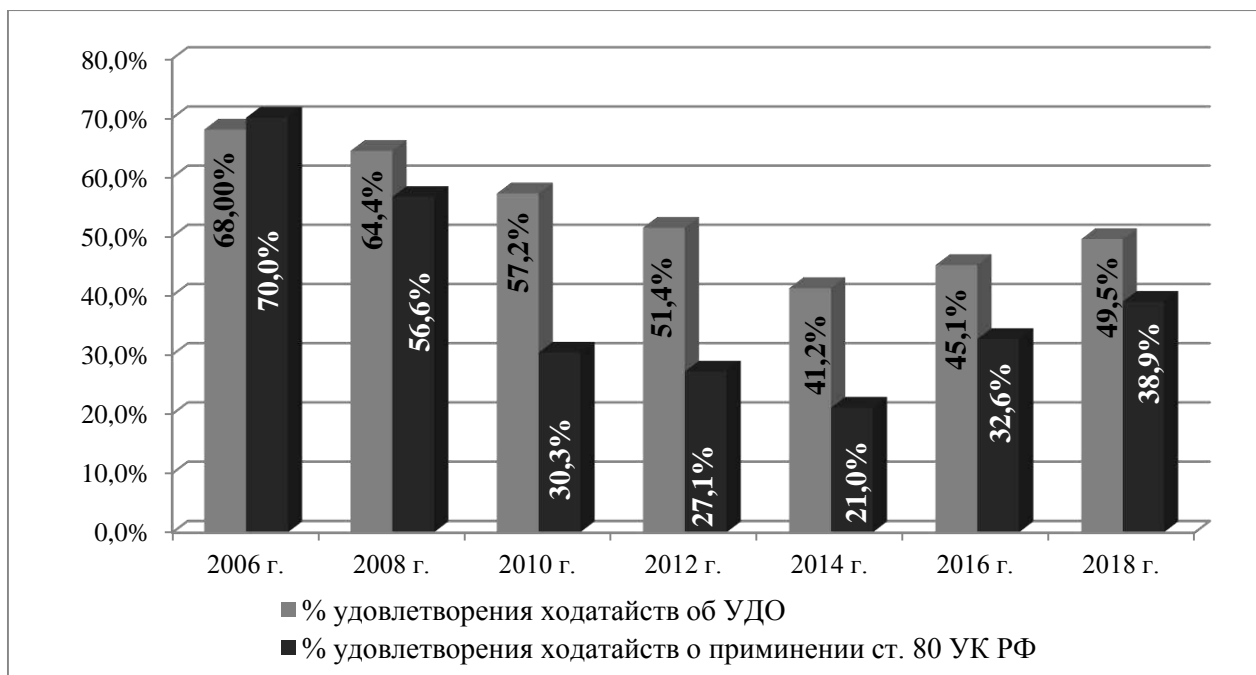
Статистическая информация показывает, что в различные периоды времени менялись подходы к досрочному освобождению от наказания (см.: Рис. 1).

Как видно из графика, за последнее время произошло значительное снижение доли досрочно освобожденных от наказания. Одной из причин является то, что среди лиц, условно-досрочно освобожденных в 2005–2008 гг., наметился высокий удельный вес рецидива преступлений. Как свидетельствует проведенное нами исследование, в этот период времени среди лиц, условно-досрочно освобожденных, каждый пятый совершает новое преступление в течение трех лет после освобождения, а около половины из них – в год освобождения. Данная тенденция имеет место и в настоящее время, но в связи с сокращением числа освобожденных и уменьшением неотбытой части срока наказания, сокращается число лиц, совершающих повторное преступление, до истечения срока наказания.

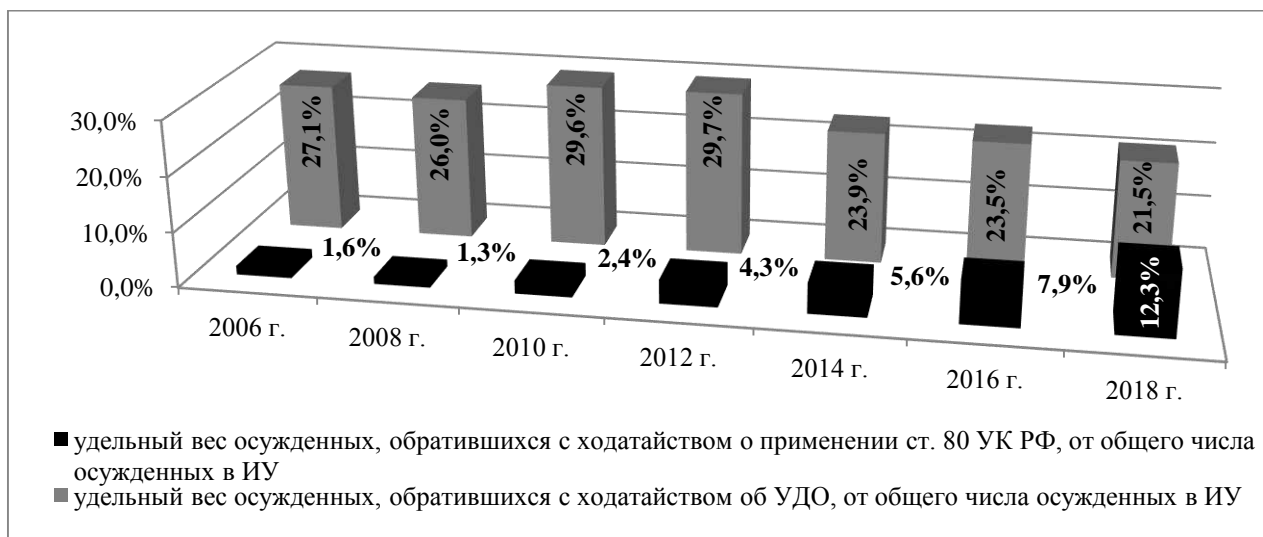
Рис. 1. Динамика удельного веса осужденных, досрочно освобожденных от наказания, от общего числа лиц, освобожденных из исправительных учреждений ФСИН России [4]

Высокий рецидив преступлений среди лиц, досрочно освобожденных из исправительных учреждений, и ряд других обстоятельств сказались на снижении процента удовлетворения судами ходатайств осужденных о досрочном освобождении от наказания в последние годы, по сравнению с 2006 г. (см.: Рис. 2). К этим обстоятельствам необходимо отнести, прежде всего, внесение изменений в ст. 79 и 80 УК РФ, которые дополнили данные статьи критериями характеристики осужденных для применения к ним досрочного освобождения от наказания, например, возмещение вреда, причиненного преступлением. Кроме того, суды стали критически оценивать мнение администрации исправительного учреждения о целесообразности применения одного из видов досрочного освобождения от наказания, а также о возможности осужденным социализироваться после освобождения из исправительного учреждения.

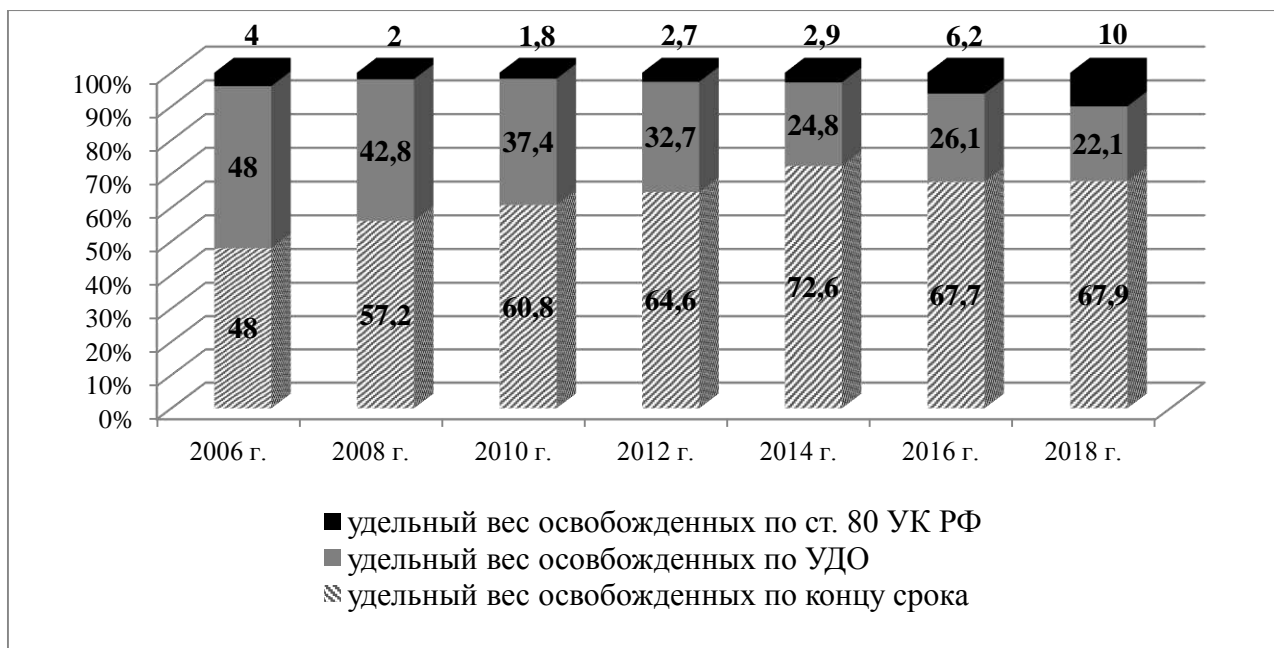
Рис. 2. Процент удовлетворения судами ходатайств осужденных к лишению свободы о досрочном освобождении от наказания [5]

За последние годы изменилась тенденция в выборе вида досрочного освобождения от наказания. Если в первые годы XXI столетия практически каждый третий осужденный обращался с ходатайством об УДО, то в 2018 г. только каждый пятый, при этом за этот же промежуток времени растет доля осужденных, которые обращаются в суд с ходатайством о применении ст. 80 УК РФ (см.: Рис. 3).

Рис. 3 Удельный вес осужденных, обратившихся с ходатайствами в суд о досрочном освобождении от наказания, от общего числа осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях ФСИН России [6]

Рис. 4. Динамика изменения структуры освобожденных из исправительных учреждений ФСИН России (в %) [7]

Рассматривая структуру досрочных видов освобождения от наказания из исправительных учреждений, необходимо отметить, что на такие виды досрочного освобождения от наказания, как помилование (ст. 85 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), приходится менее 1 %, поэтому мы не будем их учитывать в анализе. Как уже ранее было отмечено, за последние 10 лет в структуре освобожденных от наказания происходят существенные изменения (см.: Рис. 4). Растет доля лиц, освобождаемых до окончания срока. Если в 2006 г. их доля составляла практически половину, то в 2018 г. – 2/3 от общего числа освобожденных из исправительных учреждений. Более чем в два раза сократилось число освобожденных по УДО.

Продолжая анализировать изменения структуры освобожденных от наказания, из диаграммы видно, что в пять раз вырос удельный вес лиц, которым была заменена неотбытая часть лишения свободы более мягким видом наказания. Главным образом это связано с тем, что введены в действие новые виды уголовных наказаний, являющиеся альтернативой лишению свободы и, прежде всего, это обязательные работы, ограничение свободы и принудительные работы. Кроме того, стала на практике реализовываться уголовная политика России, направленная на депенализацию наказания. Необходимо согласиться с С.А. Риановым, который пишет: «Широкое применение принципов уголовного права в институте замены наказания обеспечивает законные и справедливые отношения между преступником и государством, что, в свою очередь, позволяет создать более эффективную систему исполнения наказания, обеспечивающую постоянное стимулирование и ускорение процесса исправления осужденного» [8].

Приведенный анализ практики применения институтов условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части

наказания более мягким видом позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, данные институты в настоящее время сформировались и нашли свое место в практике исполнения лишения свободы. Во-вторых, они призваны повлиять на осужденного, стать стимулом для его более быстрого возвращения в общество и в социализации в нем. В-третьих, при применении судами данных институтов они учитывают степень исправления осужденного и стремление его загладить вред, причиненный преступлением. В-четвертых, данные институты способны сгладить отрицательные последствия наказания и ускорить процесс исправления осужденного путем стимулирования его правопослушного поведения в период отбывания наказания.

---

1. *Скиба А.П., Артеменко Н.В.* Замена неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания: проблемы уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования // *Человек: преступление и наказание.* – 2016. – № 4(95). – С. 60.

2. Здесь и далее УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Михайлов К.В.* Уголовно-правовой институт освобождения от наказания. – М.: Юрлитинформ, 2008 – 311 с.; *Скобелин С.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // *Уголовное право.* – 2009. – № 6. – С. 64 – 68.

4. Федеральная служба исполнения наказаний. Статистические данные. – <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 11.03.2020).

5. Сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 – 2018 г.г. // www.cdep.ru [электронный ресурс]: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ (дата обращения: 11.03.2020).

6. Федеральная служба исполнения наказаний. Статистические данные. – <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 11.03.2020); Сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 – 2018 г.г. // www.cdep.ru [электронный ресурс]: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ (дата обращения: 11.03.2020).

7. Федеральная служба исполнения наказаний. Статистические данные. – <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 11.03.2020); Сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 – 2018 г.г. // www.cdep.ru [электронный ресурс]: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ (дата обращения: 11.03.2020).

8. *Рианов С.А.* Заменяющие наказания и принципы их реализации в уголовном праве России // *Человек: преступление и наказание.* – 2012. – № 4(79). – С. 72.

О ПОРЯДКЕ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

И.А. Фаст

ABOUT THE PROCEDURE FOR PROTECTING PERSONAL INTEGRITY IN CIVIL LAW

I.A. Fast

В рамках статьи проведен анализ порядка защиты личной неприкосновенности в гражданском праве. Исходя из действующего законодательства, делается вывод о том, что защита личной неприкосновенности лица имеет свои предпосылки защиты, а также имеет свой порядок защиты и разделяется на несколько стадий.

Ключевые слова: личная неприкосновенность, неимущественные права, защита субъективных гражданских прав, защита неимущественных прав, механизм защиты, способы защиты.

The article analyses the procedure for protecting personal integrity in civil law. Based on the current legislation, it is concluded that the protection of a person's personal integrity has its own prerequisites for protection, as well as its own protection procedure and is divided into several stages.

Keywords: personal integrity, non-property rights, protection of subjective civil rights, protection of non-property rights, protection mechanism, methods of protection.

Известно, что гражданское право предназначено для упорядочения общественных отношений в сфере имущественных и личных неимущественных интересов граждан и юридических лиц, а в случае нарушения гражданских прав призвано обеспечить их надежную защиту [1]. В.П. Грибанов писал, что, признавая за тем или иным лицом определенные субъективные права и обязанности, гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу и права на их защиту. Это и понятно. Субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь «декларативным правом» [2].

Обеспечение надежной гражданско-правовой защиты в равной степени относится к имущественным и неимущественным правам, включая защиту нематериальных благ. К нематериальным благам ГК РФ относит и личную неприкосновенность, которая включает в себе возможность беспрепятственной реализации и защиты иных нематериальных благ, таких как: жизнь, здоровье, деловая репутация, честь, достоинство и др., а также характеризует принадлежность лицу таких нематериальных благ, нарушение которых невозможно без нарушения личной неприкосновенности [3]. Соответственно, личная неприкосновенность как нематериальное благо может быть нарушена при посягательстве на личную неприкосновенность

как, во-первых, на само нематериальное благо, так и на иные нематериальные блага (жизнь, здоровье, деловая репутация и т. п.).

В ст. 12 ГК РФ содержится примерный перечень способов защиты гражданских прав. При этом указанные в ней способы защиты применимы к защите неимущественных прав и нематериальных благ. По этому поводу М.Н. Малеина отмечает, что конкретный соответствующий способ защиты может применяться самостоятельно по выбору потерпевшего, так и в сочетании с другими способами защиты. Закон не ограничивает возможность применения названных способов защиты. Поэтому личные неимущественные права могут защищаться любыми предусмотренными законом способами с учетом того или иного вида этих прав. Однако для защиты личных неимущественных прав практически, например, неприменим такой способ защиты, как присуждение к исполнению обязанности в натуре [4]. Данное высказывание наводит на мысль о том, что далеко не все предусмотренные законом способы защиты пригодны для защиты личной неприкосновенности.

Также следует учитывать, что выбор надлежащего способа защиты выступает лишь предпосылкой в процессе защиты личной неприкосновенности. С.С. Алексеев особо выделял предварительную подготовку при реализации правовых норм. Он указывал, что во многих случаях для обеспечения реального, полного, точного и своевременного осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей необходимо создание определенных организационных и правовых условий [5]. Е.В. Вавилин, опираясь именно на вывод С.С. Алексеева, заключает, что необходимы определенные объективные предпосылки осуществления прав и исполнения обязанностей [6]. Взяв за основу данные выводы, укажем, что предусмотренные в ст. 12 ГК РФ способы защиты выступают лишь предпосылками в защите личной неприкосновенности. И определение способа защиты недостаточно для полноценного представления о порядке защиты личной неприкосновенности в гражданском праве. Необходимо также уяснить, каким образом (в каком порядке) эта защита осуществляется. Другими словами, необходим анализ процесса защиты личной неприкосновенности.

Е.В. Вавилин по данному поводу отмечает, что динамика осуществления права связана в первую очередь с изменением состояний субъективного права в процессе его осуществления. Только последовательная смена состояний субъективного права в единстве дает представление о целостном процессе осуществления. Этот признак позволяет оперировать таким понятием, как «стадия», под которой необходимо понимать состояние права в определенный момент времени. И каждая стадия характеризуется набором определенных взаимообусловленных качественных характеристик права [7]. Соответственно, процесс защиты личной неприкосновенности состоит из стадий, каждая из которых представляет собой набор возможных и необходимых действий, совершение которых

позволяет перейти к последующей процедуре в процессе защиты личной неприкосновенности.

Исходя из анализа действующего законодательства, можно сделать вывод о том, что первоначально происходит процесс формализации требований к нарушителю личной неприкосновенности лица. А.А. Куприянова отмечает, что в подобных случаях возникает определенное правовое состояние, которое заключается в придании этому нарушению юридического статуса – юридического факта, для возможности осуществить защиту права, которое возникает в момент нарушения исходного права [8]. На данной стадии какой-либо реакции на нарушение пока не требуется, а лишь происходит принятие решения о формулировании требований к лицу, создавшему угрозу нарушения личной неприкосновенности лица либо нарушившего её, или принимается решение об отсутствии необходимости такого формулирования.

И.А. Еськина применительно к обязательствам вследствие причинения вреда отмечает, что прежде чем осуществлять обязательственное право вследствие причинения вреда, надо пройти этапы возникновения [9]. В данном случае необходимо определить параметры требования, предъявляемого в целях защиты личной неприкосновенности (вид требования, размер возмещения, порядок и сроки удовлетворения и т. п.). Другими словами, на данном этапе происходит разрешение вопроса о надлежащем способе защиты (ст. 12, 150, 151 ГК РФ и т. д.), т. е. формирования требования о совершении конкретных действий, которые нарушитель должен будет совершить либо не совершать, для устранения посягательства на личную неприкосновенность лица; разрешается вопрос о размере денежной компенсации, если требование заключается во взыскании сумм компенсации причиненного неимущественного или морального вреда, и т. п. Примером требования несовершения действий, создающих угрозу нарушения личной неприкосновенности, может быть проявленный интерес к здоровью полового партнера об отсутствии или наличии венерического заболевания либо ВИЧ-инфекции.

В правовой литературе отмечается, что «юридический характер не присущ явлению изначально – таким его делает правовое регулирование, и факты проявляются как юридические в силу нормативно-правового воздействия на составляющие их обстоятельства. ...Если свойствам и признакам обстоятельств явления придается правовое значение, а самому явлению определяется правовая форма, это означает, что на случай его наступления предусмотрено правовое регулирование. Во времени и в пространстве такое явление протекает как юридический факт» [10]. Тем самым важной стадией процедуры реализации права на личную неприкосновенность является стадия формализации требований к нарушителю. На данной стадии формализуются (конкретизируются) требования, что позволяет перейти к следующей стадии защиты – стадии притязания.

На данной стадии возможно лишь притязание на определенное поведение нарушителя, которое начинается с предъявления требования нарушителю об этом, например, в судебном или внесудебном порядке. Обязанности определенного поведения ещё не существует, и лицо, чья личная неприкосновенность подверглась негативному воздействию, пока только претендует на это. При этом следует учитывать, что данная стадия является регламентированной, включая порядок, определенный процессуальным законодательством.

В отношениях, возникающих вследствие нарушения личной неприкосновенности лица, правопритязание переходит в форму правообладания с момента установления обязательства решением суда или по соглашению сторон, т. е. действует в тот момент, когда оно становится обязательством. Причем защита личной неприкосновенности может миновать стадию установления обязательства. Например, лицо, чья личная неприкосновенность была нарушена действиями лица, может совершить оперативное вмешательство относительно своего контрагента в порядке самозащиты.

Л.А. Чеговадзе отмечает, что в порядке самозащиты могут также оперативно быть реализованы требования, предъявленные непосредственно к неисправному контрагенту (требование о возмещении убытков). И если требование добровольно удовлетворено, оно реализуется оперативно. Если же получен отказ, появляется необходимость судебного принуждения [11]. Так происходит и с нарушением или угрозой нарушения личной неприкосновенности.

Тем самым цель защиты личной неприкосновенности на данном этапе защиты достигается либо заключением соглашения с правонарушителем о совершении определенных действий с целью недопущения угрозы личной неприкосновенности лица, либо совершением действий, направленных на восстановление положения лица, существовавшего до такого нарушения.

В противном случае, в случае недостижения согласия между правонарушителем и лицом, чья личная сфера пострадала, заявленные требования подлежат рассмотрению судом. Суд, рассматривающий заявленные требования, должен установить факт причинения вреда личной неприкосновенности либо угрозу его причинения, проверить законность заявленных требований, определить, выбран ли надлежащий способ защиты нарушенного права, приведет ли он к восстановлению положения лица, чья личная неприкосновенность была нарушена, а также иные условия соблюдения действующего законодательства.

После вступления в силу судебного решения правонарушитель может самостоятельно (добровольно) исполнить его резолюцию, что следует отличать от стадии принудительного исполнения. Стадия принудительного исполнения является следующей стадией процедуры защиты права на личную неприкосновенность и по сути является факультативной. Факультативность данной стадии объясняется тем, что данная стадия

появляется только в том случае, когда возложенные на нарушителя соглашения либо решением суда обязанности не исполняются им и требуется помощь государственных органов по принудительному исполнению.

Таким образом, порядок защиты личной неприкосновенности лица состоит, во-первых, из нормативных предпосылок защиты личной неприкосновенности; во-вторых, защита личной неприкосновенности имеет свои стадии, к которым относятся: стадия формализации требований к правонарушителю; стадия притязания; стадия конкретизации действий и порядка их совершения в целях защиты личной неприкосновенности лица; стадия принудительного исполнения, которая является факультативной стадией процедуры защиты личной неприкосновенности.

-
1. *Демин А.А.* О соотношении понятий «обеспечение» и «защита» субъективного гражданского права // *Legalconcept*. – 2018. – Vol. 17. – № 2. – С.111.
  2. *Грибанов В.П.* Обусловление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. – М.: «Статут», 2001. – С. 104.
  3. *Фаст И.А.* Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 182.
  4. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан (Понятие, осуществление и защита). – М. : МЗ Пресс, 2000. – С. 244.
  5. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 96–97.
  6. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: «Волтерс Клувер», 2009. – С. 105.
  7. Там же. – С. 104.
  8. *Куприянова А.А.* Правовая природа права на защиту // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 4-х частях / под общ.ред. Ж.А. Шаповал. – 2017. – С. 100.
  9. *Еськина И.А.* Основания возникновения и приобретения субъективных гражданских прав // Вестник академии права и управления. – 2012. – № 27. – С. 187–194.
  10. *Чеговадзе Л.А.* Юридический факт как средство формальной определенности явлений // Материалы международной научно-практической конференции «Третьи юридические диспуты по актуальным проблемам частного права» / под ред. И.С. Канзафаровой. – Одесса: Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова. – 2013. – С. 18 – 35.
  11. *Чеговадзе Л.А.* Основания, способы и меры защиты гражданских прав. Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 77.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКОМ НОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

М.Ю. Федорова

DISCIPLINARY ENFORCEMENT ACTIONS IN CASE OF THE PROFESSIONAL ETHICAL RULES VIOLATION COMMITTED BY THE HEALTHCARE WORKER

M.Yu. Fedorova

В статье исследованы дисциплинарные проступки медицинских работников, сопряженные с нарушением норм профессиональной этики. Выявлены и обоснованы особенности правоприменительных процедур по привлечению медицинских работников к дисциплинарной ответственности за указанные нарушения.

Ключевые слова: *медицинский работник, профессиональная этика, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание, правоприменительная процедура.*

The article analyzes disciplinary offenses related to the violations of professional ethics committed by healthcare workers. The specifics of the enforcement procedures of initiating disciplinary actions against healthcare workers in case of the named violations are proved.

Keywords: *healthcare worker, professional ethics, disciplinary offense, disciplinary penalty, enforcement action.*

В науке трудового права достигнуто единство в вопросе о значении нематериальных (процедурных и процессуальных) отраслевых норм в обеспечении эффективности правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений. В свое время коллективом ученых под руководством профессора В.Н. Скобелкина была даже предпринята попытка обоснования отраслевой самостоятельности трудового процедурно-процессуального права [1]. Несмотря на то, что эта идея сама по себе не получила широкой поддержки, она активизировала научный поиск в заданном направлении и во многом послужила основой для состоявшихся в дальнейшем научных работ по обозначенной проблематике [2]. Между тем до настоящего времени в законодательстве и правоприменительной практике не решен целый ряд вопросов прикладного характера, связанных с совершенствованием процедурно-процессуального сопровождения в сфере труда.

Об этом убедительно пишет в своих работах Г.Н. Обухова, указывая, в частности, на высокую степень пробельности в системе процедурно-процессуальных норм, опосредующих привлечение к дисциплинарной и материальной ответственности (в том числе в Трудовом кодексе Российской Федерации) [3]. Разделяя данную точку зрения, полагаем необходимым подчеркнуть высокую социальную значимость преодоления таких пробелов в отношении дисциплинарной ответственности работников. Это объясняется многими факторами, среди которых возможные правовые последствия

наложения дисциплинарного взыскания для сохранения трудовых отношений.

Одним из видов дисциплинарных взысканий является увольнение по соответствующим основаниям, в том числе в связи с неоднократным неисполнением работником своих трудовых обязанностей, если работник уже имеет дисциплинарное взыскание (п. 5 части первой ст. 81, часть первая ст. 192 ТК РФ). Следовательно, наличие у работника замечания или выговора делает возможным применение к нему в случае очередного дисциплинарного проступка дисциплинарного взыскания в виде увольнения. Кроме того, любое дисциплинарное взыскание предполагает, по существу, оценку применительно к конкретной ситуации профессиональных (деловых) качеств работника, в силу чего затрагивает сферу его личных неимущественных прав. Не случайно необоснованное или произведенное с нарушением установленного порядка привлечение работника к дисциплинарной ответственности может повлечь за собой не только отмену дисциплинарного взыскания, но и возложение на работодателя обязанности по компенсации причиненного работнику морального вреда (п. 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»).

В связи с этим необходимо строгое соблюдение работодателями порядка привлечения к дисциплинарной ответственности. Однако далеко не всегда работодатель имеет четкое представление о том, какие правила он должен соблюсти, в том числе по причине недостаточности соответствующих правовых предписаний. Статья 193 ТК РФ, устанавливающая порядок применения дисциплинарных взысканий, наряду с жестким определением ряда процедурных требований (например, сроков) отдельные важные аспекты оставляет без детальной регламентации. В частности, такой вывод можно сделать в отношении предварительного разбирательства по случаю нарушения работником возложенных на него трудовых обязанностей. С одной стороны, вышеназванная норма предписывает работодателю истребовать от работника объяснение по поводу допущенного нарушения. С другой стороны, она умалчивает о том, в каком порядке эти объяснения должны оцениваться работодателем. Но вряд ли можно предполагать, что данное правило носит сугубо формальный характер. Очевидно, сообщенные работником сведения подлежат оценке со стороны работодателя не только сами по себе, но и во взаимосвязи с другими обстоятельствами, о которых могут сообщить другие работники, ставшие свидетелями нарушения, либо третьи лица (например, потребители услуг, оказываемых работодателем). При этом непредоставление работником объяснения не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания, что, однако, не снимает с работодателя обязанности убедиться в том, что нарушение трудовой дисциплины имело место, и подтверждает вывод о необходимости предварительной проверки соответствующих фактов.

Следовательно, в отсутствие тщательного и объективного разбирательства по поводу дисциплинарного проступка соблюдение демократических принципов привлечения к дисциплинарной ответственности (включая презумпцию невиновности) приобретает фиктивный характер. Как справедливо отмечается в литературе, трудовое законодательство постепенно воспринимает требование о проведении при решении вопроса о наложении дисциплинарного взыскания предварительной проверки или расследования. В этих целях работодатели могут создавать специальные комиссии с участием соответствующих специалистов [4]. При этом очевидно, что такое требование уместно предъявлять к случаям привлечения к дисциплинарной ответственности тех работников, чья профессиональная деятельность связана с оказанием таких социально-значимых услуг, как медицинские, образовательные, социальные и т. п.

Так, действующее образовательное законодательство уже содержит подобные нормы. Трудовой кодекс РФ фиксирует возможность увольнения в порядке дисциплинарного взыскания работников, выполняющих воспитательные функции, за совершение аморального проступка по месту работы и в связи с исполнением трудовых обязанностей (п. 8 части первой ст. 81). Одновременно с этим п. 2 ст. 336 ТК РФ закрепляет в качестве дополнительного основания прекращения трудового договора с педагогическим работником применение им, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в числе академических прав и свобод педагогического работника называет право на защиту профессиональной чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики педагогических работников (п. 13 части 3 ст. 47). По смыслу положений п. 2 части 1 ст. 45, части 4 ст. 47 и п. 2 части 1 ст. 48 названного Федерального закона педагогические работники обязаны соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики, а образовательные организации должны принимать локальные нормативные акты, фиксирующие требования профессиональной этики педагогических работников, а также создавать комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, которые могли бы среди прочего предварительно рассматривать ситуации, связанные с нарушением этических норм.

В отношении медицинских работников централизованное регулирование обозначенных вопросов осуществляется гораздо менее четко. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо предусматривает, что медицинские работники осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, руководствуясь принципами медицинской этики и деонтологии (часть 1 ст. 73), однако не конкретизирует,

кем и в каком порядке должны разрабатываться и утверждаться соответствующие этические правила. Между тем наряду с имеющей многовековую историю клятвой Гиппократова в современном мире как на международном уровне, так и в отдельных государствах существует множество источников, фиксирующих нормы врачебной этики.

Множественность источников, формализующих нормы медицинской этики, несмотря на их принципиальное единство, при определенных условиях может порождать если не коллизии между моральными установками, отраженными в различных этических документах (например, между общими и специальными, либо между отдельными видами специальных), то по крайней мере необходимость их согласованного применения.

В первую очередь речь идет о квалификации поведения медицинского работника в качестве дисциплинарного проступка, если он был сопряжен с нарушением этических норм. Примеры таких проступков весьма многообразны: от неуважительного, грубого обращения с пациентами (повышенным тоном, на «ты», с использованием оскорбительных выражений и т. п.) до экстраординарных ситуаций в виде драки между врачами в помещении медицинской организации в присутствии коллег и пациентов. В условиях цифровизации дисциплинарные проступки медицинских работников могут выражаться в размещении в Интернете какой-либо информации, ставшей доступной им в связи с осуществлением трудовых обязанностей. Например, медсестра стационара разместила на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» фотографии своего рабочего места (палаты отделения реанимации и интенсивной терапии) с изображением находившихся там пациентов, что было расценено как нарушение требования о сохранении врачебной тайны.

Как показывает изучение размещенных в справочной правовой системе «КонсультантПлюс» текстов судебных актов по соответствующим категориям дел, правоприменительная практика исходит из необходимости установления нормативной связи между правовыми и этическими нормами при решении вопроса об обоснованности привлечения медицинского работника к дисциплинарной ответственности. В связи с этим привлечение медицинских работников к дисциплинарной ответственности за нарушение этических норм предполагает соблюдение работодателями-медицинскими организациями наряду с общими также некоторых специфических требований, которые могут характеризоваться как особенности дисциплинарной правоприменительной процедуры, устанавливаемые в порядке дифференциации правового регулирования труда.

Обобщая ранее высказанные в науке позиции, можно указать на наиболее существенные признаки дисциплинарной правоприменительной процедуры, такие как круг участников (включающих в себя работника, в отношении которого такая процедура осуществляется), набор необходимых действий, требования к их осуществлению (последовательность, сроки,

фиксация и т. п.). Дисциплинарная правоприменительная процедура представляет собой систему осуществляемых участвующими в ней субъектами в определенной последовательности действий, направленных на установление фактических обстоятельств, отражающих степень исполнения работником возложенных на него трудовых обязанностей, и их оценку с точки зрения соблюдения нормативных требований. При этом если профессиональная деятельность работника подчиняется не только правовому, но и этическому регулированию, оценка дисциплинарного проступка осуществляется на основании как правовых, так и этических норм.

В связи с этим важнейшая особенность дисциплинарных правоприменительных процедур, реализуемых в отношении медицинских работников, допустивших отступление от требований профессиональной этики, заключается в необходимости выявления нормативной связи между правовыми и этическими нормами, фиксирующими соответствующее требование, и последующее её отражение в соответствующих правоприменительных актах (приказах работодателя, судебных постановлениях) через ссылки на Трудовой кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», локальные нормативные правовые акты (правила внутреннего трудового распорядка, должностные инструкции и т. п.), а также этические документы (в частности, Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации и локальные этические кодексы, если они приняты в конкретных медицинских организациях, являющихся стороной трудового спора).

Уместно подчеркнуть, что законность приказов работодателей о привлечении медицинских работников к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка в виде нарушения медицинской этики и деонтологии суды оценивают в том числе с точки зрения наличия в данных актах четкого указания на то, нарушение каких конкретно принципов медицинской этики и деонтологии вменяется работнику в вину. Следовательно, суды исходят из необходимости соблюдения работодателями общих требований и правил привлечения к дисциплинарной ответственности, безотносительно к тому, идет ли речь о нарушении правовых или этических норм.

Поскольку нормы медицинской этики исходят от профессионального медицинского сообщества, в медицинских организациях при решении вопроса о привлечении медицинского работника к дисциплинарной ответственности за проступки, сопряженные с нарушением этических норм, создаются специальные комиссии. На них возлагаются функции по проверке и оценке с позиций профессиональной этики такого рода фактов. Создание и деятельность таких комиссий является факультативным элементом дисциплинарных правоприменительных процедур в отношении медицинских работников, в отличие от педагогических работников, для которых такое требование прямо закреплено законом. Тем не менее во многих медицинских организациях специальные комиссии создаются, а их

заклучения учитываются работодателем при принятии соответствующих управленческих решений. Представляется, что создание комиссий должно приобрести обязательный характер, причем этические комиссии могут формироваться не в каждом конкретном случае, а на определенный период времени. В их состав могут включаться представители кадровых и юридических подразделений, профсоюзных органов, а также медицинские работники, пользующиеся доверием и уважением коллектива. Возможно также привлечение к участию в работе таких комиссий представителей профильных кафедр медицинских вузов. Результаты деятельности комиссий разных медицинских организаций могут обобщаться и использоваться для совершенствования этических кодексов и практики их применения, а также в процессе подготовки студентов-медиков к будущей профессиональной деятельности.

---

1. Трудовое процедурно-процессуальное право: уч. пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. – Воронеж: Изд. ВГУ, 2002.

2. *Обухова Г.Н.* Правовая процедура привлечения работника к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2016.

3. *Обухова Г.Н.* Системность в построении процедур дисциплинарной и материальной ответственности и необходимость их гармонизации в российском трудовом законодательстве // *LexRussica*. – 2017. – № 9 (130). Сентябрь. – С. 74.

4. Там же. – С. 74, 76.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

В.Н. Хисамов

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.N. Khisamov

В статье рассматривается понятие «правовая природа специальных знаний». Автором предпринята попытка обобщить и проанализировать имеющиеся взгляды по вопросам понимания специальных знаний в уголовном процессе и криминалистике. Сформулировано авторское определение специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, специальные познания, общеизвестные знания.

The article deals with the concept and legal nature of special knowledge. The author attempts to generalize and analyze the existing views on the understanding of special knowledge in criminal proceedings and criminology. The author's definition of special knowledge is formulated.

Keywords: special knowledge, special knowledge, well-known knowledge.

Достижения науки и техники, а также современные технологии активно используются не только при выявлении и расследовании преступлений, но и при их совершении, что повышает роль специальных знаний в борьбе с преступностью.

Впервые термин «специальные знания» на законодательном уровне был закреплен в Федеральном законе № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, в соответствии со ст. 2 указанного закона «задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Чуть позже Уголовно-процессуальный кодекс РФ нормативно определил процессуальные понятия специалиста и эксперта как лиц, обладающих «специальными знаниями» (ст. 57, 58 УПК РФ). При этом действующим уголовно-процессуальным законом не установлено, какие именно знания являются специальными и не сформулирована соответствующая дефиниция. Отсутствует указанное определение и в ст. 5 УПК РФ, которая, как нам представляется, должна была закрепить это определение.

Отсутствие законодательного закрепления понятия специальных знаний привело к тому, что до настоящего времени в уголовно-

процессуальной и криминалистической науках нет единства мнений по данной проблеме. В то же время, нам представляется, что правильное понимание специальных знаний является важнейшим условием грамотного применения уголовно-процессуальных норм и криминалистических рекомендаций по их использованию в процессе расследования преступлений.

Одно из первых определений «специальные знания» в советском уголовном процессе было сформулировано А.А. Эйсманом, который предложил понимать под специальными знаниями не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов [1]. Отметим, что, бесспорно, ограниченная распространенность является признаком знаний специальных, которые по своему определению не могут быть доступны многим. Вместе с тем только одного указанного признака для формулирования дефиниции специальных знаний явно недостаточно. Например, не находятся в свободном доступе и не являются общераспространенными и общедоступными сведения, составляющие государственную, банковскую, врачебную или иную охраняемую законом тайну. Однако мы не считаем такие знания специальными в смысле уголовного судопроизводства.

Однако в уголовно-процессуальной науке высказывались и иные мнения. В частности, Е.Р. Россинская полагает, что критерием отнесения знаний к специальным являются не столько их недоступность широким массам, сколько специальная профессиональная подготовка и профессиональный опыт их носителя, в этой связи она отмечает, что «традиционно в юридической литературе под этим термином понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства. Причем к специальным не относят общеизвестные, а также юридические познания» [2]. Следовательно, под специальными знаниями можно понимать не просто знания, доступ к которым ограничен, а знания, полученные в ходе профессионального обучения и соответствующего опыта. Мы полагаем, что признак, заключающийся в целенаправленном обучении и профессиональной подготовке носителя специальных знаний, выходящих за рамки общедоступных, содержащихся в общеобразовательных программах обучения, является для понимания специальных знаний ключевым.

Этот вывод особенно актуален в современный период времени, поскольку Интернет делает доступными для всех слоев населения любые знания. Вместе с тем, прочитав в Интернете учебник по химии, физике или судебной медицине, человек не становится носителем специальных знаний по определенной специальности.

Отдельные авторы полагают, что к специальным знаниям целесообразно относить только те, которые применяются для обнаружения,

фиксации и исследования доказательств. Так, В.А. Нагорный, формулируя определение специальных знаний, отмечает, что это «необщеизвестные знания в области науки, техники, искусства, ремесла и права (исключая знания в области уголовного и уголовно-процессуального права), приобретенные в результате профессиональной подготовки и практического опыта их носителями и используемые в целях установления и исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [3]. По мнению Ю.Б. Имаевой, «специальные познания – это достоверные данные из какой-либо области знаний, а также практические навыки и умения определенных лиц, имеющих опыт работы в конкретной сфере деятельности, используемые специалистом в форме, установленной законом, для правильного разрешения дела» [4].

В целях формулирования определения термина «специальные знания» установим соотношение понятий «специальные знания» и «специальные познания» и на этой основе выявим признаки, характеризующие сущность специальных знаний.

Отметим, что в действующей редакции УПК РФ используется как понятие «специальные знания», так и термин «специальные познания». В частности, в ст. 57, 58 законодатель, формулируя понятия специалиста и эксперта, указывает, что это лица, обладающие специальными знаниями. Тогда как в ч. 4 ст. 80 показания специалиста рассматриваются как сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения.

Анализируя языковую составляющую проблемы соотношения рассматриваемых терминов, отметим, что грань между ними чрезвычайно тонка. В русском языке оба слова часто применяются в схожем значении. Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова определяют термин «знания» как «результаты познания, научные сведения», а «познания», по их мнению, это «совокупность знаний в какой-нибудь области» [5].

Знание – это совокупность сведений, в какой-либо области; проверенный практикой результат познания действительности, её верное отражение в сознании человека [6]. Под познанием понимается обусловленный развитием общественно исторической практики процесс отражения и воспроизведения действительности в мышлении, взаимодействие субъекта и объекта, результатом которого являются новые знания о мире [7].

В этой связи мы вполне согласны с мнением А.В. Гусева, который утверждает, что «термин "познание" в отличие от термина "знание" более емкий, поскольку охватывает как сумму определенных теоретических знаний субъекта, так и его опыт, а также навыки применения полученных знаний» [8].

Полагаем правильным понимать под специальными знаниями совокупность сведений (информации), полученных в результате профессионального образования, научной или практической деятельности в

области науки, техники, искусства и ремесла. Знание существует объективно как осведомленность в какой-либо области, как проверенный практический результат, как идеи о сущности предмета, вне зависимости от того, изучено и освоено ли оно субъектом. А понятие «познание» подразумевает процесс приобретения знания, процесс отражения действительности в мышлении субъекта.

Вместе с тем анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет прийти к выводу, что, за исключением ч. 4 ст. 80 УПК РФ, законодатель предпочитает использовать более узкое понятие «специальные знания». Именно о специальных знаниях идет речь, когда УПК регламентирует процессуальные статус эксперта и специалиста.

Как неоднократно отмечалось, полной ясности в определении сущности специальных знаний в научной литературе не имеется. Каждый ученый, выделяя признаки специальных знаний, указывает лишь на некоторые свойства изучаемого понятия.

На основании проведенного нами анализа поставленной проблемы, полагаем правильным выделить следующие сущностные характеристики специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

1) Специальные знания не могут быть общедоступными, соответственно количество субъектов, являющихся их носителями, ограничено, а сами знания не доступны массовой аудитории. В этой связи УПК РФ относит к содержанию специальных знаний – знания в сфере науки, искусства, техники и ремесла и не относит – знания в сфере общетеоретических наук (этика, философия, логика, эстетика и т. п.) и в сфере наук правовых (юридических).

2) Специальные знания появляются у субъекта только в результате целенаправленного его обучения и профессиональной подготовки либо в отдельных случаях в процессе обучения практического (имеется ввиду, например, сфера ремесла).

3) Конечной целью использования специальных знаний является установление по уголовному делу всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

4) Применение специальных знаний в процессе доказывания по уголовному делу возможно только в строго определенных процессуальных формах.

Представляется, что указанные признаки, как отражающие сущность понятия «специальные знания» в уголовном процессе, должны быть положены в основу их дефиниции. В этой связи полагаем правильным понимать под специальными знаниями знания в области науки, техники, искусства или ремесла, не являющиеся общеизвестными, приобретенные в результате профессиональной подготовки и (или) практического опыта их носителя и используемые в определенной законом форме для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Как было отмечено, правильное понимание специальных знаний является основой применения соответствующих уголовно-процессуальных норм и криминалистических рекомендаций. В этой связи полагаем необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 44.1, который закрепил бы указанную дефиницию на законодательном уровне.

Таким образом, развитие категории «специальные знания» в уголовном процессе должно завершиться законодательной регламентацией указанного понятия. Вместе с тем, несмотря на огромную научную и практическую значимость рассматриваемой категории, содержание исследуемого понятия в науке уголовно-процессуального права пока остается весьма спорным. Считаем, что необходимы как дальнейшее совершенствование теоретических подходов к вопросу о понятии «специальные знания», применяемом в уголовном судопроизводстве, так и совершенствование соответствующих этому термину уголовно-процессуальных норм.

---

1. *Эйман А.А.* Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 91.

2. *Россинская Е.Р.* Избранное. – М.: Норма, 2019. – С. 263.

3. *Нагорный В.А.* Понятие и признаки специальных знаний в уголовном процессе // Юридическая наука. – 2013. – № 4. – С. 149.

4. *Имаева Ю.Б.* Особенности расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 169.

5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2003. – С. 231, 548

6. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm> (дата обращения: 21.02.2020).

7. Советский энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 1035.

8. *Гусев А.В.* Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных знаний в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – С. 23.

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В СУДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.Ю. Чуча

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONSIDERATION OF LABOR DISPUTES IN THE COURT: PROBLEMS AND PROSPECTS

S.Y. Chucha

В статье проводится анализ существующих правовых, философских и практических подходов к применению в судебном процессе искусственного интеллекта. Исследуются современные технические и юридические возможности применения искусственного интеллекта в судах Российской Федерации. Оцениваются перспективы развития нормативно-правовой базы и практики принятия, подготовки к судебному разбирательству, рассмотрению трудовых споров с использованием элементов искусственного интеллекта в российских судах. Даются рекомендации по внедрению цифровых исполнительных листов по трудовым делам.

Ключевые слова: *трудовой спор, суд, искусственный интеллект, судья, судебное усмотрение.*

The article analyzes the existing legal, philosophical and practical approaches to the application of artificial intelligence in the judicial process. The modern technical and legal possibilities of using artificial intelligence in the courts of the Russian Federation are investigated. The prospects of developing the regulatory framework and practice of adoption, preparation for litigation, consideration of labor disputes using elements of artificial intelligence in Russian courts are assessed. Recommendations are given on the implementation of digital writ of employment.

Keywords: *labor dispute, court, artificial intelligence, judge, judicial discretion.*

Анализ перспектив развития современных общественных отношений свидетельствуют о намерении применять искусственный интеллект в сфере электронного правосудия. Теория сильного искусственного интеллекта предполагает, что компьютеры могут приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную личность (в частности, понимать собственные мысли), хотя и не обязательно, что их мыслительный процесс будет подобен человеческому. Теория слабого искусственного интеллекта отвергает такую возможность.

Понимание искусственного интеллекта как цифровой программы на базе заложенных её разработчиками математических алгоритмов, вырабатывающей новые решения (машинное мышление) – слабый искусственный интеллект [1], требует изучения и разработки механизмов (алгоритмов) его работы в суде по меньшей мере в целях достижения двух задач: 1) оптимизации судебного процесса; 2) установления истины по делу. Соответственно, говоря об использовании искусственного интеллекта в

электронном правосудии при разрешении трудовых споров, следует различать две сферы его применения в суде: 1) делопроизводство и общие вопросы судебного процесса; 2) оценка доказательств и установление юридически значимых обстоятельств по конкретному трудовому спору [2]. Именно так мы с соавторами структурировали исследование, посвященное применению искусственного интеллекта при судебном разрешении корпоративных споров. Единая структура исследования разных категорий споров позволит достичь и ещё одной прикладной задачи: выявить особенности использования искусственного интеллекта при разрешении разных категорий споров, разной отраслевой принадлежности с точки зрения материального содержания, в соответствии с разным процессуальным законодательством судами разных ветвей судебной власти.

1) Применение отдельных элементов искусственного интеллекта в судах общей юрисдикции при принятии, подготовке к рассмотрению и разрешении трудовых споров позволит существенно снизить нагрузку судей и работников аппарата суда, обеспечить доступ граждан к материалам дела и судебным актам, а также сократить расходы государственного бюджета [3]. Современные аппаратно-программные комплексы уже сегодня позволяют с высоким качеством осуществлять перевод с иностранных языков, когда лицо, участвующее в деле, не владеет русским языком судопроизводства и вынуждено прибегать к услугам переводчика за счет бюджета или за свой счет.

Позволяют существующие электронные технологии интеллектуально перерабатывать устную речь в судебном заседании и формировать литеральный протокол судебного заседания. Впоследствии он может быть как распечатан на бумажном носителе, так и размещен в судебном облаке или направлен лицам, участвующим в деле, в электронном виде. При этом существенно снизится нагрузка на секретаря судебного заседания, а также снизится до минимума число замечаний на протокол судебного заседания.

Хранение материалов дел в судебном облаке делает их дистанционно доступными для спорящих сторон и судов всех инстанций, будет исключена вероятность утраты электронных материалов дел. Отдельные элементы облачных технологий применяются уже сегодня в арбитражных судах [4] для размещения баз данных, материалов дел, рассматриваемых по упрощенной процедуре, которые, как известно, формируются и хранятся в электронном виде.

Автоматическое (средствами программно-аппаратного комплекса) изготовление и направление исполнителю исполнительных листов тестировалось в 2016–2017 гг. в Арбитражном суде города Москвы и Московском городском суде. К сегодняшнему дню как направление цифровых исполнительных листов в государственные органы, так и электронный документооборот с участием судов общей юрисдикции в г.Москве получили практическое применение и дальнейшее развитие.

2) Говоря о применении искусственного интеллекта для оценки доказательств и установления юридически значимых обстоятельств по конкретному трудовому спору, необходимо, прежде всего, определиться с предметом доказывания по конкретным категориям трудовых дел, а также с возможностью автоматического получения аппаратно-программным комплексом суда информации из официальных баз данных, относящейся к предмету спора (кадровых, бухгалтерских, налоговых, пенсионных и т. д.) Очевидно, что существующие технологии позволяют разработать алгоритмы автоматического получения необходимых и достаточных данных, относящихся к предмету доказывания по абсолютному большинству споров о взыскании заработной платы. В то же время это будет не просто сделать по спорам о восстановлении на работе, оспаривании дисциплинарного взыскания и т. п. Более подробно остановиться на этом вопросе нам не позволяет формат настоящей работы. Кроме того, такая интеграция баз данных работодателей и государственных органов может перевести на совершенно иной уровень контроль и надзор за соблюдением законодательства о труде, позволяющий реагировать на нарушение прав работников почти мгновенно, чему стоит посвятить отдельное исследование.

Разные группы людей по-разному подходят к допустимости использования сильного искусственного интеллекта в судебном процессе. Так, при преимущественно научном подходе к проблеме юридическая общественность допускает такое развитие событий. Например, на круглом столе, проходившем в Шанхайском политико-юридическом университете (Китай) 10–12 декабря 2018 г., при обсуждении перспектив влияния искусственного интеллекта на разрешение экономических споров, большинством участников был поддержан приоритет искусственного интеллекта над человеческим [5].

В профессиональной судейской среде внедрение сильного искусственного интеллекта, принимающего решение по спору за человека, категорически не приемлется. Так, выступая 26 февраля 2020 г. на конференции «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» в Катаре председатель Совета Судей РФ В.В. Момотов подчеркнул: «То, что искусственный интеллект будет нейтрален по отношению к человеку – это миф. Он был развеян ещё в Новое время, когда стало понятно, что у техники есть своя автономия и независимость от человека. Человек стал заложником созданной им техники, он не может освободиться от обратного воздействия техники на человека. Очевидно, что в искусственном интеллекте, создаваемом человеком, заключены не только безграничные возможности, но и безграничные опасности. Система искусственного интеллекта спонтанно совершенствуется, влияя на человека и подчиняя его себе; она может вырасти в опасный для человека мир, что отчасти и происходит сегодня, и становится неотвратимой угрозой. У искусственного интеллекта свои законы и свой язык, отсутствие

глубокого понимания которых у человека делает решения нейросетей непредсказуемыми.

Процессуальное законодательство требует от судьи при оценке доказательств руководствоваться своим внутренним убеждением, которое является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. В зависимости от конкретных обстоятельств одни и те же доказательства могут быть в одном деле отвергнуты, а в другом деле, наоборот, приняты за основу.

Представляется, что система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, и именно поэтому искусственный интеллект никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, например, семейных, и, особенно, уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического.

Кроме того, суд при вынесении решения руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, закрепленных в законе: например, принципами справедливости и гуманизма при назначении наказания, требованиями разумности и добросовестности в гражданском праве. Понимание таких общих категорий формируется у человека в процессе социализации, воспитания, становления личности – все это невозможно воспроизвести в программном алгоритме» [6]. Столь объемное цитирование предпринято с тем, чтобы как можно точнее передать не только мысль выступавшего, но и его эмоции, а также избежать упреков в неточной передаче авторской идеи.

Опасения профессионалов понятны, хотя далеко и не бесспорны. Большие объемы данных позволят формализовать все оценочные категории в рамках рассмотрения дела и сделать механизм правосудия абсолютно предсказуемым, что само по себе не позволит неформальным образом внедрить в механизм правосудия элементы сословности или необъяснимые с позиций равенства всех перед законом с точки зрения формальной логики решения. Российская судебная система, после ликвидации Высшего Арбитражного суда остановившаяся на пути внедрения элементов прецедентного права, вновь вернется на этот широкий путь к доверию со стороны и бизнеса, и общества.

Поэтому судьба сильного искусственного интеллекта в правосудии в значительной степени зависит от отношения к нему «потребителей услуг» – спорящих сторон и их представителей.

Подход к искусственному интеллекту профессиональных юристов, представляющих в судах интересы клиентов, из той информации, которую мы смогли получить эмпирически, разноплановый. Среди них есть и горячие сторонники, и горячие противники, и целая радуга мнений между этими полюсами. Первые видят следствием устранения человека из процесса правосудия справедливость решений, устранение злоупотреблений, да и просто ошибок, вызванных индивидуальными особенностями человеческой

психики, усталостью, раздражением и т. д. Вторые – приводят те же аргументы, что и профессиональные судьи. Учитывая, что юридическая корпорация уже несет существенные потери, не выдерживая конкуренции с машинными системами в целом ряде направлений юридической деятельности [7], поддержка внедрения элементов искусственного интеллекта в правосудие уже сама по себе похожа на самопожертвование.

Граждане и руководители хозяйствующих субъектов руководствуются в отношении перспектив искусственного интеллекта теми же соображениями, что и при применении электронных технологий голосования и социальной защиты: доверяй, но проверяй. Опасения «потребителей» искусственного интеллекта в правосудии совпадают с ограничениями, налагаемыми на его применение европейскими нормотворческими органами.

Так, Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы 3 декабря 2018 г. за № СЕРЕJ(2018)14 была принята Европейская этическая хартия о применении искусственного интеллекта в судебных системах [8], закрепившая пять принципов об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях:

1) Принцип уважения основополагающих прав человека, призванный обеспечить разработку и внедрение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам (таким как право на состязательный судебный процесс, право на справедливое разбирательство дела судом);

2) Принцип недискриминации, призванный определенным образом (реально) препятствовать развитию или усилению любой дискриминации отдельных лиц или групп лиц;

3) Принцип качества и безопасности, призванный осуществлять обработку судебных данных сертифицированными источниками и нематериальными данными (официально функционирующими базами данных нормативных актов, судебных решений и т. д.), с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе (с привлечением юристов и технических специалистов), в безопасной технологической среде (исключающей злонамеренное вмешательство в работу программно-аппаратного комплекса);

4) Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности, призванный сделать методы обработки данных доступными и понятными (использовать только доступные к пониманию человеком технологии, методы и алгоритмы), разрешить проведение внешнего аудита;

5) Принцип контроля пользователем, призванный избежать предписывающего подхода и позволить пользователю выступать в роли информированного лица, ответственного за свой выбор (обязывающее решение по делу принимается не программно-аппаратным комплексом, а человеком – судьей, непосредственно к человеку, минуя компьютер, может обращаться сторона спора и обжаловать состоявшееся решение).

Таким образом, разработчики Хартии не доверяют принятию решения по спору сильному искусственному интеллекту с полной подменой судьи-человека, но в то же время допускают слабый искусственный интеллект к процессу судопроизводства фактически на правах помощника судьи-человека. Быть может, когда-нибудь такой подход изменится вместе с изменением общества, но тогда людям придется получить ответ на главный, философский вопрос: является ли искусственный интеллект равной человеку личностью, ведь всякий стремится к тому, чтобы его судил равный.

---

1. Сильный и слабый искусственный интеллект. – URL:<https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 11.03.2020).

2. *Андреев В.К., Лантев В.А. Чуча С.Ю.* Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – № 1. – С. 19–34.

3. *Чуча С.Ю.* Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров // Предпринимательское право. – 2019. – № 3. – С. 29–35.

4. *Чуча С.Ю., Сорокина И.В., Кулагина Е.А.* Электронное судопроизводство как фактор снижения конфликтности в российском обществе // Закон. – 2011. – № 2. – С. 73–76.

5. Шанхайский политико-юридический университет, Китай. 10–12.12.2018. – URL:<https://msal.ru/news/kruglyu-stol-po-yurisprudentsii-v-shankhayskom-politiko-uridicheskouniversitete> (дата обращения: 21.01.2019).

6. *Момотов В.В.* Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации // Сайт Совета судей Российской Федерации. – URL:<http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/36912> (дата обращения: 13.03.2020).

7. О замещении юристов искусственным интеллектом в Сбербанке России см., например: Сбербанк передаст работу трех тысяч сотрудников роботам-юристам. Гайдаровский форум, 1 января 2017 г. // РБК. – URL:<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5877b2979a79478752358fb9> (дата обращения: 13.03.2020); Я Греф. Как Сбербанк внедряет роботов, увольняет сотрудников и закрывает офисы // Версия. 2020. 9 марта. – URL:<https://versia.ru/kak-sberbank-vnedryaet-robotov-uvolnyaet-sotrudnikov-i-zakryvaet-ofisy> (дата обращения: 13.03.2020).

8. URL:<https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 13.03.2020).

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

Т.Ф. Юдина

EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF OBJECTIVE IMPUTATION IN THE HISTORY OF DOMESTIC LAW

T.F. Yudina

Эволюция института объективного вменения в истории отечественного уголовного права связана с изменением политического режима государства. Показано, что деспотические политические режимы в истории российского государства дореволюционной и советской эпохи 30-х – начала 50-х гг. характеризуются прежде всего заменой личной уголовно-правовой ответственности коллективной, что свидетельствует о некой исторической преемственности дореволюционного и советского права.

Ключевые слова: институт объективного вменения, поток и разграбление, личная ответственность, коллективная ответственность, смертная казнь, опала.

The evolution of the institution of objective imputation in the history of domestic criminal law is associated with changes in the political regime of the state. It is shown that despotic political regimes in the history of the Russian state of the pre-revolutionary and Soviet eras of the 30s and early 50s are characterized primarily by the replacement of personal criminal liability with collective responsibility, which indicates a certain historical continuity of pre-revolutionary and Soviet law.

Keywords: Institute of objective imputation, flow and plunder, personal responsibility, collective responsibility, death penalty, disgrace.

Институт объективного вменения занимает особое место в истории русского права и его развитие напрямую связано с видом политического режима государства. Уже первый писанный памятник древнерусского права – «Русская Правда» – упоминает объективное вменение в ст. 7 Пространной редакции «будет ли стал на разбой..., то за разбойника люди не платят, но выдают ... с женой и с детьми на поток и разграбление» [1], что означало изгнание из общины, конфискацию имущества, обращение в холопы. Таким образом, вина деяния преступника вменялась и членам его семьи. Договор Смоленска с Ригой 1229 г. в ст.6 указывает, что в случае, если «будет виноват немчицю русин, отнимет князь все, жену и дети у холопство» [2]. О заточении, т. е. лишении свободы полоцких князей наряду с женами и детьми князем Мстиславом в 1129 г., сказано в Новгородско-Софийской летописи. Но в целом древнерусское право закрепляло принцип индивидуальной ответственности – «да не умрут отцы за сыны, ни сынове да не умрут за отцы, но кождо да за свой грех умрет», как говорилось в Кормчей книге [3]. Наличие коллективной ответственности в ранний период развития российской государственности объясняется многими причинами – и пережитками старой общинной системы, когда за преступления её члена нес

ответственность весь род, и неразвитостью аппарата принуждения, и, наконец, отсутствием закрепленной в уголовном праве смертной казни как вида уголовного наказания. Применение потока и разграбления в Русской Правде – как наиболее тяжелого наказания – предусматривалось только за три вида преступления – за убийство в разбое, конокрадство и поджог. С переходом к опричному террору Ивана Грозного в 1565 г. происходит фактически отказ от принципа личной ответственности в праве, и он заменяется принципом объективного вменения. В переписке с А. Курбским царь указывает, что карать следует за «злобные собацкие умышления», т. е. наказуем голый умысел на совершение преступления. Происходит оправдание объективного вменения, консервация понятия вины как воображаемого действия, а не как отражение внутреннего состояния человека. В период опричнины в соответствии с принципом объективного вменения начинается широкое применение репрессий к невиновным людям – членам семьи опальных. «Их дети и всё, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они пробегут куда-нибудь», – свидетельствовал современник тех событий А.Поссевино[4]. При Иване Грозном принцип объективного вменения прочно входит в юридическую практику. Карательные меры за «перевет», «крамолу», т. е. измену государству, распространялись на боярские семьи, целые боярские роды. Происхождение измены как преступления напрямую связано с крестоцеловальными записями, которые содержат запреты людям князя «никуда не отъехать», «служить князю и княгине и их детям», «лиха не мыслить», «о готовящемся на государя лихе известить». Отъезд со службы, нарушение обязательств вначале не был уголовно наказуем, впоследствии рассматривается как государственное преступление и «крамольник» наказывается вместе с женой и детьми в соответствии с принципом объективного вменения. Соборное Уложение 1649 г. расширяет и уточняет составы политических преступлений и в ст. 6–10 главы второй далее развивает институт объективного вменения, определяет ответственность родственников изменника. «А жены и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнити смертию» [5], говорится в ст. 6. Общий принцип, закрепленный в Уложении, лица, не знавшие об измене, наказанию не подлежат, а знавшие наказываются наряду с изменниками. Однако на практике требование имущественной и личной неприкосновенности невиновных не выполнялось и носило скорее декларативный характер. Доказать свое «неведение» о готовящемся преступлении было практически весьма затруднительно. Обвиняемый в любом виде измены лишался и движимого и недвижимого имущества; в состав его входили и хлебные запасы. Всё передавалось в казну государя, причем конфискации подлежало имущество не только родственников, знавших об измене, но и приданое жены политического преступника и его взрослого сына. Помимо того, невиновные родственники лишались права выкупа родовой недвижимости, а заложенная вотчина поступала в казну. Вернувшийся из-за рубежа изменник при помиловании его государем терял

право на получение конфискованных у него поместий, так как они после осуждения изменника поступали «в раздачу» челобитчикам. Вопрос же о вотчинах решался по усмотрению государем. Не знавшие об измене родственники подлежали ссылке на службу в другие города, что препятствовало их общению. Ссылка в другие города часто принимала характер опалы и применялась в отношении верхушки феодального общества. По словам В.Н. Татищева, «опала есть гнев государев» и означает его право выбрать разного рода наказание в зависимости от достоинства виновного. Так, в 1510 г. псковским наместникам и выборным была объявлена «великая опала». 300 знатнейших родов подверглись переселению по воле великого московского князя в различные города [6]. Об опале как форме наказания упоминают ст. 7 Судебника 1550 г. и ст. 2 гл. XI Соборного уложения. Таким образом, опала в соответствии с принципом объективного вменения касалась не только виновного в совершении преступления, но и его родственников. В период правления Петра I и Екатерины II система уголовно-правовых наказаний сохраняет такую отличительную черту, как отсутствие индивидуальности наказания, и сохраняет институт объективного вменения. Об этом говорят многие указы того времени. Так, указ 1698 г. о призыве воронежских солдат в случае их неявки предполагает битие кнутом, а также высылку их вместе с женами и детьми «на вечное житие в Азов». Сенатский указ 1713 г. о неявившихся купецких людях в Ригу гласит: «жен их и детей, и людей их держать за караулом...пока они (купцы) не явятся в Ригу». Указ 1699 г. говорит о лицах, не уплативших подати государству. В отношении их родственников устанавливается та же мера «имать жен и детей их, и свойственников, которые с ними живут в одних домах, и держать в тюрьме и за караулы, покамест те деньги на них направлены будут» [7]. Таким образом, по мере укрепления государственной власти в России мы видим трансформацию института объективного вменения – применение коллективной ответственности за конкретные осуществленные порядком прямого действия уголовные преступления во времена Русской Правды, наказание не только за преступные действия, но и за «собацкие умышления» периода опричнины Ивана Грозного и сохранение этого института фактически до начала XIX в. Наличие объективного вменения в праве является грубейшим нарушением уголовно-правовых принципов и является «визитной карточкой» феодального общества. В период правления Екатерины II происходит гуманизация уголовных законов и провозглашается принцип индивидуальности наказания. Устав благочиния 1782 г. признаёт невозможность ответственности родителей за детей [8] Свод законов Российской империи 1835 г. юридически закреплял принцип личной ответственности «в делах уголовных всякий должен отвечать сам за себя» (Свод законов, кн.2, ст.850). Однако видный российский юрист Николай Степанович Таганцев подчеркивает, что следы объективного вменения прослеживаются во всех памятниках русского права периода XI–XVIII вв., находит их он и в источниках права XIX в. В частности, он

указывает, что в Уложении 1845 г. о наказаниях уголовных и исправительных, особенно в разделах полицейских и фискальных, они «основываются исключительно на прямом указании закона, или выводятся из разбора юридического состава отдельных деяний. Таковы, например, были случаи ответственности лиц юридических. Если денежная пеня падала на юридическое лицо как таковое, то каждый отдельный его член уплачивал свою часть как наказание, без всякого отношения к его виновности». В нашем праве, говорил Н.С. Таганцев, такие случаи продолжают встречаться и в законах специальных. В виде примера он указывает на ответственность редактора повременного издания за содержание напечатанных в нём статей[9]. Возрождение института объективного вменения происходит уже в советском праве в период борьбы с «врагами» советского государства. В ряде законодательных актов, принятых в СССР за период 1934–1938 гг, устанавливается ответственность членов семьи изменников Родине. В ст. 1–3 Постановления ЦИК СССР от 1.06.1934 говорилось: «В случае побега или перелёта за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи...знали об этом, но не довели до сведения властей, караются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества». Подлежали ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет и другие совместно с ним проживающие члены семьи. Широкие репрессии проводились в отношении жен, причем как состоявших в законном, так и фактическом браке. Дети изменников старше 15 лет подлежали заключению в исправительно-трудовые колонии НКВД или детские дома особого режима [10]. Таким образом, институт объективного вменения является прямым нарушением важнейших правовых принципов, в частности, такого принципа, что только наличие состава преступления является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Этот правовой принцип утрачивает свое значение в эпоху сталинизма, так как право становится средством защиты прежде всего классовых интересов, нивелируются интересы человека. Но если в феодальную эпоху вменение деяния в вину человека осуществлялось не только как проявление общей репрессивной направленности государства и изданным им законов, то и просто отсутствия в уголовном праве понятий о принципах права, формах вины, составе преступления и т. д. К XIX в. эти принципы права были разработаны и нашли свое отражение и в ряде законодательных актов, в том числе и в России. Итак, применение объективного вменения является проявлением деформации советского права, свидетельствует об «исторической преемственности» права феодальной и советской эпохи, говорит о грубом нарушении основных принципов права.

---

1. Российское законодательство X – XX веков. Законодательство Древней Руси. – Т. 1. – М., 1984. – С. 65.

2. Памятники русского права. Вып. Второй. – М., 1953. – С. 60.

3. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – М., 1986. – С. 159.

4. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. – М., 1983. – С. 49.

5. Российское законодательство X – XX в. – С. 86.
6. *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV– XVIII вв. – М., 1995. – С. 99.
7. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (с XVIII и XIX вв.). – М., 2004. – С. 432.
8. Там же.
9. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М., 1994. – С. 223.
10. *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. – СПб, 2002. – С. 169.

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ БИНАРНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Е.М. Якимова

THE IMPORTANCE OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN SOLVING THE PROBLEM OF THE BINARITY OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF FREEDOM OF BUSINESS AND THE SOCIAL STATE

E.M. Yakimova

Исходя из приоритетности достижения равновесия в обществе посредством обеспечения равновесия правовой системы, сделан вывод о важности правоприменительной практики в разрешении проблем бинарности конституционных принципов, касающихся осуществления предпринимательской деятельности. Обозначено, что Конституционный Суд Российской Федерации не раз обращал внимание на бинарность таких конституционных ценностей, как свободы предпринимательской деятельности и социальное государство. Конституционный Суд РФ не наделяет ни один из указанных принципов безусловной приоритетностью, а исходит при оценке конкретной ситуации из необходимости обеспечить равновесие общественной системы посредством поддержания равновесия системы правового регулирования.

Ключевые слова: бинарность, конституция, правоприменение, принцип, равновесие, ценность.

On the basis of the priority of achieving a balance in society through ensuring the balance of the legal system, it was concluded that law enforcement was important in resolving the problems of the binarity of constitutional principles relating to the conduct of business. It is indicated that the Constitutional Court of the Russian Federation has repeatedly drawn attention to the binarity of such constitutional values as freedoms of business and social state. The Constitutional Court of the Russian Federation does not give any of these principles an unconditional priority, but proceeds from the need to ensure the balance of the public system by maintaining the balance of the legal regulation system when assessing a particular situation.

Keywords: balance, binarity, constitution, enforcement, principle, value.

Определяя грани соотношения конституционных ценностей, нельзя не увидеть, что они, хотя и составляют единую идейно-ценностную композицию, могут выражать различный посыл. Говорить о бинарности можно тогда, когда одна конституционная ценность противостоит другой, поскольку они отражают «противоречивые социальные интересы» [1], что ярко иллюстрируют правоотношения в экономической сфере в целом и предпринимательской деятельности в частности.

Бинарность принципа свободы предпринимательской деятельности и принципа социального государства отмечается рядом ученых-правоведов [2]. Например, Г.А. Гаджиев указывает, что правовой принцип экономической

свободы, отражающий интересы предпринимателей, «находится в системной взаимосвязи с экономическими принципами эффективности и максимизации прибыли, а принцип социального государства связан с экономическими процессами перераспределения получаемой предпринимателями прибыли» [3], т. е. отражает интересы работников, потребителей товаров и услуг, производимых предпринимателями.

В своем абсолютном понимании бинарности противостояние принципа социального государства и свободы предпринимательской деятельности является неразрешимым конфликтом, поскольку представители бизнеса заинтересованы лишь в получении прибыли, сокращая издержки, в том числе за счет уменьшения заработных плат работников, снижения качества товаров и услуг. Вместе с тем следует признать такой подход несостоятельным, поскольку предпринимательская деятельность выполняет как экономическую, так и социальную функцию.

Конечно, как грубое противопоставление конституционных принципов свободы предпринимательской деятельности и социального государства, так и абсолютизация образа предпринимателей как субъектов, деятельность которых направлена прежде всего на удовлетворение интересов общества, страдает однобокостью, поскольку множество примеров говорят об обратном, однако идея о бинарности указанных принципов должна развивать в обществе понимание партнерства между различными членами общества, которые могут иметь разные интересы, но для которых взаимодействие между собой выгодно.

И законодатель, и правоприменитель исходят из необходимости поддержать равновесие системы правового регулирования, что обуславливает некоторые происходящие в правоприменительной практике процессы (например, решение вопроса о приоритете в той или иной ситуации одного из бинарных принципов Конституционным Судом Российской Федерации, расширительное толкование норм о правомерном ограничении предпринимательской деятельности). Иными словами, бинарность конституционных принципов (ценностей) обусловлена неоднозначностью решения о том, как обеспечить равновесие правовой и общественной системы.

Исследователи, работающие над данной проблемой в рамках такого направления юридической науки, как конституционная экономика [4], подчеркивают важность наличия элемента целесообразности, в том числе в правотворчестве и правоприменении, аргументируют, что необходимо применение качественных характеристик при оценке эффективного конституционного регулирования экономической системы. В отличие от равенства, равновесие является категорией качественной, поэтому достичь его, используя только статичные средства невозможно, следовательно, исключительно поверхностная законодательная проработка данных вопросов не приведет к достижению цели установления и поддержания равновесия в обществе, поскольку поддержание равновесия системы правового регулирования как комплексного явления, включающего не только нормы

права, но и практику их реализации, требует гармонизации различных элементов этой системы. При этом нахождение системы правового регулирования в состоянии равновесия важно, прежде всего, для тех категорий субъектов, которые выступают активными участниками экономических отношений, что обуславливает повышенное значение тех проблем, с которыми они сталкиваются. Предпринимательское сообщество в данном случае наиболее показательно.

Механизмом поддержания текущего равновесия во взаимоотношениях бизнес-общество-государство является деятельность законодательных органов власти по принятию, изменению, отмене правовых актов в сфере предпринимательской деятельности, работа органов исполнительной власти по реализации указанных актов, разработка подзаконных нормативно-правовых актов, проведение контрольно-надзорных мероприятий в рамках правовых предписаний. Кроме того, достижению целей поддержания указанного равновесия также способствует деятельность судебных органов, прежде всего общей юрисдикции и арбитражных судов, уполномоченных по защите прав предпринимателей, негосударственного механизма охраны и защиты экономических прав и свобод человека и гражданина. При этом средствомальным выражением модели равновесия являются нормы права, акты правоприменения.

Иными словами, механизм правотворчества и правоприменения способствует, прежде всего, реализации текущего равновесия правовой и общественной системы, поскольку именно текущее равновесие выступает показателем стабильного развития в обществе, отражает состояние правотворчества и правоприменения.

Правильное сочетание различных, подчас противоположных посылов – задача не только законодателя, но и правоприменителя, и, прежде всего, Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации, как активный правоприменитель, не раз разрешал споры на основе идеи о бинарности принципов свободы предпринимательской деятельности и социального государства. Например, Конституционный Суд РФ отмечал, что «возможные ограничения федеральным законом свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты основных конституционных ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство – обеспечивать частное и публичное начала в сфере экономической деятельности» [5]. Говоря о конституционно-правовом смысле положений Конституции РФ, касающихся свободы предпринимательской деятельности и её ограничения Конституционный Суд РФ указал, что «права и свободы в сфере предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не должны осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц и ставить под угрозу конституционно защищаемые

ценности» [6]. Как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П, «в силу конституционного принципа справедливости, проявляющегося в необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников рыночного взаимодействия, свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность» [7].

Стоит отметить, что Конституционный Суд РФ не абсолютизирует ни принцип свободы предпринимательской деятельности, ни принцип социального государства, обозначает необходимость соблюдения баланса между ними.

Таким образом, движение к равновесию – суть как правового регулирования любой деятельности, в том числе правотворческой, так и складывающейся правоприменительной практики. Конституция Российской Федерации, как и другие основные законы, оценивается в настоящем исследовании как документ, закладывающий основу искомого равновесия, однако его поддержание – цель органов публичной власти, устанавливающих развивающие положения конституции нормы права, их исполняющих, а также их толкующих. Заложенные в конституции любого государства принципы достаточно часто бинарны, что позволяет системе трансформироваться с целью поддержания баланса интересов без изменения текста конституции. Конституционный Суд РФ при выработке правовой позиции обеспечивает сбалансированность бинарных принципов.

---

1. *Гаджиев Г.А.* Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. – М., 2018. – С. 18–42.

2. *Гаджиев Г.А.* Указ. соч.; *Ливеровский А.А.* Заметки на правовых полях конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. – М., 2018. – С. 120–147.

3. *Гаджиев Г.А.* Указ. соч. – С. 36.

4. *Sances-Graells A.* Economic analysis of law, or economically informed legal research // *Research Methods in Law* / edited by D. Watkins, M. Burton. – New York: Routledge, 2018. – P. 170–193; *Komarova V. V., Goshulyak V. V., Sintsov G. V., Feoktistov D. E.* Constitutional economics and stability of development of economic relations // *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth*, 2018. – P. 1552–1555.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2018 г. № 32-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 6.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февр. 2018 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 3.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Г.Н., канд. филол. наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета.

Аминева А.Ю., канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Ануфриева А.В., канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового и социального права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Баканов К.И., аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; ведущий юрисконсульт отдела взыскания задолженности с населения управления продаж муниципального предприятия г. Омска «Тепловая компания».

Верина Г.В., д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.

Герасименко Н.И., канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Гилева Н.В., канд.юрид. наук, доцент кафедры международного права Казахского Национального Университета им. аль-Фараби (Республика Казахстан, г. Алматы).

Головачук О.С., канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета.

Zbucka Marta – Gargas, LL.M., associate professor in the Department of Labour Law at the University of Gdańsk.

Данчевская А.В., канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России.

Демин А.А., канд.юрид. наук, доценткафедры гражданского права и процесса ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Дмитриева Е.А., аспирант кафедры теории и истории государства и права ОмГУ им Ф. М. Достоевского.

Драчук М.А., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой трудового и социального права ОмГУ им Ф. М. Достоевского.

Иванов Р.Л., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Ковальчук Н.И., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры трудового и социального права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Кожевников В.В., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Козлова В.В., адъюнкт Омской академии МВД России.

Козловская М.Г., аспирант кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Константинова В.А., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Кошечкина Г.В., преподаватель кафедры трудового и социального права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Кошель Д.Е., канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и муниципального права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Кузнецов А.А., заслуженный юрист РФ, канд. юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Кузьмина В.А., помощник судьи Советского районного суда г. Томска.

Маслов К.В., канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и муниципального права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Медведева Е.В., аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Михайленко Ю.А., канд. юрид. наук, доцент Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Обухова Г.Н., канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового и социального права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Пестерева Ю.С., юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета.

Пономарева К.А., канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и муниципального права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Рагозина И.Г., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета.

Сайфутдинова В.М., старший преподаватель кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета.

Серова А.В., канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета.

Симонов В.А., канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и муниципального права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Степашин В.М., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Сторожук Д.А., канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового и социального права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Султанова Т.А., аспирант кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Сысенко А.Р., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Тарасенко В.В., начальник отдела подготовки правовых актов правового управления Омского городского Совета.

Тишкович К.С., старший преподаватель кафедры трудового и социального права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Урусов А.А., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Фаст И.А., адвокат Адвокатской конторы «Гражданские компенсации» Нижегородской областной коллегии адвокатов, г. Нижний Новгород.

Федорова М.Ю., д-р юрид. наук, профессор, советник Конституционного Суда Российской Федерации.

Хисамов В.Н., заместитель начальника отдела – начальник следственного отделения Отдела МВД России по Миякинскому району Республики Башкортостан, подполковник юстиции.

Чуча С.Ю., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник сектора трудового права и права социального обеспечения Института государства и права Российской академии наук.

Юдина Т.Ф., канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева.

Якимова Е.М., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета.